ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Дегтярева Елизавета Борисовна

КОГНИТИВНЫЕ ВОЙНЫ: СТРАТЕГИИ И ТЕХНОЛОГИИ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ

Специальность: 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
Доктор политических наук, профессор,
Гаман-Голутвина Оксана Викторовна

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ..... 3

ГЛАВА 1. СПЕЦИФИКА КОГНИТИВНОЙ ВОЙНЫ КАК НОВОЙ ТЕХНОЛОГИИ НЕВООРУЖЕННОГО ПРОТИВОБОРСТВА 41

§ 1.1. Эволюция понятия когнитивной войны в стратегических документах США и НАТО с 1990 по 2024 гг. 42

§ 1.2. Информационные войны как предтеча когнитивных войн 66

§ 1.3. Когнитивные войны: становление феномена и концепта 86

§ 1.4. Когнитивные и информационные войны в компаративной оптике 95

ГЛАВА 2. БАЗОВЫЕ ПАРАМЕТРЫ КОГНИТИВНЫХ ВОЙН: ЗАДАЧИ, ЦЕЛИ, ИНСТРУМЕНТЫ, ТЕХНОЛОГИИ, МЕХАНИЗМ ДЕЙСТВИЯ 107

§ 2.1. Нейрофизиологические основания когнитивного воздействия 110

§ 2.2. Задачи и цели когнитивной войны 126

§ 2.3. Инструменты и технологии когнитивной войны 136

§ 2.4. Механизмы когнитивной войны 152

ГЛАВА 3. КОГНИТИВНАЯ ВОЙНА И ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ОТ ТЕОРИИ К ЭМПИРИКЕ 172

§ 3.1. Структурные предпосылки когнитивной войны 172

§ 3.2. Когнитивные войны в политической практике рубежа XX–XXI веков 182

§ 3.3. Ценностный уровень гражданской идентичности и когнитивно-аффективные индикаторы состояния когнитивной автономии (на основании эмпирического исследования) 203

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 224

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 234

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проблемы данного исследования обусловлена следующими обстоятельствами:

Когнитивная война представляет собой современный этап эволюции нематериальных форм противоборства, в рамках которых стратегическое соперничество субъектов разворачивается в сфере смыслов, идентичности и интерпретации реальности. Исторически борьба за трансформацию мировоззрения и системы ценностных ориентиров осуществлялась посредством различных форм и методов когнитивного воздействия, которые в разные эпохи реализовывались под иными концептуальными обозначениями и в иных институциональных формах. На протяжении длительного исторического времени воздействия на смыслообразующую сферу человека реализовывались под иными концептуальными обозначениями и в иных технологических и институциональных формах. В доиндустриальную эпоху ключевым инструментом такого воздействия выступали религиозные войны, миссионерство и принудительная смена вероисповедания, где объектом противоборства являлось мировоззрение как целостная система интерпретации реальности и нормативных ориентиров[1]. Индоктринация «своих» и обращение «чужих» в «правильную веру» рассматривались как необходимое условие политического и социального контроля, а утрата веры означала утрату лояльности и субъектности. По мере секуляризации общественного сознания борьба мировоззрений трансформировалась в идеологическую борьбу, которая в XX веке стала неотъемлемым элементом как внутриполитических процессов, так и межгосударственного противоборства. Идеологические войны, пропаганда, контрпропаганда и специальные формы психологического воздействия сопровождали вооружённые конфликты и мирное соперничество государств, нацеливаясь на формирование лояльных идентичностей и подрыв альтернативных систем смыслов. Историческими предшественниками когнитивных войн в этом

[1] Горин А. А. Религиозные войны. Исторический обзор. – Казань : КФУ, 2018. – 280 с. – С. 237–265.

контексте выступают индоктринация, миссионерство, военная пропаганда и так называемые «идеологические диверсии», включая целенаправленные практики трансформации идентичности (например, политика переопределения идентичности русских военнопленных в австро-венгерских лагерях в период Первой мировой войны, где предпринимались системные попытки формирования альтернативной национальной самоидентификации)[2]. Во второй половине XX века, несмотря на декларации о «смерти идеологии», идеологическое противоборство не исчезло, а трансформировалось, приобретя более скрытые и технологически опосредованные формы. Произошла его постепенная сайентификация: идеологические и мировоззренческие воздействия стали обосновываться через язык науки, психологии, нейробиологии и когнитивных исследований. В этом контексте современная когнитивная война может рассматриваться как результат эволюции идеологического противоборства, в рамках которого, тем не менее, воздействие в современном мире смещается с открытого навязывания идей на управление когнитивными механизмами восприятия, интерпретации и принятия решений. Таким образом, когнитивная война, являясь продолжением предшествующих форм нематериального противоборства, представляет собой их качественно новый этап, обусловленный цифровизацией, развитием нейротехнологий и изменением структуры коммуникационного пространства.

Несмотря на интенсивное обсуждение когнитивного противостояния в стратегических, военных и технократических кругах, его научная операционализация в рамках политологии всё ещё носит фрагментарный характер. На данный момент отсутствует единое определение когнитивной войны, разнятся подходы к её методологическому осмыслению, не согласованы концептуально-теоретические рамки. В то же время политическая наука должна будет откликнуться на новые вызовы, порождаемые трансформацией механизмов власти и управления в условиях когнитивного давления. Необходимость выработки категориального аппарата, теоретического основания и эмпирических

[2] Суляк С. Талергоф и Терезин: забытый геноцид* // Русин. – 2008. – № 3–4(13–14). – С. 69–75.

методик изучения когнитивной войны делает данную тему особенно востребованной. В этой связи исследование направлено на создание методологически выверенной основы для анализа стратегий и технологий когнитивного противоборства как нового объекта политологического изучения.

Переход к цифровому обществу, широкое распространение социальных сетей, развитие нейротехнологий существенно повышают уязвимость когнитивной сферы человека. В этой связи речь идёт о качественной трансформации ранее существовавших практик мировоззренческого и смыслообразующего воздействия, которые в цифровой среде приобретают иные масштабы, скорость и степень проникновения, приводя к возникновению принципиально новой формы противоборства. Алгоритмы персонализированной информации, механизмы цифровых алгоритмов, а также феномены когнитивной перегрузки и эмоционального выгорания создают уникальные условия для масштабного вмешательства в процессы восприятия и интерпретации реальности, а резкий рост доли визуализированной информации формирует ускоренные и аффективно нагруженные режимы восприятия информации, воздействуя не только на рациональные, но и на неосознаваемые механизмы психики. На этом фоне растёт вероятность трансформации политических предпочтений, радикализации убеждений и даже снижения уровня рациональности как базового механизма политического участия. Всё это позволяет рассматривать когнитивную сферу как актуальное стратегическое поле нематериального противоборства, в котором исторически сложившиеся формы воздействия реализуются в технологически усовершенствованном виде, а её защита становится важной задачей национальной и международной безопасности. Актуальность изучения когнитивной войны обусловлена необходимостью теоретического осмысления этих процессов и разработки адекватных концептуальных оснований в рамках политической науки.

Ещё одним основанием актуальности исследования выступает вопрос сохранения и воспроизводства гражданской идентичности молодёжи в условиях когнитивного давления цифровой среды. Поскольку гражданская идентичность

формируется и поддерживается через устойчивые ценностно-нормативные ориентации, доверие к институтам и внутреннюю согласованность политико-социальных представлений, её эрозия может рассматриваться как один из наиболее значимых эффектов когнитивного воздействия. В логике когнитивной войны объектом противоборства оказывается не столько изменение отдельных политических мнений, сколько постепенное ослабление регулятивного потенциала ценностей и снижение способности индивида к автономной интерпретации политической реальности. Это создает условия для роста декларативных установок, амбивалентности и рассогласования между декларируемыми ориентирами и реальными практиками участия, что в перспективе трансформирует основания гражданской субъектности и управляемости политических процессов. В связи с этим анализ факторов, механизмов и эмпирических индикаторов подобных трансформаций приобретает не только теоретическое, но и прикладное значение в контексте задач политической стабильности, легитимности и воспроизводства гражданской солидарности в цифровом обществе.

В условиях, при которых нематериальные формы противоборства реализуются преимущественно вне формализованных правовых и военных рамок, а их эффекты проявляются опосредованно – через изменения восприятия, интерпретации и поведенческих установок, эмпирическая фиксация когнитивного воздействия оказывается затруднённой. В отличие от вооружённых конфликтов, когнитивные формы противоборства не обладают однозначно наблюдаемыми границами, временными рамками и измеряемыми параметрами, что существенно ограничивает возможности их прямого эмпирического анализа на ранних этапах концептуализации. В этих условиях особое значение приобретают стратегические доктрины, программные документы и аналитические материалы военных и политических институтов, поскольку именно в них фиксируются официальные представления об угрозах, целях и допустимых инструментах воздействия, а также формируются нормативные и концептуальные основания практической деятельности. Анализ подобной документации позволяет выявить не только

трансформацию терминологии и понятийного аппарата, но и изменение логики стратегического мышления, в рамках которой когнитивная сфера постепенно оформляется как самостоятельное пространство противоборства. Доктринальные и программные тексты фиксируют процесс институционального осмысления новых форм противоборства, постепенно встраивая их в систему стратегического планирования. Это делает их значимым источником для анализа того, как со временем трансформируются подходы к нематериальным конфликтам в целом. В политологическом контексте обращение к таким документам позволяет проследить, как меняются представления о власти, управлении, сопротивлении и субъектности по мере смещения фокуса воздействия с материальных объектов к когнитивным процессам. Актуальность работы с подобными источниками связана и с тем, что их анализ выводит исследование за пределы публицистического и описательного уровня обсуждения когнитивных войн, что создает условия для построения операционализируемых научных моделей. Тем самым доктринальные документы создают эмпирическую основу, на которой становится возможной разработка и тестирование методологических инструментов, применимых к изучению когнитивного противоборства как сложного и многоуровневого политического феномена. В результате политологическое исследование когнитивной войны приобретает не только описательный, но и объяснительный и прогностический потенциал, что существенно расширяет возможности анализа современных форм нематериального противоборства.

Актуальность концептуального осмысления когнитивной войны обусловлена её прямой связью с трансформацией механизмов политической власти, легитимности и управляемости в современных обществах. Смещение фокуса воздействия с материальных и институциональных ресурсов на когнитивные и идентификационные основания политического поведения меняет логику функционирования политических систем. В условиях когнитивной войны процессы политического участия, поддержки или сопротивления всё в большей степени определяются не рациональным выбором, а структурой восприятия, интерпретационными рамками и эмоционально-аффективными состояниями. Это

ставит под вопрос классические представления политической науки о рациональности актора, устойчивости гражданской идентичности и механизмах политической мобилизации, тем самым требуя теоретического переосмысления базовых категорий политического анализа.

Дополнительным подтверждением актуальности исследования когнитивной войны является её артикуляция в экспертном и академическом дискурсе ведущих представителей российской политической науки[3]. Подчёркивается, что ментальная безопасность человека в современных условиях становится одним из ключевых вызовов, напрямую связанных с трансформацией политической среды. Фиксация данной проблематики на уровне ведущих научных и образовательных институтов указывает на её системный характер и подтверждает необходимость включения анализа когнитивных войн в предметное поле политической науки. Тем самым акцент на когнитивный фактор отражает не частный исследовательский интерес, а формирование устойчивой научной и экспертной повестки, требующей теоретического осмысления и эмпирической разработки.

Степень разработанности проблемы.

Научные знания о когнитивных войнах и соответствующих им процессах включают в себя совокупность результатов исследований политологов, нейробиологов, нейрофизиков, психологов и др., охватывая весь комплекс «наук о человеке». Когнитивные войны тесно связаны не только с результатами исследований из области нейробиологии и нейрофизики, но и с общей природой массовой коммуникации, психологическими свойствами политических взаимодействий, поведением личности, социальных групп и общества в целом, воздействием средств массовой информации (далее – СМИ). Поэтому как научная проблема концепция когнитивных войн (часто опосредованно) через призму смежных отраслей знания привлекает фокус исследовательского внимания зарубежных и отечественных ученых в достаточном объеме. Массив

[3] См., напр.: Собрались с мыслями. Современная политология. Вып. от 06.02.2025 // 1tv.ru. – 06.02.2025. – URL: https://www.1tv.ru/podcasts/sobralis-s-myslyami/vypuski/sobralis-myslyami-sovremennaya-politologiya-vypusk-ot-06-02-2025 (дата обращения: 23.02.2025).

литературных источников можно представить по следующим основным направлениям:

В качестве **первого направления** в рамках осуществления сравнительного анализа информационно-психологических и когнитивных войн следует рассмотреть и более устоявшийся *феномен информационных и психологических войн* (особенно интересны работы с упоминанием и когнитивных). Так, изучение феномена психологической войны восходит к периоду Первой мировой войны, когда систематическое использование пропаганды и психологических операций стало неотъемлемым элементом военных действий. Одним из пионеров научного осмысления данных практик считается Э. Бернейс[4], в работах которого пропаганда рассматривалась как инструмент целенаправленного управления общественным мнением и массовым сознанием. В институционализированном виде теория психологической войны получила развитие в начальный период холодной войны. Классическим трудом в данной области является работа П. Лайнбарджера[5] о психологической войне, первое издание которого вышло в 1948 году, а переводы на русский язык были опубликованы в 1954 и 1962 годах. В этих работах психологическая война рассматривалась как системное воздействие на установки, убеждения и поведение населения и вооружённых сил противника с целью подрыва его моральной устойчивости и способности к сопротивлению. Уже в этот период когнитивные и психологические аспекты противоборства осознавались как самостоятельное направление военной и политической практики. Особое внимание проблематике психологической войны уделялось и в нацистской Германии, где ещё в 1930–1940-е годы активно использовался сам термин «психологическая война» («Kriegführung des Geistes»). В структуре Верховного командования вермахта (ОКВ) функционировали специализированные подразделения, включая так называемую «Психологическую лабораторию», занимавшуюся разработкой и применением методов воздействия на моральное состояние и поведение противника: в этот период были

[4] Bernays E. L. Propaganda. – New York : H. Liveright, 1928. – 159 p.
[5] Лайнбарджер П. Психологическая война. Теория и практика обработки массового сознания. – М. : Центрполиграф, 2025. – 445 с.

опубликованы многочисленные работы[6], посвящённые «войне духа», «психологической готовности» и «военно-психологическим аспектам наступательного духа», что свидетельствует о высоком уровне институционального и теоретического осмысления психологического измерения войны задолго до появления современных концепций. В отечественной научной традиции систематическое изучение психологической войны также началось в советский период, преимущественно в форме критического анализа зарубежных теорий и практик: так, в СССР были опубликованы фундаментальные исследования, посвящённые организации, методам и последствиям психологической войны, включая труды Г. Зазворки[7], Е. Б. Черняка[8], М. Марко[9], коллективные работы под редакцией Я. Н. Засурского[10], а также монографию Д. А. Волкогонова «Психологическая война»[11]. Значительный вклад внесли и исследования, посвящённые механизмам манипуляции сознанием, в частности труд Н. И. Живейнова[12] и работа Е. Л. Доценко[13], в которой подробно анализируются психологические феномены и защитные механизмы личности.

Рассмотрение информационных войн началось в 1992–1993 гг. в западной литературе[14], а в 1994–1997 гг. – в отечественной[15]. Информационные войны

---

[6] Волковский Н. Л. Журналистика в информационных войнах (историографический обзор) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История, языкознание, литературоведение. – 2003. – № 3. – С. 118–135.

[7] Зазворка Г. Психологическая война НАТО: (Организация, способы и методы ведения психологической войны) / сокр. пер. с нем. Ю. Жданова; предисл. ген.-майора А.М. Шевченко. – М. : Воениздат, 1963. – 311 с.

[8] Черняк Е. Б. Химеры старого мира. – Москва : ЦК ВЛКСМ. Молодая Гвардия, 1970. – 271 с.

[9] Марко М. Психологическая война и «чехословацкий эксперимент». – М. : Наука, 1972. – 168 с.

[10] Техника дезинформации и обмана / под ред. Я.Н. Засурского. – М. : Мысль, 1978. – 248 с.

[11] Волкогонов Д. А. Психологическая война (Подрывные действия империализма в области общественного сознания). – М. : Воениздат, 1984. – 320 с.

[12] Живейнов Н. И. Операция «PW»: «психологическая война» американских империалистов. – М. : Изд-во МГУ, 1996. – 282 с.

[13] Донецко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М. : ЧеРо; Издательство МГУ, 1997. – 344 с.

[14] Libicki M. C. The mesh and the net: Speculation on armed conflict in a time of free silicon. Washington: National Defense University, 1994. – 127 p.; Molander R., Riddile A., Wilson P. Strategic Information Warfare: A New Face of War. Santa Monica (USA), 1994; Cordesman A., Wagner A. The Lessons of Modern War: The Gulf War. – Boulder (USA), 1996; Van Riper P. Information Superiority // Marine Corps Gazette. – 1997. – June. – P. 54–62; The Marine Corps and Information Operations // Marine Corps Gazette. – 1997. – April. – P. 17.

имеют широкую терминологию («война нового типа», «война XXI века»), но наиболее успешные попытки дать определение информационному типу войн были предприняты в военной сфере: либо как система действий по подрыву/защите средств связи, либо как дезорганизация как населения, так и вооружённых сил противника во время военных конфликтов[16]. Также концепции и подходы к пониманию природы процессов, происходящих в ходе информационного противоборства, были рассмотрены Г. Почепцовым[17], С. Расторгуевым[18], И. Н. Панариным[19], И. Михальченко[20], Я. Мальцевой[21], А. Манойло и Е. Г. Пономаревой[22] и др. Среди концептуальных теоретических работ, затрагивающих проблемы философского осмысления сущности информационных войн как одного из видов «нового оружия», необходимо отметить труды П. Вирильо[23] и А. Зиновьева[24]. Большое значение имеют работы А. Каптерева[25], И.

---

[15] Курило А. П., Черешгаш Д. С. Проблемы информационной безопасности России и пути их разрешения // Информационные технологии. – 1996. – № 3. – С. 8–9; Стрельцов А. А., Шеремет И. А., Вусс Г. В. Проблемы создания российского фрагмента глобальной информационной инфраструктуры // Вестник Российского общества информатики и вычислительной техники. – 1996. – № 1. – С. 60–67; Цыгичко В. Н. Информационно-аналитическая поддержка стратегических решений // Межотраслевая информационная служба. – 1995. – Вып. 3. – С. 28–38; Феоктистов Г. Г. Информационная безопасность общества // Социально-политический журнал. – 1996. – № 5. – С. 211–216; Завадский И. И. Информационная война – что это такое? // Конфидент. Защита информации. – 1996. – № 4. – С. 15.

[16] Нерсесиан В. Э. Основные угрозы в сфере информационной безопасности Российской Федерации. – М., 1996; Rodgers J. Information Warfare: Nothing New Under the Sun // Marine Corps Gazette. – 1997. – April. – P. 23–33.

[17] Почепцов Г. Г. Психологические войны. – М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 2000. – 528 с.; Почепцов Г. Г. Информационные войны. – М. : Рефл-бук; К.: Ваклер, 2000. – 576 с.

[18] Расторгуев С. П. Информационная война. – М. : Радио и связь, 1999. – 416 с.

[19] Панарин И. Н. Информационно-психологическое обеспечение национальной безопасности России: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 1997; Панарин И. Н. Информационная война и геополитика. – М. : Поколение, 2006. – 560 с.

[20] Михальченко И. А. Информационные войны и конфликты идеологий в условиях геополитических изменений конца XX века : автореф. дис. … канд. полит. наук. – СПб., 1998.

[21] Мальцева Я. В. Цивилизационные перемены в России: информационный аспект (последняя четверть XX – нач. XXI вв.) : автореф. дис. … канд. полит. наук. – Владивосток, 2004.

[22] Манойло А. В., Пономарева Е. Г. Современные информационно-психологические операции: технологии и методы противодействия // Обозреватель. – 2019. – № 2(349). – С. 5–17.

[23] Вирильо П. Машина зрения. – СПб., 2004. – 194 с.; Люк Т., О'Туатейл Дж. Осмысляя геополитическое пространство: пространственность войны, скорости и зрения в работах П. Вирильо // Социологическое обозрение. – 2003. – Т. 2, № 3. – С. 31–39.

[24] Зиновьев А. А. Запад. Феномен западнизма. – М., 1995. – 177 с.

[25] Каптерев А. И. Мультимедиа как социокультурный феномен. – М., 2002. – 224 с.

Дзялошинского[26], А. Манойло и Д. Фролова[27] о международном информационном обмене. Из зарубежных авторов можно отметить работы Клинта Уоттса[28], Франсуа де Клузеля[29], Б. Клаверье[30] и Б. Пребота, Д.С. Хартли и К. Джобсона[31]и др.

Второе направление представлено работами зарубежных[32] и отечественных авторов, в котором рассматривается *понятие «новой войны» или «войны нового поколения»* и в научном, и в профессиональном дискурсе. В ряде публикаций отечественные военные специалисты (В. Буренок[33], И. А. Гареев[34], В. И. Слипченко[35]) и авторы (Е.С. Ларина и В.С. Овчинский[36], С. Клименко[37], Ю. Ю.

---

[26] Дзялошинский И. М. Информационное пространство России: структура, особенности функционирования, перспективы эволюции. – М., 2001; Дзялошинский И. М. Политическое пространство России: политическая метафора или научное понятие // Право знать. Бюллетень Правозащитного фонда Комиссии по свободе доступа к информации. – 2001. – № 7–8.

[27] Манойло А. В., Фролов Д. Б. Информационно-психологическая война в системе политических отношений информационного общества // Государственная информационная политика: проблемы и технологии : сб. статей. – М., 2003.

[28] Watts S. Messing with the Enemy: Surviving in a Social Media World of Hackers, Terrorists, Russians and Fake News. – New York : Harper, 2018. – 304 p.

[29] Cluzel F. Du. Cognitive Warfare // NATO Innovation Hub. – 11.2020. – URL: https://innovationhub-act.org/wp-content/uploads/2023/12/20210113_CW-Final-v2-.pdf (Last accessed: 16.07.2023).

[30] Claverie B., Prebot B., Buchler N., Du Cluzel F. (eds.). Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance // NATO Collaboration Support Office. – 08.04.2022. – URL: https://hal.science/hal-03635887v1/file/NATO-CSO-CW%202022-03-01%20%28US%29%20Autellet.pdf (Last accessed: 10.05.2024).

[31] Hartley D.S. III, Jobson K.O. Cognitive Superiority: Information to Power. – New York (NY, USA) : Springer, 2021. – 327 p.

[32] Hoffman F.G. Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars. – Arlington : Potomac Institute for Policy Studies, 2007. – 72 p.; Mattis J.N., Hoffman F.G. Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars // US Naval Institute Proceedings Magazine. – 2005. – November. – Vol. 132/11/1,233. – P. 18–19.

[33] Буренок В. М. Будущие войны // Вооружение и экономика. – 2013. – № 2(23). – С. 37-43; Буренок В. М. Новые технологии, новые системы вооружения, новый характер войн / В. М. Буренок // Вооружение и экономика. – 2011. – № 1(13). – С. 6-12.

[34] Гареев М. А. Война: современное толкование теории и реалии практики / М. А. Гареев, Н. И. Турко // Вестник Академии военных наук. – 2017. – № 1(58). – С. 4-10

[35] Слипченко В.И. Война будущего. Шестое поколение. – М. : Московский общественный научный фонд, 1999. – С. 27.

[36] Ларина Е. С., Овчинский В. С. Мировойна. Все против всех. – М. : Книжный мир, 2015. – 416 с.

[37] Клименко С. Теория и практика ведения «гибридных войн» (по взглядам НАТО) // Зарубежное военное обозрение. – 2015. – № 5. С. 109-112.

Першин[38], А.А. Кокошин[39]) излагают свое видение характера войн нового поколения. Здесь можно также отметить ряд зарубежных работ[40], среди которых находятся работы М. Мёрфи, М. Фишера, М. МэкКью и др. Отдельно следует выделить исследования, посвящённые осмыслению феномена так называемого *«нового оружия»* и нематериальных форм противоборства в политической и военной теории. Данное направление формируется во второй половине XX века и связано с переосмыслением сущности войны в условиях ядерного сдерживания и ограничения прямого вооружённого столкновения между ведущими державами. В научном и стратегическом дискурсе категория «нового оружия» используется для обозначения средств и технологий воздействия, не ориентированных на физическое уничтожение противника или разрушение материальной инфраструктуры, но направленных на подрыв его воли, управляемости, способности к сопротивлению и воспроизводству устойчивых форм политического и социального порядка. В этом смысле «новое оружие» противопоставляется классическим видам вооружений и трактуется как совокупность нематериальных способов достижения стратегических целей через воздействие на сознание, установки, ценности и интерпретацию реальности. В данном ключе можно выделить работы таких авторов, как Вокин Г.Г.[41] и Макаров

---

[38] Першин Ю. Ю. Записки о "гибридной войне" // Вопросы безопасности. – 2016. – № 4. – С. 63-85.

[39] Кокошин А. А. Вопросы прикладной теории войны. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – С. 227.

[40] Murphy M.N. Understanding Russia's Concept for Total War in Europe // The Heritage Foundation. – 12.09.2016. – Архивная копия от 11.05.2017. – URL: https://web.archive.org/web/20170511075956/https://www.heritage.org (дата обращения: 16.01.2023); Fisher M. In D.N.C. Hack, Echoes of Russia's New Approach to Power // The New York Times. – 25.07.2016. – Архивная копия от 15.09.2017. – URL: https://web.archive.org/web/20170915000000/https://www.nytimes.com (дата обращения: 16.01.2023); McKew M.K. The Gerasimov Doctrine // Politico Magazine. – 2017. – Архивная копия от 11.11.2021. – URL: https://web.archive.org/web/20211111000000/https://www.politico.com (Last accessed: 16.01.2023).

[41] Вокин Г. Г. Элементы искусственного интеллекта, информационные средства и роботы как ключевые составные части дистанционно-кибернетического оружия // Информационно-технологический вестник. – 2017. – № 3(13). – С. 14-29; Вокин Г. Г. Дистанционно-кибернетическое оружие - щит и меч для создаваемого нового рода войск Вооруженных Сил Российской Федерации - войск беспилотных систем // Военная мысль. – 2025. – № 6. – С. 9-15.

М.И.[42], Селин И.А. и Фентисов Д.А.[43], Семенова К.А. и Алиханян Н.Г.[44], Байда С.Е.[45], Спирин М.С.[46] и др.

Третье направление исследований составляют работы, посвященные рассмотрению феномена непосредственно *когнитивных войн, а также смежных концепций,* которые могут выступать синонимами данного явления. Исследованию термина «когнитивная война» посвящен внушительный ряд работ, среди которых, например, можно найти публикации Г. Почепцова[47], Е. Макарова[48], А. П. Алексеева и И. Ю. Алексеевой[49], К. Е. Коктыша[50], А.Н. Медушевского[51], В. Барановского[52], А. М. Ильницкого[53], однако стоит

---

[42] Вокин Г. Г. Концептуальные основы создания оружия нового класса - дистанционно-кибернетического оружия / Г. Г. Вокин, М. И. Макаров // Военная мысль. – 2020. – № 8. – С. 117-125.

[43] Селин И. А. Информация - новое оружие массового поражения / И. А. Селин, Д. А. Фентисов // Социально-политические науки. – 2022. – Т. 12, № 2. – С. 15-20.

[44] Семенова К. А. Оружие войн нового поколения - мега-катастрофы / К. А. Семенова, Н. Г. Алиханян // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2017. – Т. 2, № 13. – С. 672-674.

[45] Байда С. Е. Мега-катастрофы как стратегическое и тактическое оружие войн нового поколения, возможность их прогнозирования и предупреждения // Технологии гражданской безопасности. – 2010. – Т. 7, № 1-2(23-24). – С. 191-198; Байда С. Е. Задачи гражданской обороны в случае возможного применения геофизического оружия // Планирование гражданской обороны и защиты населения в современных условиях: опыт, проблемы, перспективы совершенствования : Материалы IX Научно-практической конференции, Москва, 23 октября 2012 года. – Москва, 2012. – С. 136-137.

[46] Перспективные разработки оружия на новых физических принципах вс рф / М. С. Спирин, И. А. Зайцев, С. Н. Горбачева [и др.] // Известия Тульского государственного университета. Технические науки. – 2022. – № 10. – С. 287-291.

[47] Почепцов Г. Г. Когнитивные войны в соцмедиа, массовой культуре и массовых коммуникациях. – 1-е изд. – М. : Фолио, 2019. – 390 с.

[48] Макаров В. А. Ментальная и когнитивная войны: вопросы определения, цели и средства // Геополитика. 2022. – 12.11.2022. – URL: https://www.geopolitika.ru/article/mentalnaya-i-kognitivaya-voyny-voprosy-opredeleniya-celi-i-sredstva (дата обращения: 24.05.2023).

[49] Алексеев А. П., Алексеева И. Ю. Цифровизация и когнитивные войны // Философия и общество. – 2021. – № 4. – С. 39–51.

[50] Коктыш К., Ренард-Коктыш А. Когнитивное измерение безопасности // Международные процессы. – 2021. – Т. 19, № 4. – С. 26–46; Коктыш К.Е. Становление когнитивного кода современности // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 6. – С. 94–113.

[51] Медушевский А. Н. Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования. Ч. 1 // Вопросы теоретической экономики. – 2023. – № 2. – С. 85–98.

[52] Барановский В., Подъяконов В., Грекова И. Противоборство в когнитивной войне: борьба за человеческий разум // Системы безопасности: Security and Safety. – 18.10.2022. – URL: https://www.secuteck.ru/articles/protivoborstvo-v-kognitivnoj-vojne-borba-za-chelovecheskij-razum (дата обращения: 16.05.2023).

[53] Ильницкий А. М. Ментальная война России // Военная мысль. – 2021. – № 8. – С. 19–33.

подчеркнуть, что большинство работ по данной тематике носят преимущественно публицистический характер. Среди зарубежных авторов, исследующих данную тематику, можно выделить А. Берналя и К. Картера[54], Б. Клаверье и Б. Пребота[55], Ф. Дю Клюзеля[56] и др. Смежному явлению *консциентальных войн, ментальных войн и войн смыслов и ценностей* также посвящен определённый массив работ, среди которых можно выделить публикации Ю. В. Громыко[57], П. В. Мусиец[58], М. В. Бейлина[59], Н. А. Комлевой[60], В. В. Черных[61], Е. Г. Пономаревой[62], В. В. Кочеткова[63], А. В. Пискуна[64], О. Б. Неменского[65] и др. Большой пласт работ в отечественной науке также посвящен изучению влияния массового сознания на

[54] Bernal A., Carter C., Madreperla O., Cao K., Singh I. Fall 2020 Cognitive Warfare – An Attack on Truth and Thought // InnovationHub. – 2021. – URL: https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2021-03/Cognitive%20Warfare.pdf (Last accessed: 18.01.2023).

[55] Claverie B., Prebot B., Buchler N., Du Cluzel F. (eds.). Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance // NATO Collaboration Support Office. – 08.04.2022. – URL: https://hal.science/hal-03635887v1/file/NATO-CSO-CW%202022-03-01%20%28US%29%20Autellet.pdf (Last accessed: 10.05.2024).

[56] Cluzel F. Du. Cognitive Warfare // NATO Innovation Hub. – 11.2020. – URL: https://innovationhub-act.org/wp-content/uploads/2023/12/20210113_CW-Final-v2-.pdf (Last accessed: 16.07.2023).

[57] Громыко Ю. В. Оружие, поражающее сознание – что это такое? // Кому будет принадлежать консциентальное оружие в XXI веке. – М. : Россия 2010, 1997.

[58] Мусиец П. В. Консциентальная война с позиций социально-философского анализа // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2023. – С. 533–536.

[59] Бейлин М. В. Консциентальные войны в эпоху информационных технологий // Наука. Искусство. Культура. – 2018. С. 169–177.

[60] Комлева Н. А. Консциентальная война: глобальные тренды глобального противоборства // Пространство и время. – 2015. – № 3. – С. 15–23.

[61] Черных В. В. Разрушение устоев государства через подмену смыслов и фальсификацию ценностей // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2021. – № 37. – С. 19–26.

[62] Пономарева Е. Г. Кино – инструмент когнитивной войны // DISPARATI / РАЗНОСТИ. Большие процессы и зеркала истории. – М. : Тион, 2025. – С. 129-150; Пономарева Е. Г. Вторая мировая война и проблема фальсификации ее истории в представлениях российской молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2020. – Т. 20, № 2. – С. 307-322; Пономарева Е. Г. Фальсификация истории как когнитивное оружие // История Великой Победы. Том 1. – М : Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2020. – С. 80-95; Пономарева Е. Г. Фальсификация истории Великой Отечественной войны - технология трансформации сознания // Обозреватель. – 2016. – № 5(316). – С. 5-20.

[63] Кочетков В. В. Война и мир ценностей во внешней политике России // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2012. – № 3. – С. 97–101.

[64] Пискун А. В. Проблема смысла в эпоху информационных войн // Известия Московского государственного технического университета МАМИ. – 2010. – № 2. – С. 211–214.

[65] Неменский О. Б. Вторая холодная война как ценностный конфликт // Вопросы национализма. – 2018. – № 1. – С. 26–40.

политические процессы, что может в значительной мере дополнить данное направление: например, работы О. В. Гаман-Голутвиной[66], А. Ю. Зудина[67], В. И. Пантина[68] и др. Таким образом, в литературе есть работы, посвященные изучению феномена когнитивных войн и смежных терминов, однако существующие на данный момент работы носят публицистический характер без разработки концептуально-теоретического аппарата данного явления.

Формирование **четвертого направления** неразрывно связано с возникновением и развитием когнитивистики как междисциплинарной области научного знания, оформившейся во второй половине XX века на стыке психологии, нейробиологии, лингвистики, философии, информатики и теории искусственного интеллекта. Именно когнитивистский поворот в гуманитарных и социальных науках заложил теоретические основания для анализа мышления, восприятия, памяти, внимания и принятия решений как автономных объектов научного исследования, что впоследствии было экстраполировано и на сферу политики и международных отношений. Так, в качестве **четвертого направления исследований** можно выделить нейробиологические исследования, изучающие нейронные корреляты человеческого потенциала, такие как области мозга и сети, участвующие в когнитивных функциях, а также исследующие интеллект. То есть в данном разделе когнитивистика будет рассматриваться через призму *нейробиологии*. Внушительный вклад в эту область знаний внесли такие авторы, как Д. В. Романов[69], Н. П. Романчук[70], В. А. Лекторский[71], С. Н.

---

[66] Гаман-Голутвина О. В. Реальность и мифы современной отечественной политической культуры // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 3. – С. 153-159; Образы лидеров в массовом сознании накануне президентских выборов / Е. Б. Шестопал, А. Ю. Шутов, С. В. Володенков [и др.] // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 4. – С. 160-174.

[67] Зудин А. Ю. Массовое сознание и политические инновации: опыт последнего десятилетия // Традиции и инновации в современной России : Социологический анализ взаимодействия и динамики. – М : Издательство "Политическая энциклопедия", 2008. – С. 306-343.

[68] Пантин В. И. Массовое сознание в современной России: размежевания, противоречия, сопряжения // Вестник Института социологии. – 2015. – № 12. – С. 100 – 117.

[69] Романов Д. В., Романчук Н. П. Болезнь Альцгеймера и ядерная медицина: циркадный стресс и нейровоспаление, нейрокоммуникации и нейрореабилитация // Бюллетень науки и практики. – 2022. – Т. 8, № 5. – С. 256–312; Романов Д. В., Романчук Н. П. Ранняя диагностика когнитивных нарушений. Самара, 2014. 34 с.

[70] Романчук Н. П. Мозг Homo sapiens XXI века: нейрофизиологические, нейроанатомические и нейросоциальные механизмы принятия решений // Бюллетень науки и практики. – 2021. – Т. 7,

Костромина[72], М. Х. Мальсагова[73], О. Ганчев[74], Ю. С. Шкурко[75], а из зарубежных авторов – А. Дамасио[76], П. Хаггард[77], Дж. Жу[78], М. Брасс[79], Г. Рот[80], М. А. Боден[81], С. Деан[82], П. Б. Балтес[83], Б. Дж. Кейси[84], М. М. Месулам[85], М. И. Познер[86], Н.

№ 9. – С. 228-270; Романчук Н. П., Романчук П. И. Нейрофизиология и нейрореабилитация когнитивных нарушений и расстройств // Бюллетень науки и практики. – 2019. – Т. 5, № 11. – С. 176–196.

[71] Лекторский В. А. Исследование интеллектуальных процессов в современной когнитивной науке: философские проблемы // Естественный и искусственный интеллект: методологические и социальные проблемы. М., 2011. С. 3–16; Лекторский В.А. Когнитивная наука как вызов эпистемологии // Эпистемология: новые горизонты : материалы конференции (Москва, 24–25 июня 2010 г.). – М., 2011. – С. 5–34.

[72] Костромина С. Н., Бордовская Н. В., Искра Н. Н. Нейронаука, психология и образование: проблемы и перспективы междисциплинарных исследований // Психологический журнал. – 2015. – № 4. – С. 62–63.

[73] Мальсагова М. Х. Предпосылки нейродидактического парадигмального сдвига в теории обучения // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 2 (81). – С. 264–266.

[74] Ганчев О. Кривая Эббингауза или как взломать свою память // Geekbrains. – 17.06.2020. – URL: https://geekbrains.ru/posts/krivaya-ehbbingauza-ili-kak-vzlomat-svoyu-pamyat (дата обращения: 23.01.2023).

[75] Шкурко Ю. С. Нейробиология и социология: пройти между Сциллой и Харибдой. [Рец. на кн.: Бёртон Р. Разум те мозг: Разговор на разных языках / Пер. с англ. Ю. В. Рябининой]. М.: Изд-во «Э», 2016 // Социологический журнал. – 2017. – Т. 23, № 2. – С. 176–183.

[76] Zimmerman C. Damasio's proposition [Review of the book Descartes' Error: Emotion, Reason and the Human Brain, by A. Damasio] // Canadian Journal of Experimental Psychology / Revue canadienne de psychologie expérimentale. – 1996. – Vol. 50, No. 3. – P. 330–332.

[77] Haggard P., Lau H. What is volition? // Experimental Brain Research. – 2013. – Vol. 229, No. 3. – P. 285–287.

[78] Zhu J. Locating volition // Consciousness and Cognition. – 2004. – Vol. 13, No. 2. – P. 302–322.

[79] Brass M., Lynn M. T., Demanet J., Rigoni D. Imaging volition: what the brain can tell us about the will // Experimental Brain Research. – 2013. – Vol. 229, No. 3. – P. 301–312.

[80] Рот Г. Конструктивность мозга: результаты научных исследований мозга // В кн.: Кезин А.В., Фоллмер Г. Современная эпистемология: натуралистический поворот. – Севастополь, 2004. – С. 314-328.

[81] Boden M.A. Mind as Machine: A History of Cognitive Science. – Oxford : Clarendon Press, 2006. – 1680 p.

[82] Деан С. Сознание и мозг. Как мозг кодирует мысли / пер. с англ. И. Ющенко. – М. : Карьера-Пресс, 2018. – 300 с.

[83] Baltes P. B., Lindenberger U. Emergence of a powerful connection between sensory and cognitive functions across the adult life span: A new window to the study of cognitive aging? // Psychology and Aging. – 1997. – Vol. 12. – P. 12–21.

[84] Casey B. J., Tottenham N., Liston C., Durston S. Imaging the developing brain: what have we learned about cognitive development? // Trends in Cognitive Sciences. – 2005. – Vol. 9. – P. 104–110.

[85] Mesulam M. M. The human frontal lobes: Transcending the default mode through contingent encoding // In: Stuss D. T., Knight R. T. (eds.) Principles of Frontal Lobe Function. – Oxford: Oxford University Press. – 2002. – P. 8–30.

[86] Posner M. I., Rothbart M. K. Influencing brain networks: Implications for education // Trends in Cognitive Sciences. – 2005. – Vol. 9. – P. 99–103.

Раз[87], Дж. Стайлз[88], С. Пинкер[89], Дж. Э. Боген[90], Р. А. Бертон[91], С. Сэйтл[92], Г. Шеперд[93], Д. Рок[94], Э. Ньюберг[95], С. Питерс[96], О. Кришталь[97] и др. Особое место в данном разделе занимают работы, посвященные изучению технологий когнитивной войны, а именно *влиянию информации, поступающей из Интернет-пространства, на мозговую активность и/или поведение человека в условиях цифровизации*: например, труды А. В. Голубинской[98], Н. С. Козловой[99], А. С. Огнева[100], Е. В. Бродовской[101], Р. В. Пармой[102], С. Н. Федорченко[103], Т.

---

[87] Raz N. Aging of the brain and its impact on cognitive performance: Integration of structural and functional findings // In: Craik F.I.M., Salthouse T.A. (eds.) The Handbook of Aging and Cognition. – Mahwah (NJ) : Erlbaum, 2000. – P. 1–90.

[88] Stiles J., Moses P., Passarotti A. Exploring developmental change in the neural bases of higher cognitive functions: The promise of functional magnetic resonance imaging // Developmental Neuropsychology. – 2003. – Vol. 24. – P. 641–668.

[89] Пинкер С. Как работает мозг. – М. : Кучково поле, 2017. – 672 с.

[90] Bogen J. E., DeZure R., TenHouten W. D., Marsh J. F. Jr. The other side of the brain IV. The A/P ratio // Bulletin of the Los Angeles Neurological Societies. – 1972. – Vol. 37, No. 2. – P. 49–61.

[91] Burton R.A. A Skeptic's Guide to the Mind: What Neuroscience Can and Cannot Tell Us About Ourselves. – New York : Macmillan Publishers, 2013. – 272 p.

[92] Сэйтл С. Чарующее обаяние бездумной нейронауки. – М. : Изд-во «Э», 2016. – 368 с.

[93] Шеперд Г. Нейробиология : в 2 т. – М. : Мир, 1987. – 455 с.

[94] Рок Д. Мозг. Инструкция по применению: как использовать свои возможности по максимуму и без перегрузок / пер. с англ.; 2-е изд. – М. : Альпина Паблишер, 2014. – 374 с.

[95] Ньюберг Э., Уолдман М. Как Бог влияет на ваш мозг: революционные открытия в нейробиологии / пер. с англ. – М. : Эксмо, 2013. – 576 с.

[96] Питерс С. Парадокс шимпанзе. Менеджмент мозга. Уникальная программа управления собой. М.: Эксмо, 2015.

[97] Кришталь О. Сознание и нейронаука // Зеркало недели. – 30.05.2008. – Вып. 20. URL: https://zn.ua/SCIENCE/soznanie_i_neyronauka.html (дата обращения: 14.11.2023).

[98] Голубинская А. В. Нейрокогнитивный подход к исследованию поколения Z // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 1. – С. 161–167.

[99] Козлова Н. С. Влияние интернет-среды на личность и ее жизнедеятельность // Знание. Понимание. Умение. – 2015. – № 3. – С. 274–277.

[100] Огнев А. С. Использование инструментальной психодиагностики для оценки информационного контента / А. С. Огнев, О. Г. Венерина, В. А. Яковлев // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Педагогика и психология. – 2012. – № 4. – С. 103-112; Условия эффективного использования видеоконтента в "Жизненной навигации" / А. С. Огнев, Э. В. Лихачева, М. Г. Сидоренко, К. А. Казаков // Вестник Воронежского государственного технического университета. – 2013. – Т. 9, № 3-2. – С. 181-184.

[101] Бродовская Е. В. Алгоритм автоматизированной идентификации информационных потоков внешнего деструктивного информационно-психологического воздействия на пользователей социальных медиа / Е. В. Бродовская, А. А. Азаров // Власть. – 2024. – Т. 32, № 2. – С. 89-96; Бродовская Е. В. Масштаб и риски внешнего деструктивного информационно-психологического воздействия на жителей приграничных с Украиной регионов России в социальных медиа / Е. В. Бродовская, В. А. Лукушин // Власть. – 2024. – Т. 32, № 1. – С. 9-15; Бродовская Е. В. Информационный поток протестной мобилизации в российском сегменте

Клинберга[104], Г. А. Миллера[105], Н. Постмана[106], Б. Спэрроу[107], А. Тоффлера[108], Б. Драгански[109], Н. Карра[110], Д. Дестефано[111], Г. Смолла и Г. Воргана[112], А. Е.

социальных медиа / Е. В. Бродовская, М. А. Давыдова, В. А. Лукушин // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2023. – Т. 19, № 2. – С. 195-214; Деструктивное информационно-психологическое воздействие на молодежь России в социальных медиа (по материалам круглого стола) / Е. В. Бродовская, Р. В. Парма, В. А. Лукушин, Н. Ю. Склярова // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2023. – Т. 13, № 2. – С. 12-18.

[102] Парма Р. В. Протестная мобилизация граждан на цифровой платформе TikTok в ходе выборов в Государственную думу России 2021 г / Р. В. Парма, М. А. Давыдова, Т. Л. Кащенко // Власть. – 2022. – Т. 30, № 1. – С. 25-31; Парма Р. В. Влияние социальных сетей цифровых коммуникаций на политическое участие // Цифровые социальные сети: угрозы и возможности. – 2023. – М. : Спутник+. – С. 113-123; Парма Р. В. Модель «воронки вовлечения» процесса политической мобилизации в социальных медиа // Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития : Материалы X Всероссийского конгресса политологов РАПН с международным участием, Москва, 05–07 декабря 2024 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью Издательство "Аспект Пресс", 2024. – С. 485-486.

[103] Федорченко С. Н. Власть алгоритма: технологии легитимации политических режимов в условиях цифровизации. – М. : Проспект, 2023. – 480 с.; Федорченко С. Н. Технологии искусственного интеллекта: потенциалы и риски для представителей политической элиты / С. Н. Федорченко // Власть и элита в эпоху цифровой трансформации: Новые вызовы и угрозы, траектории социально-политического развития современного общества : материалы Четвертого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием, Ростов-на-Дону, 25 марта 2022 года. – Ростов-на-Дону: Южно-Российский институт управления - филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ЮРИУФ РАНХиГС), 2022. – С. 244-248; Федорченко Н.М. Влияние цифровой среды на современное мировоззрение: Pro et Contra / С. В. Володенков, С. Н. Федорченко, Н. М. Печенкин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2023. – Т. 25, № 1. – С. 113-133; Федорченко С. Н. Цифровизация современного пространства общественно-политических коммуникаций: научные концепции, модели и сценарии / С. В. Володенков, С. Н. Федорченко // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2021. – № 60. – С. 175-193.

[104] Клингберг Т. Перегруженный мозг. Информационный поток и пределы рабочей памяти. – М. : Ломоносовъ, 2010. – 208 с.

[105] Миллер Г. А. Магическое число семь плюс-минус два: некоторые ограничения в нашей способности обрабатывать информацию // В кн.: Зинченко В. П., Панов Д. Ю. (ред.) Инженерная психология. Сб. статей. – М. : Прогресс, 1964. – С. 192–255.

[106] Постман Н. Информируемся до смерти / пер. с англ. А. Т. – 2003. – URL: https://img1.liveinternet.ru/images/attach/b/4//4109/4109428_postmanneil.pdf (дата обращения: 20.10.2023).

[107] Sparrow B., Liu J., Wegner D. M. Google effects on memory: Cognitive consequences of having information at our fingertips // Science. – 2011. – Vol. 333, No. 6043. – P. 776–778.

[108] Тоффлер Э. Третья волна. – М. : АСТ, 1999. – 781 с.; Величковский Б.Б. Рабочая память человека: структура и механизмы. – М. : Когито-Центр, 2015. – 247 с.

[109] Draganski B., Gaser C., Busch V., Schuierer G., Bogdahn U., May A. Neuroplasticity: changes in grey matter induced by training // Nature. – 2004. – Vol. 427, No. 6972. – P. 311–312.

[110] Карр Н. Пустышка: что интернет делает с нашими мозгами. – СПб. : Best Business Books, 2012. – 256 с.

Войскунского[113], А. Д. Кастеля[114], К. С. Грина и Д. Бавелье[115], М. Шпитцера[116], С. Гринфилда[117] и др. Внушительное место в данном разделе также занимают исследования, посвящённые изучению влияния когнитивных механизмов индивидов на процессы в *политике и международных отношениях*. Например, можно выделить работы М. М. Лебедвой[118], Т. Н. Нафиковой[119], Д. М. Бондаренко[120], Л. В. Цуриковой[121], Т. А. Подшибякиной[122], А. Л. Зверева[123], Г. И. Мусихина[124] и др., из работ зарубежных авторов – труды Н. Д. Райта[125], А. Вендта[126], А. Дж. Сэнфи[127], Р. Прайса[128], Д. Д. Фрэнкса[129] и др.

---

[111] DeStefano D., LeFevre J. A. Cognitive load in hypertext reading: A review // Computers in Human Behavior. – 2007. – Vol. 23, No. 3. – P. 1616–1641.

[112] Small G., Vorgan G. iBrain: Surviving the Technological Alteration of the Modern Mind. – New York : HarperCollins, 2009. – 255 p.

[113] Войскунский А. Е. Интернет как пространство познания: психологические аспекты применения гипертекстовых структур // Современная зарубежная психология. – 2017. – Т. 6, № 4. – С. 720.

[114] Castel A. D., Pratt J., Drummond E. The effects of action video game experience on the time course of inhibition of return and the efficiency of visual search // Acta Psychologica. – 2005. – Vol. 119. – P. 217–230.

[115] Green C. S., Bavelier D. Action video game modifies visual selective attention // Nature. – 2003. – Vol. 423. – P. 534–537.

[116] Шпитцер М. Антимозг: цифровые технологии и мозг / пер. с нем. А.Г. Гришина. – М. : АСТ, 2014. – 288 с.

[117] Гринфилд С. Изменение разума. Как цифровые технологии оставляют след в нашем мозге. – М. : АТК, 2018. – 201 с.

[118] Лебедева М. М., Зиновьева Е. С. Методы нейронауки при изучении мировой политики // Полис. Политические исследования. – 2023. – № 5. – С. 141–152; Лебедева М. М., Зиновьева Е. С. Специфика международных переговоров в эпоху цифровизации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2023. – Т. 23, № 1. – С. 144–156..

[119] Дежина И. Г., Нафикова Т. Н. Мировой ландшафт нейронауки и место России // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – Т. 64, № 9. – С. 37–47.

[120] Бондаренко Д. М., Гаврилов В. В., Дремлюга Р. И., Ключарев В. А., Кончук Д. В., Кузнецов А. М., Лукин А. Л., Розов Н. С., Чугров С. В., Юрченко Е. С. Современные нейро/когнитивные науки и гуманитаристика: что они могут дать друг другу? // Известия Восточного института. – 2022. – № 2. – С. 140–167.

[121] Цурикова Л. В. Анализ межкультурной коммуникации: когнитивно-прагматический подход // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2003. – № 2. – С. 162–182.

[122] Podshibyakina T. A. Cognitive narratology: possibilities of use in political science // Political Science (RU). – 2023. – No. 3. – P. 81–97.

[123] Зверев А. Л., Палутена И. С., Смулькина Н. В., Рогозар А. И. Особенности политического восприятия в современных российских условиях // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 3. – С. 40–54.

[124] Мусихин Г. И. Дискурсивный анализ идеологий: возможности и ограничения // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 5. – С. 128–144.

Анализ литературы по выделенным направлениям позволяет сделать вывод, что определенная теоретико-методологическая база, необходимая для решения сформулированной автором научной задачи, создана. Однако остается открытым вопрос о том, как соотносятся когнитивные и информационные войны, являются ли когнитивные войны полноценной формой войны, как соотносится это понятие с концепциями информационно-психологических войн, каковы отличительные черты данного феномена, а также в какой мере появление когнитивного оружия меняет природу войны как политического феномена. Остаются открытыми вопросы, связанные с природой, сущностью и технологиями когнитивных войн. Заполнению этой лакуны и будет посвящена данная работа.

Объектом исследования является феномен когнитивной войны.

Предметом исследования являются содержательные характеристики когнитивных войн: цели, задачи, инструменты, технологии, механизм воздействия, а также их влияние на мировоззренческие структуры и ценностный уровень гражданской идентичности.

Целью работы является разработка целостной концептуальной характеристики феномена когнитивной войны, включающей выявление её ключевых параметров (механизмов воздействия, целей, задач, инструментов и технологий) и отличительных признаков посредством разграничения концепций информационной и когнитивной войны, а также её операционализация и эмпирическая верификация посредством определения когнитивно-аффективных индикаторов состояния когнитивной автономии и их соотнесения с ценностным уровнем гражданской идентичности.

---

[125] Wright N.D. The biology of cooperative decision-making: neurobiology to international relations // In: Galluccio M. (ed.) Handbook of International Negotiation. – Cham : Springer, 2015. – P. 47–58.

[126] Wendt A. Anarchy is what states make of it: the social construction of power politics // International Organization. – 1992. – Vol. 46, No. 2. – P. 391–425.

[127] Sanfey A. G., Rilling J. K., Aronson J. A., Nystrom L. E., Cohen J. D. The neural basis of economic decision-making in the Ultimatum Game // Science. – 2003. – Vol. 300, No. 5626. – P. 1755–1758.

[128] Price R., Sikkink K. International norms, moral psychology, and neuroscience (Elements in International Relations). – Cambridge : Cambridge University Press, 2021. – 80 p.

[129] Franks D.D. Neurosociology: The Nexus Between Neuroscience and Social Psychology. – New York : Springer Science+Business Media LLC, 2010. – 216 p.

Для достижения цели в работе ставятся следующие **задачи**:

1. Выявление эволюции доктринализации когнитивного домена и его ключевых понятийных элементов в стратегических и аналитических документах США и НАТО;

2. Систематизация существующих в зарубежной и отечественной школах научных подходов к пониманию когнитивных войн и информационных войн в ракурсе сравнительного анализа;

3. Выявление сходств, различий и соотношения информационной и когнитивной войны с точки зрения сущностных признаков (объекты воздействия, задачи, инструменты и методы, ожидаемые результаты);

4. Выявление нейрофизиологических оснований когнитивного воздействия, включая анализ нейрофизиологических коррелятов когнитивных и аффективных процессов в психике индивидов для последующего определения механизма когнитивной войны;

5. Идентифицирование тактической и стратегической целей когнитивной войны, её инструментов и технологий, а также определение основного механизма когнитивной войны с помощью процедуры многоуровневой концептуализации Г. Гёрца;

6. Выявление и обоснование структурных предпосылок когнитивной войны в постинформационном обществе[130] (сетевизация, платформенная логика медиапространства, алгоритмическая персонализация), показав переход от

[130] Под постинформационным обществом в данном исследовании понимается этап развития социальной и политической реальности, при котором информация утрачивает статус дефицитного ресурса, а ключевое значение приобретают способы её циркуляции, алгоритмической фильтрации и когнитивной обработки. В отличие от индустриальной и раннеинформационной эпох, где политическое воздействие было ориентировано преимущественно на содержание сообщений и контроль каналов трансляции, в постинформационном обществе решающую роль играют форматы, механизмы и условия распространения информации, определяющие режимы внимания и интерпретации. Формирование постинформационного общества связано с переходом к сетевой и алгоритмизируемой модели коммуникации (М. Кастельс), в рамках которой информация выступает не только ресурсом, но и структурообразующим элементом социальных и политических взаимодействий. При формально неограниченном доступе к данным контроль смещается с уровня информированности на уровень когнитивной обработки, что создаёт условия для управления вниманием, эмоциональным восприятием и интерпретационными механизмами без прямого ограничения доступа к информации.

контроля содержания к управлению форматами и вниманием, а также обусловленную этим уязвимость молодежи и риски для политической стабильности.

7. Верификация характеристик когнитивных войн на материале анализа практического опыта их применения, зафиксированных в политических и социальных процессах конца XX–начала XXI века, с целью демонстрации практических форм реализации когнитивных механизмов и возможностей их операционализации в политологическом исследовании.

8. Эмпирическая проверка гипотез о связи цифровой вовлечённости молодёжи с индикаторами когнитивной автономии и ценностного уровня гражданской идентичности на основе данных стандартизированного опроса и полуструктурированного включённого наблюдения и последующая концептуализация результатов эмпирического исследования в терминах политической науки.

Исходя из сформулированной выше научной проблемы возникает **исследовательский вопрос**: каковы сущностные характеристики когнитивной войны как формы нематериального противоборства (цели, задачи, инструменты, технологии, механизм воздействия) в сравнении с информационной войной; какие политологически значимые эффекты когнитивная война производит в отношении политической субъектности – прежде всего в плане состояния когнитивной автономии и ценностных оснований гражданской идентичности?

Гипотезы исследования.

1. Когнитивная война на текущем этапе является самостоятельно оформленной и теоретически автономной формой противоборства, выступая переходной формой в спектре нематериального противоборства, границы которой существенно пересекаются с информационным противоборством. В связи с этим предполагается, что когнитивная война характеризуется собственными целями, механизмами и инструментами воздействия, специфика которых связана с целенаправленным влиянием на когнитивные процессы восприятия,

интерпретации и принятия решений, что позволяет рассматривать её как самостоятельный объект политологического анализа.

2. Предполагается, что когнитивная война действительно отличается от информационной по базовому механизму, что может проявляться на уровне структур психики: вероятно – через усиление эмоциональной реактивности и ослабление когнитивного контроля, что в перспективе создаёт условия для трансформации системы интерпретации реальности, включая смену картины мира и мировоззренческих установок индивида.

3. Предполагается, что повышенная вовлечённость молодёжи в цифровые каналы коммуникации является значимым фактором ее уязвимости к когнитивному воздействию. Вместе с тем сама по себе подобная уязвимость не является уникальным феноменом цифровой эпохи, а исторически проявлялась и в доцифровых формах массового воздействия. В этой группе ожидается более выраженное присутствие индикаторов ослабленной когнитивной автономии, таких как фрагментарность внимания, повышенная утомляемость, снижение концентрации и самоконтроля, а также поведенческие признаки цифровой зависимости. Предполагается, что совокупность указанных факторов сопряжена с ослаблением устойчивости ценностных ориентиров гражданской идентичности и снижением способности к их самостоятельному воспроизводству и рефлексии в условиях интенсивного информационного взаимодействия.

Теоретико-методологическими основаниями диссертационного исследования выступает совокупность методологических подходов и парадигм. Концепция *антропологической детерминированности*[131] политической среды дает возможность рассмотреть на происходящие в политической среде процессы с точки зрения глубинных факторов человеческой природы. Антропологическое измерение позволяет рассматривать человека, являющегося носителем множественных характеристик, как непосредственного создателя политической среды. Для более глубокого понимания политики в данном контексте важно

[131] Современная политическая наука: методология / [А.В. Торкунов и др.]; отв. ред. О. В. Гаман-Голутвина, А. И. Никитин. – М. : Аспект Пресс, 2017. – 680 с.

учитывать человеческий капитал в пределах политического пространства. Речь идет не только о знаниях и опыте человека, но и о более широком комплексе его характеристик: физическом, биологическом, когнитивном, психологическом, интеллектуально-духовном, профессиональном и социальном потенциале[132]. Без учета этих параметров трудно прийти к полному пониманию особенностей поведения человека. В контексте изучения когнитивных войн данный подход приобретает особую значимость, поскольку позволяет сосредоточиться на нейробиологических и когнитивных особенностях человека как на факторах, которые влияют на его политическое поведение, степень восприимчивости к манипуляциям и способность к самостоятельному осмыслению информации.

Обращение к *коммуникативной парадигме* в изучении политики, в свою очередь, отражает информационную природу политических явлений и позволяет рассматривать политическое пространство как сферу, в которой формируются, передаются и интерпретируются смыслы[133]. В данном контексте особое значение приобретает символическая политика, понимаемая как целенаправленное формирование и распространение символических образов и интерпретационных рамок, обеспечивающих фиксацию политических объектов в сознании индивидов и социальных групп. Коммуникативный подход акцентирует внимание не на линейной передаче информации, а на смысловом измерении политических коммуникаций, в ходе которых получаемые сообщения соотносятся с уже существующими ценностными установками и идентичностными ориентирами реципиента. В условиях цифровизации и медиатизации политики формы и режимы коммуникации приобретают самостоятельное политическое значение, что делает коммуникативную теорию методологически значимой для анализа когнитивной войны.

---

[132] Звонова Е. Е. Философско-антропологические воззрения А.Л. Чижевского: монография. – М. : Макс Пресс, 2014. – 163 с.; Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса. – Калуга: Ассоциация «Калуга-Марс», Музей истории космонавтики им. К.Э. Циолковского, 1990. – 72 с.

[133] Грачев М. Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. – М.: Прометей, 2004. – 328 с.

В качестве дополнительного теоретико-методологического основания используется *сетевой подход*[134], ориентированный на анализ отношений, взаимозависимостей и горизонтальных форм координации в политике и управлении. Его применение особенно оправдано в условиях цифрового общества, где политическая коммуникация и принятие решений всё в большей степени опосредуются сетевыми форматами взаимодействия и платформенной инфраструктурой. Сетевой анализ фиксирует, что производство и реализация политических решений осуществляется не только в логике иерархий или рыночной координации, но и в рамках относительно устойчивых неиерархических связей, основанных на обмене ресурсами, согласованных правилах коммуникации и процедурном консенсусе. Важным является и то, что сетевые взаимодействия включают не только рациональные, но и когнитивные компоненты (разделяемые фреймы, символические конструкции, доверие и идентичностные основания кооперации). В контексте когнитивной войны это позволяет концептуализировать цифровые сети и платформы как структурные условия воздействия: они задают параметры охвата, частотности и персонализации сигналов, а также формируют режимы внимания и интерпретации, что имеет существенное значение для изменений ценностной структуры гражданской идентичности.

В связи с этим диссертанту представляется важным отдельно указать на применение *нейронаучного подхода*[135] в рамках текущего исследования, который позволяет объяснить физиологические механизмы когнитивного воздействия на мозг индивидов[136]. Использование междисциплинарного подхода, а именно *нейронаучного подхода в политологии в русле антропологической детерминированности* позволит глубже понять, как в рамках когнитивных войн

---

[134] Современная политическая наука: методология / [А.В. Торкунов и др.]; отв. ред. О. В. Гаман-Голутвина, А. И. Никитин. – М. : Аспект Пресс, 2017. – 680 с.

[135] Храмова М. В. Современные тренды развития нейронаучных исследований в образовании / М. В. Храмова, А. Е. Храмов, А. А. Федоров // Вопросы образования. – 2023. – № 4. – С. 275-316.

[136] Выготский Л. С. История развития высших психических функций. – М. : Юрайт, 2025. – 336 с.

эксплуатируются базовые биологические ограничения человеческого восприятия, превращая их в инструмент управления массовым сознанием.

Методы исследования.

Для подтверждения гипотез и решения поставленных задач использовались следующие методы:

1) метод *концептуального анализа*, используемый для выявления ключевых характеристик данного феномена, определения его структурных компонентов и места в системе смежных понятий (на основе модели концептуализации Г. Гёрца и лестницы абстракций Дж. Сартори).

2) метод *компаративного анализа*, используемый для выявления черт сходства и различия рассматриваемых видов нелетального оружия и типов войн (информационно-психологические и когнитивные), фиксации их общих и специфических проявлений.

3) метод *стандартизированного опроса (анкетирования)*, используемый для эмпирической проверки выдвинутых положений на молодёжной выборке в двух частях: измерения когнитивно-аффективных индикаторов состояния когнитивной автономии, последующее измерение состояния ценностного уровня гражданской идентичности и их соотнесение.

4) метод *полуструктурированного включённого наблюдения*, применяемый для верификации анкетных данных и фиксации реальных поведенческих практик в естественной аудиторной среде; реализуется модератором по краткой карте наблюдения (фиксация обращения к смартфону и частоты проверок уведомлений; мини-эксперимент с поднятием руки о доверии к институтам; обсуждение «идеальной модели государства» и осведомлённости о выборах), с последующим тематическим кодированием и сопоставлением с результатами опроса для контроля эффекта социальной желательности и укрепления внутренней валидности.

Теоретическая значимость исследования заключается в разработке комплексного междисциплинарного подхода к изучению когнитивных войн, сочетающего политологическую проблематику с анализом психических

процессов и их нейробиологических оснований. Предложенная в работе концептуально-теоретическая рамка когнитивной войны формирует основания для её интеграции в категориальный аппарат политической науки за счёт операционализации таких ключевых понятий, как «когнитивная устойчивость», «ослабление когнитивной автономии», «лишение субъектности». Системное рассмотрение когнитивного противоборства через призму психологии и нейрофизиологии усиливает объяснительный потенциал политологических моделей воздействия на массовое сознание в условиях современных конфликтов.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов в области анализа угроз в сфере отечественной информационной и когнитивной безопасности. Разработанная в диссертации концептуально-теоретическая рамка когнитивной войны может использоваться для диагностики стратегических форм воздействия в цифровой среде, оценки рисков, связанных с манипулятивными практиками, а также в процессе формирования национальной стратегии когнитивной устойчивости. Для органов государственной власти и профильных аналитических центров предложена операциональная рамка разведения информационного и когнитивного противоборства (на одном уровне абстракции, но по различным сущностным признакам), позволяющая корректно описывать риски, формулировать термины в стратегических документах и разрабатывать меры противодействия, ориентированные на когнитивные процессы, а не только на информационные потоки. Материалы диссертации могут быть востребованы при подготовке образовательных программ, разработке экспертно-аналитических оценок, стратегических прогнозов и выработке политических решений, направленных на защиту информационной и когнитивной безопасности граждан в условиях современных конфликтов, а также лечь в основу модулей повышения квалификации для студентов, управленцев, специалистов по публичной коммуникации, педагогов, психологов и медиа-специалистов.

Достоверность и обоснованность полученных результатов обеспечены опорой на современную теоретико-методологическую базу и работы, признанные

в научном сообществе; корректным подбором исследовательских методов, соответствующих заявленным основаниям; использованием валидизированных методик; достаточной репрезентативностью выборок; а также применением современных и эффективных методов статистической обработки эмпирических данных.

Эмпирическая база исследования. Для решения поставленных задач автором было реализовано эмпирическое исследование, посредством пилотного анонимного анкетирования, проведённого автором в сентябре-октябре 2025 года среди 78 студентов (18–22 лет) московских вузов МПСУ и Финансовый университет. Выборка формировалась исходя из исследовательской логики уязвимости молодёжи к когнитивным воздействиям. Исследование включало два взаимосвязанных блока:

(1) фиксацию уровня и паттернов цифровой вовлечённости (время в соцсетях/мессенджерах, частота их проверок, режим уведомлений, ночное потребление контента, использование ИИ-сервисов) и диагностику когнитивно-аффективных индикаторов состояния когнитивной автономии (повышенная тревожность, усталость внимания, трудности концентрации/самоконтроля, признаки цифровой зависимости);

(2) сопоставление полученных показателей с ценностными доминантами модели «Пентабазиса» (созидание, традиции, согласие, доверие к институтам, патриотизм).

Анкета строилась на бинарных ответах («да/нет»), что обеспечивало однозначную фиксацию признаков и сопоставимость данных; опрос проводился на условиях добровольного участия и полной анонимности. После анкетирования проводилось полуструктурированное включённое наблюдение в естественных условиях с элементами полевого поведенческого эксперимента, дополненное проективной визуальной техникой (метафорические карты) для верификации самоотчётов. Обработка результатов осуществлялась методами описательной статистики и сопоставительного анализа.

Основные научные результаты и их научная новизна.

1. Установлено, что когнитивный домен последовательно артикулируется в стратегических и аналитических документах США и НАТО, но сохраняет переходный статус и тесную связность с практиками информационного противоборства. Показано, что нормативно-доктринальная фиксация когнитивного домена опережает его теоретико-концептуальное разграничение, что является закономерным для документов прикладного и стратегического характера, ориентированных прежде всего на описание операциональных эффектов, практических задач и инструментов войны, а не на разработку строгого понятийного аппарата.

2. Выделены и систематизированы основные подходы (американский, китайский, отечественный) к информационным войнам как управлению информационными потоками, инфраструктурами и процессами принятия решений противника. Показано, что ядро этих подходов сосредоточено на управлении информационными потоками и медиасреды, каналов распространения информации и содержания сообщений, тогда как трансформация гражданской идентичности, мировоззренческих установок и глубинных когнитивных структур индивида, как правило, остаётся за пределами их аналитического фокуса и рассматривается опосредованно либо в виде побочных эффектов информационной войны.

3. Установлено, что когнитивная война на современном этапе сохраняет преемственность с информационным противоборством и пока не институционализирована как самостоятельная форма, при этом демонстрирует собственный вектор развития, смещая акцент с управления информационными потоками на целенаправленное воздействие на процессы восприятия, интерпретации и принятия решений.

4. Показано, что когнитивное воздействие сопровождается изменениями в работе внимания, памяти, восприятия и процессов принятия решений, выражающимися в усилении эмоциональной реактивности и ослаблении рационального контроля. Установлено, что подобные изменения имеют

политологически значимые последствия, поскольку приводят к снижению способности индивидов к критическому восприятию политической информации, автономному формированию суждений и осмысленному участию в политических процессах, что в совокупности означает ослабление когнитивной автономии как основания политической субъектности.

5. Создана многоуровневая концептуально-теоретическая рамка когнитивной войны по методу Г.Гёрца: ядро механизма трактовано как целенаправленное изменение баланса аффективной, нормативной и когнитивно-прагматической систем ориентировок; к ядру привязаны расширяющие атрибуты (цели, задачи, инструменты и технологии) и предложены операциональные индикаторы для диагностики тактических и стратегических эффектов. Выделены сущностные признаки и отличительные черты когнитивной войны: объекты воздействия (когнитивные процессы и системы ориентировок), уровни целей (тактические – снижение когнитивной автономии; стратегические – подрыв индивидуальной и коллективной субъектности), а также ключевые инструменты и технологии (алгоритмическое управление вниманием, микротаргетинг, генеративные ИИ-технологии); показано пересечение объёмов с концептом информационной войны при различии их ядра.

6. Выявлено, что структурные предпосылки постинформационного общества – сетевизация, платформенная логика медиасреды и алгоритмическая персонализация – переводят фокус воздействия к управлению вниманием и форматами восприятия; в этих условиях молодёжь проявляет повышенную уязвимость, что усиливает риски для политической стабильности.

7. Выявлено и показано, что сопряжённый анализ цифровой вовлечённости, когнитивно-аффективных индикаторов и ценностных доминант модели «Пентабазиса» на молодёжной выборке обеспечивает валидную диагностику уязвимости гражданской идентичности. Установлено, что фиксируемые низкие уровни базовых ценностных доминант – прежде всего доверия к институтам власти и общественного согласия, а также недоминирующие семейно-патриотические ориентации – сопряжены с

рассогласованием между декларируемыми установками и реальными поведенческими практиками и наличием маркеров повышенной когнитивной зависимости. Показано, что данная уязвимость не сводится исключительно к эффектам цифровизации, а укоренена в более широких социокультурных и исторических процессах, включая длительную экспозицию внешних символических и ценностных образцов, характерную, в частности, для позднесоветского периода и постсоветской трансформации. В совокупности это описывает механизм повышенной восприимчивости когнитивных схем индивидов к внешнему воздействию, что подтверждено данными анкетирования и полуструктурированного включённого наблюдения.

8. Установлено, что архитектуры цифровых платформ и алгоритмические механизмы рекомендаций функционируют как самостоятельные технологии когнитивной войны, задающие приоритеты восприятия и режимы внимания и обеспечивающие переход от массовых кампаний к адресному программированию интерпретации индивидов; из этого вытекают практические ориентиры по укреплению когнитивной автономии и переводу ценностей в устойчивые поведенческие практики.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Тема и содержание данной диссертации соответствует научной специальности 5.5.2. «Политические институты, процессы, технологии», пунктам:

- п. 15 «Психологические аспекты политических процессов»;

- п. 16 «Процессы и механизмы политического восприятия. Политическое сознание»;

- п. 26 «Социальные и политические конфликты: причины, факторы, типы и технологии регулирования»;

- п. 29 «Информационные процессы и управление политическими коммуникациями: традиционные СМК, социальные медиа и сети»;

А также п. 1 «”Гибридные” войны в хаотизирующемся мире» Перечня перспективных тематик кандидатских диссертаций Факультета управления и политики МГИМО и п. 2 «Когнитивные исследования в международных и

межнациональных отношениях» приоритетных направлений научных исследований МГИМО.

Положения, выносимые на защиту:

1. Когнитивная война представляет собой новую форму невооружённого противоборства, возникающую как результат исторической трансформации практик нематериального воздействия. Она является современным этапом эволюции форм противоборства, исторически направленных на трансформацию мировоззрения, идентичности и системы смыслов противника, которые в различные эпохи реализовывались в формах религиозного принуждения, миссионерства, индоктринации, идеологической борьбы и психологических операций. В отличие от предшествующих форм, основанных на открытом навязывании верований и идеологий, когнитивная война ориентирована на вмешательство в когнитивную архитектуру субъекта: внимание, память, эмоциональную регуляцию, механизмы интерпретации и принятия решений. Цифровизация коммуникационной среды, развитие алгоритмических платформ и нейротехнологий придают данным практикам качественно иные масштабы, скорость и глубину проникновения, превращая исторически сложившиеся формы мировоззренческого воздействия в технологически опосредованную, системную и трудно фиксируемую форму противоборства, что позволяет рассматривать когнитивную войну как самостоятельный и стратегически значимый феномен современной политической реальности.

2. Когнитивная и информационная войны являются несводимыми аналитическими категориями, находящимися на одном уровне абстракции в рамках поля невооружённого противоборства, не состоящими в иерархических отношениях и имеющими видимые отличия в своих характеристиках. Информационная война ориентирована на воздействие на информационные системы, коммуникационные потоки и процессы принятия решений и предполагает контроль над потоками данных и нарушение механизмов выработки решений противника при сохранении его нейрокогнитивных способностей. Целевым результатом выступает достижение информационного превосходства,

дезорганизация коммуникационных систем и снижение эффективности управленческих процессов. Когнитивная война, напротив, направлена на воздействие на когнитивные функции индивида (память, мышление и способность к осмыслению информации). При этом она ориентирована на изменение способов мышления и восприятия реальности, вплоть до подрыва способности субъектов к сопротивлению и автономному принятию решений.

3. Концепт когнитивной войны носит междисциплинарный характер: он опирается на информационные и психологические основания, но не исчерпывается ими. Его специфика связана с обращением к когнитивным уязвимостям человека, выявляемым по мере развития знаний о нейрофизиологических механизмах переработки информации. Это расширяет представления о возможностях целенаправленного влияния на когнитивные и аффективные процессы индивидов и формирует основу когнитивного противоборства. Установлено, что соотношение активности префронтальной коры и лимбической системы определяет уровень рациональности, способности к когнитивному контролю и автономному принятию решений. В условиях стресса, когнитивной перегрузки и дефицита ресурсов усиливается доминирование лимбических механизмов регуляции, что делает индивида более восприимчивым к внешнему воздействию.

4. Ослабление когнитивной автономии является тактическим эффектом когнитивной войны, выражающимся в снижении способности субъекта к самостоятельному осмыслению информации и критическому принятию решений. Стратегической целью когнитивной войны является лишение субъектности, понимаемое как утрата способности к автономному мышлению, целеполаганию и формированию собственных поведенческих стратегий, в результате чего индивид или социальная группа переходят из статуса активных субъектов политики и общества в состояние управляемых объектов внешнего воздействия. Информационная война преимущественно воздействует на эмоциональную сферу при относительном сохранении когнитивной автономии, тогда как когнитивная

война ориентирована на изменение самих механизмов обработки информации за счёт ослабления функций префронтальной коры.

5. Инструментарий когнитивной войны структурно шире инструментария информационной войны и включает две функционально взаимодополняющие группы: информационно-психоэмоциональные и нейро-когнитивные средства и технологии. Психоэмоциональные методы включают совокупность средств распространения воздействия (масс-медиа, традиционные СМИ, социальные сети) и технологий (пропаганда, дезинформация, нарративные манипуляции, психологические операции), ориентированных преимущественно на активацию аффективной системы ориентировок индивидов и формирование эмоциональных состояний, повышающих восприимчивость аудитории и обеспечивающих закрепление интерпретационных рамок. Нейро-когнитивные методы также представлены через разведение средств и технологий когнитивного противоборства: к средствам отнесены цифровые платформы и инфраструктуры (социальные сети, алгоритмические системы рекомендаций и поиска, технологии искусственного интеллекта); к технологиям – операциональные механизмы вмешательства в процессы восприятия и принятия решений (когнитивная перегрузка, хаотизация информационного потока, управляемая диссоциация внимания, сенсорная сверхстимуляция, алгоритмическое управление информацией, таргетированное контент-программирование).

6. Ключевой механизм когнитивной войны реализуется через многоуровневое воздействие, включающее когнитивные схемы интерпретации информации, задающие устойчивые способы интерпретации и обработки информации; символические форматы (мифы, архетипы и метафоры), обеспечивающие культурно и эмоционально опосредованную фиксацию смыслов; и системы ориентировочной деятельности, определяющие характер реагирования и принятия решений. Фрейминг и риторические конструкции формируют устойчивые когнитивные шаблоны интерпретации политической реальности, закрепляя необходимые смысловые акценты и перенаправляя внимание, память и оценочные стратегии индивидов. На этой основе обеспечивается перевод

внешних политических сообщений во внутренние когнитивные структуры, системообразующим результатом которого выступает смещение модальностей ориентировочной деятельности: от когнитивно-прагматической (рациональной обработки и выбора альтернатив) и нормативной (следования социально-культурным шаблонам) – к аффективной, обеспечивающей импульсивно-эмоциональное реагирование, в чем и заключается целевая направленность когнитивной войны.

7. Структурные предпосылки когнитивной войны формируются в условиях постинформационного общества, характеризующегося сетевизацией коммуникации, алгоритмической персонализацией и смещением политического воздействия от контроля содержания к управлению форматами, условиями распространения информации и режимами внимания. Практики целенаправленного воздействия на способы восприятия и интерпретации реальности исторически предшествовали их концептуализации, но получили принципиально новое качество в цифровой среде. В условиях формально неограниченного доступа к информации контроль смещается с уровня информированности на уровень когнитивной обработки, что создаёт благоприятную среду для подрыва когнитивной автономии без прямого ограничения доступа к данным.

8. Эмпирические данные свидетельствуют о трансформации ценностных оснований гражданской идентичности молодёжи в условиях интенсивного цифрового взаимодействия и когнитивно-аффективной перегрузки. Ослабление когнитивной автономии сопровождается снижением регулятивного потенциала ценностей, ростом амбивалентных и декларативных установок и рассогласованием между декларируемыми ориентирами и реальными практиками гражданского участия, что соответствует логике когнитивной войны как процесса постепенной эрозии политической и гражданской субъектности.

Апробация исследования нашла выражение в ряде форм. Отдельные результаты диссертационного исследования были апробированы:

а) в публикациях автора в научных рецензируемых журналах из перечня ВАК, общим объемом 2,7 п.л.:

1. Дегтярева Е. Б. Рассмотрение роли политического языка и риторики в контексте обсуждения политической эффективности (на примере работы Т. Дочерти) // Сравнительная политика. – 2023. – Том 14, №3. – С.154-165. (Перечень ВАК);

2. Дегтярева Е. Б. Интеграция когнитивных наук в политическую сферу: от исследований к прогнозированию и управлению политическим поведением в цифровую эпоху / Гаман-Голутвина О. В., Дегтярева Е. Б. // Философские науки. – 2025. – Том 68, №1. – С. 55-78. (Перечень ВАК);

3. Дегтярева Е. Б. Когнитивные и информационные войны в концептуальных координатах политической науки // Сравнительная политика. – 2026. – Том 16, №3. (Перечень ВАК);

4. Дегтярева Е. Б. Эрозия ценностных оснований гражданской идентичности молодежи в условиях когнитивной войны // Управление и политика. – 2026. – Том 5, №1. – С. 26-39. (Перечень ВАК);

б) в прочих изданиях объемом 0,7 п.л.:

1. Дегтярева Е. Б. Информационные войны и когнитивное противостояние в эпоху глобальной трансформации: сравнительный анализ на основе российского и зарубежного подходов // Мы в России, Россия в мире: связь поколений: Материалы VII Всероссийского форума молодых политологов. – Москва, 07 декабря 2024 года. – Москва: ООО «Русайнс», 2024. – С. 137–139.

2. Дегтярева Е. Б. Социальные сети как инструмент когнитивных войн: деформация когнитивных способностей и стратегии манипуляции массовым сознанием // Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития: Материалы X Всероссийского конгресса политологов РАПН с международным участием. – Москва, 05–07 декабря 2024 года. – Москва: Издательство «Аспект Пресс», 2024. – С. 179–180.

3. Дегтярева Е. Б. Информационные войны vs когнитивные войны: как различаются механизмы влияния на сознание и ценностные установки индивидов

// Мировоззренческие основы российской политики: культурные константы, ценностные установки, идеологические предпочтения: Материалы XIV Южно-российского политологического конвента с международным участием. – Ростов-на-Дону, 29 октября – 02 ноября 2024 года. – Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2024. – С. 95–100.

4. Дегтярева Е. Б. Информационная безопасность в эпоху когнитивных войн: совершенствование правового регулирования // Актуальные вопросы обеспечения национальной безопасности : материалы III Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 13 декабря 2024 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, 2025. – С. 105-109.

в) в ходе выступлений и дискуссий в рамках научных конференций:

1. VII Всероссийский форум молодых политологов «Мы в России, Россия в мире: связь поколений», 7 декабря 2024 г., Москва, Россия. Секция «Мировая политика и международные отношения». Доклад на тему: «Информационные войны и когнитивное противостояние в эпоху глобальной трансформации: сравнительный анализ на основе российского и зарубежного подходов».

2. X Всероссийский конгресс политологов РАПН с международным участием «Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития», 5–7 декабря 2024 г., Москва, Россия. Заседание по основным темам конгресса «Цифровая политика: власть, политии, институциональные сообщества». Доклад на тему: «Социальные сети как инструмент когнитивных войн: деформация когнитивных способностей и стратегии манипуляции массовым сознанием».

3. X Всероссийский конгресс политологов РАПН с международным участием «Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития», 5–7 декабря 2024 г., Москва, Россия. Круглый стол «Политический класс и государство в реалиях турбулентного мира XXI века» в рамках научного проекта «Политический класс и государство в условиях постглобализации XXI века: трансформация в концептуальном и эмпирическом

измерении», поддержанного ЭИСИ, Министерством науки и высшего образования РФ.

4. X Всероссийский конгресс политологов РАПН с международным участием «Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития», 5–7 декабря 2024 г., Москва, Россия. Круглый стол «Современная российская политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития: актуальные измерения» в рамках научного проекта «Современная российская политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития:», поддержанного ЭИСИ, Министерством науки и высшего образования РФ.

5. XIV Южно-российский политологический конвент с международным участием «Мировоззренческие основы российской политики: культурные константы, ценностные установки, идеологические предпочтения», 29 октября – 2 ноября 2024 г., Ростов-на-Дону, Россия. Секция «Современные политические технологии: российский опыт в сравнительной перспективе». Доклад на тему: «Информационные войны vs когнитивные войны: как различаются механизмы влияния на сознание и ценностные установки индивидов».

6. III Международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы обеспечения национальной безопасности», 13 декабря 2024 г., Санкт-Петербург, Россия. Доклад на тему: «Информационная безопасность в эпоху когнитивных войн: совершенствование правового регулирования».

Отдельные результаты исследования были получены в рамках научного гранта Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и ФНИСЦ РАН № 125100111050-3 «Когнитивная война и гражданская идентичность: влияние информационных воздействий на рациональность поведения»; а также в рамках исследовательского проекта ЭИСИ-ИНИОН РАН № 123091200075-2 «Современное государство в терминах силы и слабости: политические, социологические, исторические измерения в эмпирическом ракурсе» и научного проекта 7.3.4 «Человеческий потенциал политических элит в

системе отношений Центр-регионы» (в рамках НЦМУ «Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала»).

Структура диссертационного исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, включающего 468 наименований. Основное содержание работы изложено на 279 страницах, сопровождается 9 таблицами и 3 рисунками.

ГЛАВА 1. СПЕЦИФИКА КОГНИТИВНОЙ ВОЙНЫ КАК НОВОЙ ТЕХНОЛОГИИ НЕВООРУЖЕННОГО ПРОТИВОБОРСТВА

В условиях трансформации современной конфликтности, выражающейся в смещении фокуса от прямого военного насилия к комплексным невооруженным формам противоборства, особое значение приобретает изучение когнитивной войны – явления, представляющего собой усовершенствованную форму воздействия на сознание индивидов в эпоху цифровизации. Несмотря на относительную новизну термина, сам феномен, связанный с целенаправленным вмешательством в когнитивные процессы индивидов и сообществ, начинает закрепляться в стратегических нарративах ряда международных акторов, прежде всего США и НАТО. Актуальность изучения когнитивной войны заключается не только в растущем количестве экспертных и политико-стратегических упоминаний данного феномена, но и в недостаточной теоретико-методологической проработке его понятийных и онтологических оснований. В настоящее время когнитивная война остаётся термином с неустоявшимися границами: она нередко отождествляется с информационными и психологическими операциями, что затрудняет её аналитическое выделение в качестве самостоятельной категории. В связи с этим первая глава направлена на поэтапное рассмотрение когнитивной войны как специфической технологии невооружённого стратегического противоборства. В рамках главы будут решены следующие задачи:

5. Содержательная характеристика эволюции концепта когнитивной войны в стратегических документах США и НАТО за период с 1990 по 2025 год (параграф 1);

6. Проведение сравнительного анализа подходов к информационной войне в российской, американской и китайской академической и стратегической традициях в качестве наиболее концептуально близкого феномена (параграф 2);

7. Проведение сравнительного анализа подходов к когнитивной войне в российской и зарубежной традициях (параграф 3);

8. Осуществление сравнительного анализа когнитивной и информационной войн на основе выделенных параметров (объект, задачи, инструменты, ожидаемые результаты/цель) и построение лестницы абстракций концептов (параграф 4).

Такой подход позволяет не только очертить содержательные границы феномена, но и заложить теоретико-методологическую основу для дальнейшего анализа целей, механизмов и инструментов когнитивной войны.

§ 1.1. Эволюция понятия когнитивной войны в стратегических документах США и НАТО с 1990 по 2024 гг.

В 1970-х гг. в США началась доктринализация концепта «информационной войны»[137], предполагающей перенос военного противоборства из физической сферы в управление информационными потоками, общественным мнением и психологическим состоянием масс. Информация стала рассматриваться не только как ресурс, но и как оружие, что стимулировало развитие теоретических и прикладных механизмов асимметричного влияния. На фоне уязвимостей советской системы управления и коммуникации[138], а концепты информационного и психологического воздействия легли в основу первых доктринальных документов.

Несмотря на то, что на протяжении всего XX века различные государства применяли отдельные элементы информационного воздействия от пропаганды и дезинформации до радиоперехватов и психологических операций, их использование не оформлялось в виде целостной и институционализированной концепции. Однако окончание Холодной войны и переход к постбиполярной системе международных отношений потребовали нового стратегического осмысления. При сохранении логики сдерживания в отношении России, акцент стал смещаться с прямого военного давления на комплексные нелинейные

[137] Красовская Н. Р., Гуляев А. А. Информационные войны на территории бывшего СССР // Гуманитарные проблемы военного дела. – 2019. – № 2(19). – С. 51–58.
[138] Воронцова Л. В., Фролов Д. Б. История и современность информационного противоборства. – М., 2006. – С. 64–65.

инструменты влияния, в том числе такие, которые направлены на восприятие, сознание, реакцию и способность к принятию решений. Такие изменения стали катализатором институционального интереса к информационным операциям, благодаря чему стало наблюдаться включение информационных операций в официальные стратегические документы сначала США, а позже всего блока НАТО. В условиях стремительной цифровизации, глобализации медиапространства и роста политических рисков контроль над информационной средой стал восприниматься как неотъемлемый элемент обеспечения безопасности. Такой сдвиг отражал более широкую тенденцию в западной военной мысли: переход от традиционных кинетических концептов к стратегиям, предполагающим воздействие на поведение, восприятие и процессы принятия решений.

Особый интерес к системному осмыслению информационного противоборства вызвала операция «Буря в пустыне». В ее рамках информационные, психологические и командно-контрольные средства заняли центральное место в планировании, а эффективность действий связывалась как с контролем над информацией, так и с управлением её интерпретацией. В этот период в США начали активно разрабатывать нормативные и аналитические документы. В их числе – исследование «Command and Control Warfare: Putting Another Tool in the War-Fighter’s Data Base»[139] 1994 года, подготовленное по инициативе Минобороны США. Несмотря на то что документ не имел нормативного статуса, в нем содержались выводы о возрастании роли информационных операций и положения, предвосхитившие последующий переход к воздействию на человеческий домен. Авторы считали, что целью «войны в сфере управления и командования» является подрыв способности противника к принятию решений через воздействие на его сознание, при одновременной защите собственных систем управления и контроля[140]. Несмотря на технологическую направленность исследования, работа затрагивала и более

[139] Hutcherson N.B. Command & Control Warfare: Putting Another Tool in the War-Fighter’s Database. – Maxwell Air Force Base, Alabama : Air University Press, 1994. – 72 p.
[140] Ibid., P. xiii.

глубокий уровень воздействия – нарушение способности интерпретировать обстановку и вырабатывать решения. Впоследствии эти положения были закреплены в доктринальных документах США и НАТО.

Дальнейшее закрепление интереса к информационному измерению нашло отражение в принятии в 1996 году стратегического документа *«Joint Vision 2010»*[141], опубликованного Объединённым комитетом начальников штабов США. В данном документе была институционально зафиксирована идея об информационном превосходстве как ключевом условии достижения оперативного и стратегического доминирования. В документе отмечалось, что стремительные технологические изменения радикально изменят характер военных операций[142], сделав информационную и человеческую уязвимость стратегическими факторами. Особое внимание в Joint Vision 2010 уделялось идее информационного превосходства[143], которое предлагалось обеспечивать наступательными и оборонительными информационными операциями: от физического уничтожения каналов управления до электронного проникновения с целью введения в заблуждение противника, при этом объектом воздействия оставалось управленческое звено (командиры, штабы), а не массовое сознание. В результате в документе смещался акцент с физического противоборства на информационный фактор, предвосхищая технологии, способные влиять не только на объекты, но и на сам процесс выработки решений, а человеческий фактор стал идентифироваться как уязвимый и стратегически значимый элемент операционной среды.

В 1996 г. полевой устав армии США *FM 100-6 «Information Operations»*[144] закрепил системный подход к информационным операциям, отражая тенденцию к доктринализации когнитивного измерения в стратегическом планировании.

---

[141] Joint Vision 2010. – 1996. – URL: https://apps.dtic.mil/sti/tr/pdf/ADA311168.pdf (Last accessed: 01.04.2025).
[142] Ibid., P. 11.
[143] Joint Vision 2010. – 1996. – URL: https://apps.dtic.mil/sti/tr/pdf/ADA311168.pdf (Last accessed: 01.04.2025).
[144] FM 100-6. Information Operations. – 1996. – URL: https://www.bits.de/NRANEU/others/amd-us-archive/fm100-6(96).pdf (Last accessed: 03.04.2025).

Ключевым элементом стала модель «когнитивной иерархии»[145], которая связывала поступающие данные, переработанную информацию, знание, понимание и принятие решений, где знание формируется через когнитивную оценку информации. В документе фиксировалось, что информационное превосходство сводится не только к технологическим возможностям, но включает и когнитивное измерение – воздействие на восприятие и интерпретацию информации противником[146]. В этой связи особое значение придавалось влиянию на процессы принятия решений, рассматриваемому как ключевой фактор операционного превосходства. Концепция информационного доминирования дополнялась идеей «преимущества в знаниях», под которым понималась способность командира получать более полную и точную информацию для опережающего принятия решений[147]. Отдельно подчеркивалось, что влияние на восприятие и решения противника может осуществляться как через разрушение физических элементов системы, так и за счет манипулирования информацией: в частности, посредством психологических операций, дезинформации и искажения восприятия[148]. Эти положения можно рассматривать как ранний этап развития концепции когнитивных операций.

Уже через несколько месяцев, в декабре того же года, Министерство обороны США утвердило директиву *DoDD S-3600.1 «Information Operations»*[149]. Она стала первым нормативным стратегическим документом, который закрепил информационные операции в качестве обязательного элемента оборонного планирования для всех компонентов вооружённых сил, включая органы управления, разведку и НИОКР. Директива нормативно зафиксировала концептуальные положения, впоследствии ставшие основой когнитивного домена: информационное превосходство признавалось условием победы, а целью

---

[145] Ibid., P. 2-1.

[146] FM 100-6. Information Operations. – 1996. – URL: https://www.bits.de/NRANEU/others/amd-us-archive/fm100-6(96).pdf (Last accessed: 03.04.2025).

[147] Ibid., P. 1-9.

[148] Ibid., P. 1-6–1-9.

[149] DoDD S-3600.1. Information Operations. – 1996. – URL: https://www.esd.whs.mil/Portals/54/Documents/FOID/Reading%20Room/Administration_and_Management/14-F-0492_Directive_S-3600-1.pdf?ver=2017-05-15-135850-893 (Last accessed: 04.04.2025).

операций – влияние на процессы принятия решений, с акцентом не только на технических системах, но и на «персонале, связанном с ними»[150]. Понятие «информационная среда» включало индивидов, организации и системы, которые собирают, обрабатывают и распространяют информацию, что имплицитно отражало наличие человеческого компонента в оперативном пространстве[151]. Однако документ сохранял классическое технократическое понимание информационных операций: воздействие на сознание как отдельная цель не выделялось, а стратегические последствия рассматривались в основном через призму киберзащиты, радиоэлектронной борьбы и защиты связи, а не изменения поведения или когнитивных установок.

Аналогично американской директиве в 1998 г. НАТО предприняла первую попытку институционализировать концепт информационных операций, приняв документ *MC 422/1 «NATO Military Policy on Information Operations»*[152]. Несмотря на отсутствие его текста в открытом доступе, содержание реконструируется по научным публикациям и последующим материалам Альянса. Документ закрепил базовое определение информационных операций, охватывавшее широкий спектр действий, включая психологические, и задал единый подход к их планированию и координации в миссиях НАТО. Предположительно, он содержал ключевые определения, цели, задачи, принципы и распределение ответственности между стратегическим, оперативным и тактическим уровнями. Принятие MC 422/1 стало шагом к консолидации стратегической мысли НАТО в сфере информационного противоборства и заложило основу для дальнейшей нормативной эволюции концепта на уровне союза государств.

Одновременно с этим информационная среда продолжала усложняться, усиливая значение нематериальных факторов в военном и политическом противоборстве. На этом фоне в 1998 г. в США в документе *«Joint Publication 3-*

---

[150] Ibid., P. 2.
[151] Ibid., P. 9.
[152] Rózsa T. NATO Information Operations in Theory and in Practice: Battling for Hearts and Minds in Afghanistan // Academic and Applied Research in Military and Public Management Science. – 2013. – Vol. 12. – P. 155–164.

13»[153] впервые был закреплён термин «perception management», определяемый как действия по передаче или сокрытию информации, способные влиять на эмоции, мотивацию, рассуждения граждан и поведение лидеров противника, с конечной целью формирования выгодных инициатору решений. Документ стал развитием идей DoDD S-3600.1 и заложил основу межведомственной архитектуры информационной безопасности. Человек рассматривался не только как оператор системы, но и как уязвимый к манипуляции субъект[154], а информационные операции – как стратегия влияния на поведение и восприятие противника[155]. Еще один термин «enemy perception» фиксировал цель военного обмана – формирование у противника картины реальности, побуждающей его к выгодным США действиям. Таким образом, JP 3-13 институционализировал восприятие как стратегическую мишень, включая гражданское население в зонах операций, и стал важной доктринальной предтечей когнитивного домена.

Документ *«Joint Vision 2020»*[156], представленный в 2000 году Комитетом начальников штабов ВС США, продвинул развитие идей, впоследствии ставших основой когнитивного домена. Ключевым стало смещение акцента: информационное превосходство теперь рассматривалось не как цель, а как средство достижения «decision superiority»[157] – способности принимать решения быстрее и качественнее противника, что напрямую связывало концепцию с когнитивным измерением, выделяя интерпретацию и осмысление данных командиром как ключевой элемент. Повторяя модель когнитивной иерархии из FM 100–6 «Information Operations»[158], документ различал данные, информацию, знание и решение, подчёркивая, что ценность информации определяется её

---

[153] Joint Publication 3-13. – 1998. – URL: https://dn790000.ca.archive.org/0/items/5626284-Joint-Chiefs-of-Staff-Joint-Publication-3-13/5626284-Joint-Chiefs-of-Staff-Joint-Publication-3-13.pdf (Last accessed: 05.04.2025).

[154] Joint Publication 3-13. – 1998. – URL: https://dn790000.ca.archive.org/0/items/5626284-Joint-Chiefs-of-Staff-Joint-Publication-3-13/5626284-Joint-Chiefs-of-Staff-Joint-Publication-3-13.pdf (Last accessed: 05.04.2025).

[155] Ibid., P. 36, 134.

[156] Joint Vision 2020. – 2000. – URL: https://apps.dtic.mil/sti/pdfs/ADA526044.pdf (Last accessed: 06.04.2025).

[157] Ibid., P. 62.

[158] FM 3-13. Information Operations: Doctrine, Tactics, Techniques, and Procedures. – 2003. – URL: https://irp.fas.org/doddir/army/fm3-13-2003.pdf (Last accessed: 06.04.2025).

превращением в знание и действие. Впервые влияние на восприятие противника было прямо обозначено как часть операционной концепции, а конечной целью информационных операций назван человеческий субъект, принимающий решения[159].

Публикация *FM 3-13 «Information Operations: Doctrine, Tactics, Techniques, and Procedures»*[160] (2003), подготовленная на фоне операций в Ираке и Афганистане, закрепила прикладную интеграцию информационных операций в боевое планирование. В документе управление восприятием рассматривается глубже, чем ранее: его целью названо формирование эмоций, мотивации и рационального мышления командных структур и граждан противника для принятия выгодных инициатору решений[161]. Для этого предлагается сочетание методов: от достоверной информации и защиты данных до дезинформации и психологических операций. Конечной целью признаётся не только нарушение систем связи, но и искажение восприятия противника, создающее «окно возможностей» для дружественных сил[162]. Показательно и то, что воля (will) как термин также появляется в описании задач противодействия пропаганде и управлению восприятием. Впервые отмечается, что одной из целей противника является «подрыв воли к сопротивлению»[163], а информационное превосходство связывается с сокращением цикла принятия решений и влиянием на восприятие реальности у противника[164]. Хотя термин «когнитивная иерархия» в данном документе отсутствует, в тексте прослеживается модель, учитывающая источники информации, приоритеты решений и психологические характеристики целевых групп[165], как и в предыдущих работах. Можно утверждать, что на уровне содержания формируется понимание необходимости влиять не только на

[159] Ibid., P. 72.
[160] Ibid., P. 16.
[161] FM 3-13. Information Operations: Doctrine, Tactics, Techniques, and Procedures. – 2003. – URL: https://irp.fas.org/doddir/army/fm3-13-2003.pdf (Last accessed: 06.04.2025).
[162] Ibid., P. 1-12.
[163] Ibid., P. 1-8.
[164] Ibid., P. 1-12.
[165] Ibid., P. 6-9.

технические элементы систем, но и на когнитивные уровни управления, начиная от информации и заканчивая восприятием и суждением.

В рамках проводимого анализа документов можно заметить, как акцент постепенно смещается с разрушения командных структур на воздействие на восприятие и решения как командования, так и широких групп. Это связано с тем, что уже к середине 2000-х годов в мире наблюдались изменения, которые вызвали необходимость переосмысления традиционной парадигмы информационного противоборства[166]. Прежде всего, технологический прогресс и массовая цифровизация общества стали резко менять архитектуру информационной среды. Зарождающееся массовое распространение социальных сетей, персонализированных алгоритмов, носимых устройств и облачных сервисов создало новый тип уязвимости: информация больше не просто передавалась: она стала формировать поведение, менять структуру внимания, подменять идентичности и встраиваться в глубинные когнитивные процессы индивидов[167]. Традиционные методы радиоэлектронной борьбы или пропаганды уже не соответствовали глубине проникновения цифровой среды в повседневную жизнь граждан и военнослужащих. На этом фоне произошел и эволюционный сдвиг в понимании целей информационного противоборства: теперь объектом становится не только принятие решений на уровне командования противника, но и массовое сознание как совокупность когнитивных паттернов, реакций, моделей восприятия и управления объемами памяти. Всё это позволило говорить о формировании новой зоны уязвимости – когнитивной среды индивида как пространства, в котором может осуществляться внешнее вмешательство не через агрессию, а через незаметное структурное влияние, в связи с чем стали развиваться программы, ориентированные на нейрофизиологические параметры военнослужащих и возможности их оптимизации посредством цифровых технологий.

---

[166] White S. P. The Organizational Determinants of Military Doctrine: A History of Army Information Operations // Texas National Security Review – 2023. – Vol. 6, № 1. – P. 51-78.

[167] Del-Valle-Soto C. et al. A Comprehensive Review of Behavior Change Techniques in Wearables and IoT: Implications for Health and Well-Being // Sensors (Basel). – 2024. – Vol. 24, № 8. – P. 24-29.

В 2005 году появляется исследование *«Implications of Modern Decision Science for Military Decision-Support Systems»*[168], созданное RAND, с усиленным акцентом на когнитивную компоненту. В нём предлагался переход от модели рационального выбора к пониманию ограниченной рациональности (Г. Саймон)[169] и роли внутренних ментальных моделей, формируемых под воздействием внешних факторов: формировалось представление о том, что процесс принятия решений – это не результат чистой логики, а продукт внутренней ментальной модели, формируемой под воздействием множества внешних причин. Объектом анализа признавался не только ход операции, но и сам ментальный процесс принятия решений, что соотносилось с моделью когнитивной иерархии. Отмечалось, что ограничения внимания, времени, памяти и восприятия критически важны при проектировании систем поддержки военных решений[170], а доктринализация когнитивного измерения требует учёта не только информации, но и способов её обработки. Также предполагалась разработка систем, учитывающих когнитивные особенности пользователей[171], что фактически перемещало поле боя в сферу сознания противника. Тем самым формировалась логика, близкая к более поздним концепциям НАТО (2017–2020), в которых когнитивная сфера рассматривается как самостоятельное операционное измерение.

---

[168] Implications of Modern Decision Science for Military Decision-Support Systems // RAND.org. – 2009. – URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2009/RAND_MG815.sum.pdf (Last accessed: 07.04.2025).

[169] Implications of Modern Decision Science for Military Decision-Support Systems // RAND.org. – 2009. – URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2009/RAND_MG815.sum.pdf (Last accessed: 07.04.2025).

[170] Implications of Modern Decision Science for Military Decision-Support Systems // RAND.org. – 2009. – URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2009/RAND_MG815.sum.pdf (Last accessed: 07.04.2025).

[171] Ibid., P. 77–91.

В 2007 году стало известно[172], что Пентагон совместно с DARPA[173] приступил к разработке систем, способных в реальном времени фиксировать электрическую активность мозга с использованием ЭЭГ и тем самым оценивать когнитивную нагрузку оператора. Проект «Augmented Cognition» (AugCog) был направлен на создание интерфейсов, которые учитывают перегрузку различных типов рабочей памяти (визуальной, вербальной и др.) и соответственно меняют способ предоставления информации. Использование фМРТ и ЭЭГ позволяло определять степень нагрузки и корректировать интерфейс: например, при избытке визуальных стимулов система могла переключать подачу информации на текстовые или графические форматы, облегчая тем самым её восприятие и последующее принятие решений. Системы могли не только подстраиваться под состояние пользователя, но и влиять на процесс принятия решений, автоматически приоритизируя информацию или принимая решения за оператора. Это поднимало вопросы об автономии, контроле, а также о воздействии на волю и мотивацию, которые являются ключевыми аспектами когнитивного домена. В итоге формировалась концепция «человеческого домена», в которой человек и технология действуют как единая система для более эффективного восприятия и реагирования на среду.

На основе подобных исследований в стратегической мысли Запада произошёл сдвиг от классической установки на рационального актора к более реалистичному пониманию уязвимости человеческого мышления. Акцент сместился от управления потоком информации к управлению механизмами её восприятия, интерпретации и хранения. Формировался интерес к «гибридным когнитивным целям», где воздействие оказывалось не столько через содержание сообщений, сколько через архитектуру восприятия, алгоритмы отбора и

---

[172] Pentagon Preps Mind Fields for Smarter War Stations // WIRED. – 21.03.2007. – URL: https://www.wired.com/2007/03/pentagon-preps-mind-fields-for-smarter-war-stations-2/?/Users/hiroko/Desktop/200323876-001-1.jpgcurrentPage=1 (Last accessed: 07.04.2025).

[173] Прим. автора: Управление перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США (англ. Defense Advanced Research Projects Agency, DARPA) – управление Министерства обороны США, отвечающее за разработку новых технологий для использования в интересах вооружённых сил.

персонализации, а также структуру информационной среды. Это создавало условия для тонких и долгосрочных форм влияния, формирующих устойчивые модели мышления и поведения через фрагментацию внимания, перегрузку, повторение и структурную манипуляцию, что подготовило переход от информационного к когнитивному воздействию как новой парадигме стратегического планирования.

Обновлённая редакция *Joint Publication 3-13 «Doctrine for Information Operations»*[174] 2006 года впервые недвусмысленно признает когнитивное измерение как одно из ключевых компонентов информационной среды, наряду с информационным и физическим измерениями[175]. Документ закрепил понимание, что победа зависит не только от контроля инфраструктуры и информационных потоков, но и от воздействия на когнитивные модели лидеров, населения и солдат. Целью информационных операций объявлялось влияние на процесс принятия решений, включая восприятие, интерпретацию, понимание и осознание[176]. Подчёркивалось, что подавление способности противника адекватно воспринимать ситуацию даёт стратегическое преимущество[177], а контроль над когнитивными фильтрами становится новым направлением работы. Подчёркивалось, что технологическое развитие радикально изменило темп и объёмы обработки информации[178], в связи с чем когнитивные фильтры человека стали более уязвимыми. Таким образом, доктрина утверждала, что исход конфликта может решаться в сфере восприятия и мотивационного реагирования, формируя предпосылку для переноса акцента с контроля информации на контроль её когнитивной обработки и создавая основу для институционализации когнитивного домена.

---

[174] Joint Publication 3-13. Doctrine for Information Operations. – 2006. – URL: https://www.globalsecurity.org/intell/library/policy/dod/joint/jp3_13_2006.pdf (Last accessed: 07.04.2025).
[175] Ibid., P. 19.
[176] Ibid., P. 26.
[177] Ibid., P. 22.
[178] Joint Publication 3-13. Doctrine for Information Operations. – 2006. – URL: https://www.globalsecurity.org/intell/library/policy/dod/joint/jp3_13_2006.pdf (Last accessed: 07.04.2025).

В 2009 году НАТО представило Объединённую союзную доктрину по информационным операциям *AJP-3.10*[179], где, несмотря на широкую трактовку задач информационных операций, когнитивное измерение не рассматривалось как самостоятельная категория. В тексте упоминались цели[180], относящиеся к когнитивной сфере, но они были фрагментарны и не сопровождались институциональным оформлением. Когнитивная перспектива присутствовала лишь на уровне отдельных формулировок, что указывает на отставание Альянса от США в темпах осмысления новых угроз. Вероятно, это было связано с разногласиями между членами НАТО в трактовке информационного противоборства и степенях его интеграции в национальные стратегии[181] при ведущей роли США и адаптации остальных участников с задержкой.

В 2011 году Министерство обороны США выпустило новую редакцию *DoDD 3600.01*[182], где появились концепты, относящиеся к когнитивной рамке. Введено определение «human factors», которое интерпретировалось как «психологические, поведенческие и иные человеческие характеристики, оказывающие влияние на процесс принятия решений <…> и интерпретацию информации отдельными индивидами или группами на любом уровне»[183], а также термин «atmospherics», обозначающий информацию о настроениях и общем фоне, оказывающих влияние на конкретную группу населения, что должно использоваться для таргетирования и коррекции информационного воздействия[184]. Эти положения приближали информационные операции к управлению не только содержанием, но и контекстом восприятия сообщений.

---

[179] AJP-3.10. Allied Joint Doctrine for Information Operations. – 2009. – URL: https://info.publicintelligence.net/NATO-IO.pdf (Last accessed: 09.04.2025).

[180] Ibid., P. 23.

[181] Rózsa T. NATO Information Operations in Theory and in Practice: Battling for Hearts and Minds in Afghanistan // Academic and Applied Research in Military and Public Management Science. – 2013. – Vol. 12. – P. 155–164.

[182] DoDD 3600.01. Information Operations. – 2011. – URL: https://www.acqnotes.com/Attachments/DoD%20Directive%203600.01%20Information%20Operations%2023%20May%202011.pdf (Last accessed: 10.04.2025).

[183] Ibid., P. 12.

[184] DoDD 3600.01. Information Operations. – 2011. – URL: https://www.acqnotes.com/Attachments/DoD%20Directive%203600.01%20Information%20Operations%2023%20May%202011.pdf (Last accessed: 10.04.2025).

Документ нормативно закреплял идею, что эффективность информационного противоборства определяется способностью вмешиваться в процессы принятия решений противника, что отражало дальнейшую эволюцию когнитивного подхода в стратегической мысли США.

В 2012 г. военный комитет НАТО утвердил обновлённую версию *MC 422/4 «NATO Military Policy on Information Operations»*[185], впервые официально признав когнитивное пространство частью информационной среды наряду с физическим и виртуальным измерениями[186]. В документе цель информационных операций определялась как воздействие на «волю, понимание и дееспособность»[187] индивидов, включая формирование восприятия, воздействие на волю и изменение поведения[188]. Это знаменовало переход от узко коммуникационного подхода к концептуализации воздействия на сознание и стало важным этапом доктринализации когнитивного измерения в политике Альянса. Вместе с тем текст не содержал системного описания природы и механизмов когнитивного воздействия, что указывало на начальную стадию интеграции этой парадигмы в доктрину НАТО.

В 2012 г. обновлённая версия *«Joint Publication 3-13»*[189] в обновленной продолжила доктринализацию когнитивного измерения. Если редакция 2006 г. определяла его как пространство мышления, восприятия и принятия решений, то новая версия включила факторы, формирующие эти процессы: психологические уязвимости индивида, источники мотивации, ментальное здоровье, эмоции, опыт, образование и моральные нормы[190]. Впервые введён термин «целевая аудитория», что расширило фокус с лиц, принимающих решения, на более широкие слои населения. Значимым нововведением стало понятие «information-related

---

[185] MC 422/4. NATO Military Policy on Information Operations. – 2012. – URL: https://info.publicintelligence.net/NATO-IO-Policy.pdf (Last accessed: 10.04.2025).
[186] Ibid., P. 2.
[187] Ibid., P. 3.
[188] Ibid., P. 4.
[189] Joint Publication 3-13. – 2012. – URL: https://defenseinnovationmarketplace.dtic.mil/wp-content/uploads/2018/02/12102012_io1.pdf (Last accessed: 10.04.2025).
[190] Joint Publication 3-13. – 2012. – URL: https://defenseinnovationmarketplace.dtic.mil/wp-content/uploads/2018/02/12102012_io1.pdf (Last accessed: 10.04.2025).

capabilities» (IRCs)[191] – инструментов и методов, воздействующих в физическом, информационном и когнитивном измерениях с целью достижения желаемых операционных результатов. Документ фиксировал, что развитие сетевых технологий усиливает возможности влияния на когнитивную сферу, а значит, на восприятие, суждения и решения[192]. Таким образом, когнитивное измерение в 2012 г. закрепляется как структурный элемент доктрины, получая более чёткую архитектуру воздействия на целевые аудитории.

Далее, помимо стремительного развития цифровой среды, благоприятной для применения инструментов когнитивного противоборства, события середины 2010-х годов стали катализатором пересмотра стратегических подходов Запада к информационному противоборству. Ключевым поворотом стали события на Украине в 2014 году – Евромайдан и последующая крымская кампания[193]. Для НАТО это стало шоком не только в политическом и военном смысле, но и в символическом: союзники увидели эффективную и слаженную работу российских спецслужб[194], которая включала в себя использование комбинаций визуальных образов, контролируемых нарративов, персонализированных месседжей и точечного психологического давления, что продемонстрировало силу информационно-психологических операций нового типа[195]. Дальнейшими триггерами стали Brexit и президентская кампания Д. Трампа 2016 года, усилившие обеспокоенность скрытым влиянием на общественное мнение[196]. В экспертной среде на Западе заговорили о масштабах когнитивной уязвимости, эксплуатируемой через фейковые аккаунты, ботов, алгоритмическую персонализацию и таргетированную рекламу. Показательным примером стала

---

[191] Joint Publication 3-13. – 2012. – URL: https://defenseinnovationmarketplace.dtic.mil/wp-content/uploads/2018/02/12102012_io1.pdf (Last accessed: 10.04.2025).

[192] Ibid., P. 14.

[193] Уралов С. С. Украинская трагедия. Технологии сведения с ума. – СПб.: Питер, 2023. – 384 с.

[194] Responding to Cognitive Security Challenges // NATO Strategic Communications Centre of Excellence. – 2019. – URL: https://stratcomcoe.org/cuploads/pfiles/web_Responing-to-Cognitive.pdf (Last accessed: 11.04.2025).

[195] Lange-Ionatamishvili E. Analysis of Russia's Information Campaign against Ukraine. – Riga: NATO Strategic Communications Centre of Excellence, 2015. – 40 p.

[196] Gutierrez E. Connect to Divide: Social Media in 21st Century Warfare // Over the Horizon Journal. – 13.04.2020. – URL: https://othjournal.com/2020/04/13/connect-to-divide-social-media-in-21st-century-warfare/ (Last accessed: 11.04.2025).

история Cambridge Analytica[197], когда персональные данные пользователей Facebook[198] применялись для подачи гиперперсонализированных политических месседжей, воздействующих на мотивационные установки и поведение.

Накопленный опыт привёл НАТО к осознанию, что главные угрозы смещаются от информационного противоборства к когнитивному контролю – влиянию на мышление, восприятие и поведенческие паттерны населения, военнослужащих и элит[199]. В этой связи в рамках Инновационного фонда НАТО (Innovation Hub) при Командовании НАТО по траснформации (Allied Command Transformation) стартовала серия исследований и аналитических проектов, нацеленных на осмысление новой формы противоборства, получившей впоследствии наименование «cognitive warfare».

Одним из ключевых документов, закрепивших институциональное закрепление этих идей, стала операционная концепция *«Joint Concept for Operating in the Information Environment» (JCOIE)*[200], опубликованная в июле 2018 года Объединённым комитетом начальников штабов США. Она зафиксировала необходимость интегрировать информационные аспекты в военное планирование еще на начальной фазе (фазе операционного планирвоания), подчёркивая роль информации в формировании восприятия (perception), установок (attitudes) и поведения (behavior) акторов. Эти параметры, наряду с мировоззрением, ментальными моделями и контекстуальным пониманием[201], обозначены как

---

[197] Борисова А. Р. Cambridge Analytica scandal – why is it important for us? // ИМЭМО РАН: официальный сайт. – 30.03.2018. – URL: https://www.imemo.ru/news/events/text/cambridge-analytica-scandal-why-is-it-important-for-us (дата обращения: 11.04.2025).

[198] Деятельность Facebook признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации, данные используются в исследовательских целях и не направлены на одобрение экстремистской деятельности.

[199] Claverie B. Cognitive warfare: the new battlefield exploiting our brains // Polytechnique Insights. – 05.02.2025. – URL: https://www.polytechnique-insights.com/en/columns/geopolitics/cognitive-warfare-the-new-battlefield-exploiting-our-brains/ (Last accessed: 05.05.2025).

[200] Joint Chiefs of Staff. Joint Concept for Operating in the Information Environment (JCOIE) // Washington, D.C.: Joint Chiefs of Staff. – 2018. – URL: https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Doctrine/concepts/joint_concepts_jcoie.pdf (Last accessed: 12.04.2025).

[201] Joint Chiefs of Staff. Joint Concept for Operating in the Information Environment (JCOIE) // Washington, D.C.: Joint Chiefs of Staff. – 2018. – URL:

ключевое поле боя в современной конфликтной среде[202], что иллюстрирует смещение акцента от физического принуждения к управлению когнитивными структурами восприятия. Документ критикует традиционную трансмиссионную модель, трактующую информацию лишь как поток данных между источником и получателем, за игнорирование процессов смыслообразования и роли когнитивных фильтров. В противовес ей JCOIE предлагает модель, ориентированную на восприятие, и апеллирует к модели когнитивной иерархии[203]: данные, помещённые в контекст, становятся информацией, затем знанием, пониманием и, наконец, основой для принятия решений. Особое место, наряду с информационным и физическим, занимает «человеческий аспект»[204] – социальные, культурные, психологические и лингвистические параметры, определяющие поведение. Человек в этой логике выступает не как внешняя переменная, а как центр тяжести операционной среды и основная цель воздействия.

В сентябре 2018 года НАТО опубликовало обновлённую редакцию *«MC 0422/6 – NATO Military Policy on Information Operations»*[205], сохранившую понятийную и структурную преемственность с версией 2012 г. Когнитивное пространство здесь упоминается в тех же контекстах, без расширения его функциональной роли или концептуальной разработки. Как и ранее, информационная среда определяется как совокупность информации, субъектов её восприятия и обработки, а также физического, виртуального и когнитивного пространств. Термины «воля» и «восприятие» продолжают использоваться в качестве целевых категорий воздействия, но без методологического углубления.

---

https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Doctrine/concepts/joint_concepts_jcoie.pdf (Last accessed: 12.04.2025).

[202] Ibid., P. 9.

[203] Joint Chiefs of Staff. Joint Concept for Operating in the Information Environment (JCOIE) // Washington, D.C.: Joint Chiefs of Staff. – 2018. – URL: https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Doctrine/concepts/joint_concepts_jcoie.pdf (Last accessed: 12.04.2025).

[204] Ibid., P. 15-16.

[205] NATO Military Committee. MC Draft: NATO Military Policy on Information Operations. – 2018. – URL: https://shape.nato.int/resources/3/images/2018/upcoming%20events/MC%20Draft_Info%20Ops.pdf (Last accessed: 14.04.2025).

При этом документ фиксирует институциональное укрепление процедурного аппарата информационных операций, их интеграцию с коммуникационной политикой Альянса и усиление взаимодействия с разведкой, что в целом отражает стабильность понятийной рамки когнитивного измерения, а не её эволюцию.

В декабре 2018 года Армия США опубликовала стратегический документ *«TP 525-3-1 – The U.S. Army in Multi-Domain Operations 2028»*[206] (далее – MDO 2028), который продемонстрировал заметное продвижение в сторону доктринализации когнитивного домена в стратегическом мышлении армии США: когнитивное измерение интегрируется в категориальный аппарат, операционные принципы и структуру действий, а когнитивный фактор выводится как постоянный элемент оперативного планирования. Доктрина ставит задачу достижения превосходства не только в физических и виртуальных, но и в когнитивных доменах, включая подавление восприятия, воли и способности к принятию решений противника[207]. Ключевым результатом операций, наряду с физической и виртуальной изоляцией, провозглашается «когнитивная изоляция»[208], достигаемая синхронизированным применением радиоэлектронной борьбы, кибероперациий и информационных операций. Документ вводит понятие «когнитивных окон» – периодов наибольшей уязвимости противника[209], когда его восприятие, внимание, способность принимать рациональные решения, эмоциональная устойчивость или воля к действию ослаблены, и потому внешнее влияние (информационное, психологическое, манипулятивное) может иметь максимальный эффект. MDO 2028 также развивает концепцию «конвергенции»[210] – объединения воздействия всех доменов в нужный момент для создания множественных дилемм в когнитивной системе противника. Параллельно

[206] The U.S. Army in Multi-Domain Operations 2028 // United States Army Training and Doctrine Command. – 06.12.2018. – URL: https://info.publicintelligence.net/USArmy-MultidomainOps2028.pdf (Last accessed: 15.04.2025).
[207] The U.S. Army in Multi-Domain Operations 2028 // United States Army Training and Doctrine Command. – 06.12.2018. – URL: https://info.publicintelligence.net/USArmy-MultidomainOps2028.pdf (Last accessed: 15.04.2025).
[208] Ibid., P. 58.
[209] Ibid., P. 75.
[210] Ibid., P. 34.

формируется образ «когнитивно устойчивого воина» – адаптивного, мыслящего и способного действовать автономно субъекта. В результате MDO 2028 можно рассматривать как один из наиболее значимых шагов США на пути к доктринальному оформлению когнитивной логики.

Рассматриваемый период в целом подготовил теоретическую базу для следующего этапа – прямой артикуляции концепции когнитивной войны, в связи с чем 2020 год стал поворотным моментом в её развитии. Если ранее воздействие на сознание осмыслялось преимущественно в рамках информационных операций или экспертных дискуссий, то с 2020 года в НАТО и США прослеживается переход к формированию целостного нормативного поля, в котором когнитивное противоборство становится частью стратегического планирования. Одним из факторов стала стремительная интеграция в военную сферу технологий искусственного интеллекта, нейротехнологий, биометрии и Big Data, что потребовало пересмотра существующих операционных моделей Альянса[211]. Дополнительным импульсом стала пандемия COVID-19, сопровождавшаяся «инфодемией»[212]: массовым распространением фейков, паникой и конспирологией, что продемонстрировало уязвимость общественного сознания в условиях кризиса. Все это способствовало ускоренному развитию концепции когнитивной устойчивости и информационной осведомлённости как элементов коллективной обороны НАТО[213].

Публикация документа *«Cognitive Warfare»*[214] Инновационным фондом НАТО (NATO Innovation Hub) в начале 2021 года стала ключевым моментом доктринализации когнитивного домена. Впервые он рассматривается как самостоятельный операционный уровень, наряду с физическим, кибернетическим,

---

[211] NATO. Emerging and Disruptive Technologies // NATO Official Website. – 25.06.2025. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_184303.htm (Last accessed: 15.07.2025).

[212] Gill R., Goolsby R. (eds.) COVID-19 Disinformation: A Multi-National, Whole of Society Perspective. – Cham: Springer, 2022. – 213 p.

[213] NATO. Deputy Secretary General welcomes NATO Science Book on COVID Disinformation // NATO Library. – 05.09.2022. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_207062.htm (Last accessed: 15.04.2025).

[214] Cluzel F. Du. Cognitive Warfare // NATO Innovation Hub. – 11.2020. – URL: https://innovationhub-act.org/wp-content/uploads/2023/12/20210113_CW-Final-v2-.pdf (Last accessed: 17.04.2025).

воздушным, морским и космическим пространствами[215]. В данной логике формируется не просто новая зона военного применения, но и новая онтология конфликта – борьба за сознание, внимание, память, восприятие и волю субъекта. Подчёркивается, что объектом когнитивной войны является не то, *что* человек думает, а то, *как* он думает. Таким образом, цель когнитивной войны – трансформация самой архитектуры мышления, а не просто навязывание выгодного нарратива, при этом воздействие может быть латентным и непрерывным. Доклад фиксирует уязвимости когнитивной сферы (искажения, эмоциональная реактивность, цифровая перегрузка)[216] и вводит понятие «когнитивного доминирования»[217] как способности формировать среду смыслов и управлять реакциями оппонента. Предлагается интегрировать когнитивные переменные в планирование военных операций и инвестировать в NBIC-науки как в основу когнитивных инструментов воздействия. Хотя документ носит аналитический характер и не имеет нормативной силы, он стал преддоктринальным ориентиром, стимулировавшим дискуссии и повлиявшим на последующие стратегические материалы НАТО.

Действительно, в 2021 году вышел документ *«NATO Warfare Capstone Concept»*[218] (NWCC), определяющий стратегическое развитие военного потенциала НАТО до 2040 года. Он отражает смещение к многодоменной, постоянной и асимметричной конкуренции, в которой когнитивное измерение интегрируется в архитектуру будущих операций. Среди пяти ключевых императивов выделено «когнитивное превосходство» (cognitive superiority) – способность опережать противника в понимании обстановки, предвидении и принятии решений. В рамках парадигмы «шести превосходств» («the 6 Outs»)

---

[215] Ibid., P. 25.

[216] Cluzel F. Du. Cognitive Warfare // NATO Innovation Hub. – 11.2020. – URL: https://innovationhub-act.org/wp-content/uploads/2023/12/20210113_CW-Final-v2-.pdf (Last accessed: 17.04.2025).

[217] Ibid., P. 23.

[218] NATO Warfighting Capstone Concept // NATO Allied Command Transformation. – 2021. – URL: https://www.act.nato.int/wp-content/uploads/2023/06/NWCC-Glossy-18-MAY.pdf (Last accessed: 18.04.2025).

особое место занимает «Out-Think»[219] – когнитивное опережение как условие стратегической инициативы. Для его достижения подчёркивается значение гибкости мышления, постоянной подготовки и способности действовать быстрее в условиях неопределённости. NWCC встраивает когнитивное измерение в функциональный дизайн военной мощи НАТО, закрепляя его доктринальный статус и превращая человеческое мышление в арену стратегического манёвра.

В июне 2021 года Инновационный фонд НАТО при Командовании по трансформации НАТО (ACT) опубликовал документ *«Cognition Workshop Report»*[220] – итог трёхдневной экспертной сессии, проведённой в ответ на развитие идей в рамках «NATO Warfighting Capstone Concept». Документ уточняет понятийные рамки когнитивного противостояния и определяет направления по усилению когнитивного потенциала Альянса. Отчёт фиксирует, что человеческий мозг становится ареной будущих конфликтов, а когнитивное воздействие – самостоятельным доменом, выходящим за пределы традиционных информационных и психологических операций. Используемая понятийная сетка (cognition, cognitive domain, perception, mind, decision-making, human domain) отражает закрепление когнитивных категорий в стратегическом лексиконе НАТО. Ключевым вектором документа становится утверждение, что победа в будущих конфликтах будет зависеть от способности воздействовать не только на информационные потоки, но и на механизмы их когнитивной обработки, включая внимание, эмоциональное состояние, а также волевую и рациональную регуляцию действий[221]. При этом отмечается, что когнитивная война неразрывно связана с другими формами воздействия на мозг человека, а именно с информационной войной, несмотря на то что является на сегодняшний день наиболее современной формой такого влияния.

---

[219] NATO Warfighting Capstone Concept // NATO Allied Command Transformation. – 2021. – URL: https://www.act.nato.int/wp-content/uploads/2023/06/NWCC-Glossy-18-MAY.pdf (Last accessed: 18.04.2025).

[220] Cognition Workshop Report // NATO Innovation Hub. – 03.06.2021. – URL: https://innovationhub-act.org/wp-content/uploads/2023/12/210601-Cognition-Workshop-Report-v3.pdf (Last accessed: 18.04.2025).

[221] Ibid., P. 3.

Почти сразу, в марте 2022 года, под эгидой Научно-технической организации НАТО (Science and Technology Organization, STO) при участии Инновационного фонда НАТО был опубликован первый научный сборник *«Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance»*[222]. Он был подготовлен по результатам первого научного симпозиума НАТО по когнитивной войне, состоявшегося 21 июня 2021 года в Бордо (Франция). Сборник фактически стал платформой для научного и институционального оформления когнитивного домена, в рамках которого он был представлен как самостоятельное операционное измерение со своими целями и инструментами. В документе фиксируется, что ключевая цель когнитивной войны связана с изменением восприятия, мышления и поведения как отдельного человека, так и целых групп. При этом воздействие носит латентный характер и чаще имеет долговременные последствия. Акцент смещается с простого навязывания информации на управление её когнитивной обработкой, то есть на то, каким образом информация воспринимается, интерпретируется и встраивается в поведенческие модели субъекта[223]. Особое внимание уделено уязвимостям, среди которых выделяются искажения восприятия, ограничения рабочей памяти, эмоциональная поляризация и зависимость от цифровых посредников. Эти характеристики рассматриваются как точки входа для воздействия на процессы принятия решений, способствующие утрате доверия, усилению фрагментации общества и подрыву стратегической сплочённости[224]. В числе ключевых положений: разграничение «cognitive domain» и «human domain», при котором первый трактуется как часть второго, связанный с нейропсихологическими аспектами воздействия; разработка модели когнитивного превосходства как способности к контролю за средой

[222] Claverie B., Prebot B., Buchler N., Du Cluzel F. (eds.). Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance // NATO Collaboration Support Office. – 08.04.2022. – URL: https://hal.science/hal-03635887v1/file/NATO-CSO-CW%202022-03-01%20%28US%29%20Autellet.pdf (Last accessed: 10.05.2024).
[223] Claverie B., Prebot B., Buchler N., Du Cluzel F. (eds.). Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance // NATO Collaboration Support Office. – 08.04.2022. – URL: https://hal.science/hal-03635887v1/file/NATO-CSO-CW%202022-03-01%20%28US%29%20Autellet.pdf (Last accessed: 10.05.2024).
[224] Ibid., P. 95-103.

смыслов, интерпретаций и решений; анализ NBIC-технологий как основы для новых стратегий доминирования в когнитивной плоскости. Таким образом, сборник стал важным этапом доктринализации концепта, закрепив его как междисциплинарный объект политики, стратегии и научного анализа.

Одновременно с этим происходит обновление нормативной базы. В марте 2023 года утверждается доктрина *AJP-10 «Allied Joint Doctrine for Strategic Communications»*[225] – первый нормативный документ НАТО, комплексно закрепляющий стратегические коммуникации как ключевую командную функцию на всех уровнях управления. Она определяет их как интегративный инструмент достижения политико-военных целей через воздействие на восприятие, установки и поведение целевых аудиторий. Когнитивное измерение в AJP-10 рассматривается как центральное поле воздействия во всех формах операций НАТО[226] и один из трёх компонентов информационной среды (наряду с физическим и виртуальным), в которой формируются восприятие, переработка и интерпретация информации[227]. Вводится концепт «StratCom mindset» – понимание, что каждое военное действие является сообщением, направленным на когнитивное восприятие, а когнитивное воздействие на аудиторию становится целью, а не побочным продуктом операции[228]. Доктрина закрепляет необходимость учитывать когнитивное влияние на всех этапах планирования и исполнения операций, что трансформирует само понимание успеха в конфликте от физического подавления противника к управлению его когнитивной и социальной устойчивостью. Таким образом, AJP-10 становится ключевым этапом доктринализации когнитивного домена, интегрируя его в стратегическое и оперативное планирование НАТО.

---

[225] AJP-10. Allied Joint Doctrine for Strategic Communications. Edition A, Version 1 // NATO Standardization Office. UK Change 1. – 2023. – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/6525459d244f8e00138e7343/AJP_10_Strat_Comm_Change_1_web.pdf (Last accessed: 19.04.2025).

[226] AJP-10. Allied Joint Doctrine for Strategic Communications. Edition A, Version 1 // NATO Standardization Office. UK Change 1. – 2023. – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/6525459d244f8e00138e7343/AJP_10_Strat_Comm_Change_1_web.pdf (Last accessed: 19.04.2025).

[227] Ibid., P. 34.

[228] Ibid., P. 44.

США, в свою очередь, в ноябре 2023 года утвердили доктрину *ADP 3-13*[229] – первый документ Армии США, целиком посвящённый информационному измерению боевых действий. Она закрепляет информацию как элемент боевой мощи наряду с огневой мощью, мобильностью, выживаемостью и лидерством[230], а также как ресурс для ведения борьбы и подавления воли противника. Доктрина опирается на упоминаемую ранее когнитивную иерархию (данные → информация → знания → понимание → решение → поведение)[231], подчёркивая роль восприятия, памяти, эмоций и когнитивных искажений в принятии решений. Вводится концепт «информационного преимущества», достигаемого через пять действий (enable, protect, inform, influence, attack) с целью замедления цикла принятия решений противника, усиления неопределённости и подавления его воли к сопротивлению[232]. Отказ от терминов «information operations» и «information superiority» сопровождается переходом к модели «information advantage», охватывающей как информационные, так и ментальные процессы. ADP 3-13, согласованная с союзной доктриной AJP-10, фиксирует институциональный сдвиг: информация становится интегративным фактором для всех доменов и инструментом ментального доминирования и устойчивости в условиях стратегического соперничества.

В 2024 году Альянс представил новый стратегический обзор *«NATO Biotech & Human Enhancement Strategy»*[233], посвящённый потенциалу и рискам применения биотехнологий и технологий расширения человеческих возможностей в оборонной сфере. В документе акцент делается на таких областях, как синтетическая биология, интерфейсы «человек–машина», технологии контроля усталости, а также инструменты повышения когнитивных

---

[229] Army Doctrine Publication (ADP) 3-13: Information // Department of the Army. – 2023. – URL: https://irp.fas.org/doddir/army/adp3-13.pdf (Last accessed: 20.04.2025).
[230] Ibid., P. 17-18.
[231] Ibid., P. 14.
[232] Army Doctrine Publication (ADP) 3-13: Information // Department of the Army. – 2023. – URL: https://irp.fas.org/doddir/army/adp3-13.pdf (Last accessed:: 20.04.2025).
[233] Summary of NATO's Biotechnology and Human Enhancement Technology Strategy // Brussels: North Atlantic Treaty Organization. – 12.04.2024. – URL: https://www.nato.int/cps/ra/natohq/official_texts_224669.htm (Last accessed: 21.04.2025).

возможностей, рассматриваемые как факторы усиления адаптивности вооружённых сил. Особое внимание уделяется развитию когнитивной осведомлённости, ускорению процессов принятия решений и повышению устойчивости оператора за счет использования нейротехнологий и сенсорных интерфейсов. При этом в стратегии подчеркивается, что подобные технологии затрагивают не только физические и интеллектуальные возможности человека, но и его восприятие и способы интерпретации информации. Это, в свою очередь, усиливает значимость человеческого домена и способствует интеграции когнитивного измерения в систему стратегического планирования НАТО.

В феврале 2025 года НАТО также опубликовало документ *«Resilience Reference Curriculum»*[234], подготовленный в рамках Программы повышения качества оборонного образования. Документ служит стратегической образовательной рамкой для формирования когнитивной устойчивости как ключевого элемента национальной и коллективной безопасности, предлагая подходы к разработке курсов и программ, развивающих навыки противодействия гибридным угрозам, кибератакам, психологическим кризисам и когнитивной перегрузке. Центральное место занимает когнитивная устойчивость[235], основанная на критическом мышлении, способности к обучению, интерпретации сигналов, адаптивности и рефлексии. Подчёркивается значение устойчивости к дезинформации, стрессу и неопределённости, а человеческий домен определяется через индивидуальную, организационную и общественную способность противостоять когнитивным и информационным атакам. Документ ориентирован как на военных, так и на гражданских специалистов[236], формируя междисциплинарную основу для интеграции человеческого домена в оборонное планирование.

---

[234] Resilience Reference Curriculum // NATO Defence Education Enhancement Programme. – 21.02.2025. – URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2025/2/pdf/DEEP-resilience-reference-curriculum.pdf (Last accessed: 21.04.2025).

[235] Resilience Reference Curriculum // NATO Defence Education Enhancement Programme. – 21.02.2025. – URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2025/2/pdf/DEEP-resilience-reference-curriculum.pdf (Last accessed: 21.04.2025).

[236] Ibid., P. 4.

Проведённый краткий обзор доктринальных и концептуальных документов НАТО и США за 2000–2025 годы фиксирует поступательную эволюцию когнитивного измерения в западной стратегии. И хотя первоначально информационные операции понимались как воздействие на информационные системы противника, почти одновременно возникла риторика о влиянии на процессы принятия решений, что уже предполагало учёт когнитивного фактора, но все еще без опоры на нейробиологические данные и сложные модели психического функционирования. По мере цифровизации операционной среды акцент смещался от управления потоками информации к воздействию на механизмы восприятия, интерпретации и принятия решений целевых групп. Аналитические исследования, включая работы RAND, выявили ограниченность модели «рационального актора» и значимость эмоционально-детерминированных реакций, что стимулировало изучение когнитивных уязвимостей, внимания, памяти, эмоциональной регуляции и воли как объектов стратегического манипулирования. Дальнейшее закрепление когнитивного измерения как самостоятельного домена происходило по мере интеграции нейронаук, психологии и информационных технологий в военное планирование. В совокупности это отражает переход от инструментального понимания информации как ресурса к концептуализации человеческого мышления и восприятия как ключевого театра стратегических действий. Когнитивный домен из вспомогательного аспекта информационных операций трансформировался в самостоятельное поле, в котором стратегическая цель заключается не столько в передаче сообщений, сколько в управлении когнитивными процессами, определяющими способность акторов к рациональному суждению, принятию решений и поддержанию политической и социальной устойчивости.

§ 1.2. Информационные войны как предтеча когнитивных войн

Теоретико-методологическое осмысление когнитивной войны требует обращения к её концептуальным истокам в анализе информационных войн.

Несмотря на то, что когнитивное противоборство в последние годы всё чаще рассматривается как самостоятельное направление стратегического соперничества, его истоки и категории во многом укоренены в традиции анализа информационных войн[237]. В связи с этим второй параграф главы посвящён информационным войнам, что позволяет определить понятийную преемственность и зафиксировать ключевые различия, обосновывающие выделение когнитивной войны в самостоятельный феномен. Такой подход обеспечивает чёткую исследовательскую рамку и демонстрирует сдвиг от борьбы за контроль над информационными потоками к воздействию на восприятие, интерпретацию и принятие решений.

Сфера манипулирования информацией с военной точки зрения не является новой. Например, подобные методы использовались еще такими великими полководцами древности, как Ксеркс и Александр Великий[238], а первые письменные упоминания об информационных войнах часто относят к трудам китайского стратега Сунь-цзы, жившего в V в. до нашей эры[239]. И хотя факт ведения информационных войн существовал еще с древних времён[240], с развитием современных коммуникационных технологий в течение XX столетия информационные войны принимают всеобъемлющую значимость[241]. В течение прошлого столетия информационное оружие стало важным инструментом, а с 1960–1970-х годов, как видно из предыдущего параграфа, анализ

---

[237] Cluzel F. Du. Cognitive Warfare // NATO Innovation Hub. – 11.2020. – URL: https://innovationhub-act.org/wp-content/uploads/2023/12/20210113_CW-Final-v2-.pdf (Last accessed: 16.07.2023).

[238] Theohary C.A. Information Warfare: Issues for Congress // Congressional Research Service, – 03.05.2018. – URL: https://www.congress.gov/crs-product/R45142 (Last accessed: 18.06.2023).

[239] Каткова Е. Ю. Китайские концепции и возможности в информационной войне: соперничество КНР и США в киберпространстве / Е. Ю. Каткова, А. С. Юнюшкина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. – 2022. – Т. 14, № 2. – С. 197-210.

[240] Губарев А. Б. Информационные войны как объект политологического исследования : дис. … канд. полит. наук : 23.00.02. – Уссурийск, 2005. – 165 с.

[241] Гончаров В. Ю. Концепция информационной войны / В. Ю. Гончаров // Проблемы и перспективы внедрения инновационных телекоммуникационных технологий : Сборник материалов VIII Международной научно-практической очно-заочной конференции, Оренбург, 25 марта 2022 года. – Оренбург: Оренбургский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики", 2022. – С. 365-370.

информационного поля противника стал закрепляться в доктринах ведущих армий мира. Концепция информационной войны сформировалась в США и позднее получила развитие в ряде государств. Несмотря на то, что сегодня проблема информационного противоборства поднимается в стратегической повестке повсеместно, в научной литературе[242] наибольшее внимание уделяется теоретической проработке и институциональному оформлению концепции информационной войны в США, Китае и Российской Федерации, поскольку эти страны демонстрируют устойчивые исследовательские и доктринальные традиции, в рамках которых защита от информационного противостояния рассматривается как ключевой элемент национальной и международной безопасности. С учётом глубины разработанных подходов дальнейший анализ сосредоточен на сравнении американской, китайской и российской моделей информационной войны.

Одним из ключевых этапов становления *американского подхода* к информационной войне стала публикация отчёта Т. Роны «Weapons Systems and Information War»[243] (по заказу корпорации Boeing), где впервые был использован термин «information war». Рона рассматривал главной целью войны не физические объекты, а информационные системы противника, предлагая методы увеличения потока информации в собственной системе, ограничения доступа оппонента к достоверным данным и внедрения фальсифицированных, но правдоподобных сообщений. Эти приёмы сохраняют актуальность и в современных интерпретациях информационных операций.

Как фиксируется в предыдущем параграфе, в начале 1990-х годов в США концепт информационной войны получил официальное закрепление, что стало

---

[242] Например: Гончаров В. Ю. Концепция информационной войны // Проблемы и перспективы внедрения инновационных телекоммуникационных технологий : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конференции, Оренбург, 25 марта 2022 г. – Оренбург : Поволжский гос. ун-т телекоммуникаций и информатики, 2022. – С. 365–370; Губарев А.Б. Информационные войны как объект политологического исследования : дис. … канд. полит. наук : 23.00.02. – Уссурийск, 2005. – 165 с.

[243] Rona T.P. Weapon Systems and Information War // Boeing Aerospace Co. – 01.07.1976. – URL: https://www.esd.whs.mil/Portals/54/Documents/FOID/Reading%20Room/Science_and_Technology/09-F-0070-Weapon-Systems-and-Information-War.pdf (Last accessed: 29.04.2024).

реакцией на опыт операции «Буря в пустыне», продемонстрировавшей эффективность целенаправленного воздействия на информационные системы противника. На доктринальном уровне произошло смещение акцента от узко технического подхода, ориентированного на поражение электронных и коммуникационных систем, к признанию уязвимости самой информации – её содержания, структуры и способов интерпретации. В этот же период в число приоритетных объектов информационного противоборства были включены психологические установки и даже механизмы принятия решений, хотя пока без системного понимания природы, структуры и закономерностей функционирования когнитивных процессов.

Существенный вклад в развитие теоретической базы информационных войн внёс американский аналитик Р. Шафрански[244], сместивший акцент с технологической инфраструктуры на системы знаний и верований целевых групп. В его подходе целью противоборства становятся не только каналы коммуникации, но и ценностно-убежденческая основа, определяющая принятие решений ключевыми субъектами – политическим и военным руководством и другими центрами власти. Параллельно в исследованиях RAND Corporation Дж. Аркилл и Д. Ронфельдт[245] разработали концепцию сетевой войны (netwar), в которой решающим фактором победы является способность оперировать достоверной и своевременной информацией, а не техническое превосходство. Они выделили три взаимосвязанные сферы сетевых конфликтов, которые могут действовать как автономно, так и в сочетании, формируя многомерные стратегии информационного противоборства[246]: военную, нацеленную на нейтрализацию вооружённых сил противника; социальную, предполагающую работу с идеями, мифами и символами как мотиваторами действий; и экономическую, связанную с подрывом критически важной инфраструктуры.

---

[244] Szafranski R. Theory of Information Warfare. Preparing For 2020, USAF // Airpower Journal. – 1995. – URL: https://www.hsdl.org/?view&did=439843 (Last accessed: 02.05.2024).

[245] Arquilla J., Ronfeldt D. Cyberwar is coming // In: In Athena's camp. Preparing for conflict in the information age. – Santa-Monica : RAND, 1997. – 60 p.

[246] Arquilla J. Insurgents, raiders, and bandits. How masters of irregular warfare have shaped our world. – Chicago : Ivan R. Dee, 2011. – 311 p.

Другой исследователь RAND Corporation Мартин Либики в своей работе[247] 1995 года поставил под сомнение идею информационной войны как единого типа противоборства, рассматривая её как совокупность разнородных форм применения информации в конфликте. Он предложил одну из первых типологий, включающую: командно-контрольную (предполагающую физическое воздействие на структуры управления противника), разведывательную (акцентирующуюся на получении и использовании информации для обеспечения оперативного и стратегического превосходства), электронную (осуществляемую посредством радиоэлектронных средств и технологий подавления связи и навигации), психологическую (ориентированную на манипуляцию восприятием и установками целевой аудитории на стороне противника), «хакерскую» (направленную на вмешательство в компьютерные сети и информационные ресурсы противника), экономическую информационную (предполагающую ограничение доступа к критически важной информации для достижения экономических целей) и кибервойну (включающую в себя как разрушение цифровых инфраструктур, так и нарушение информационных потоков в виртуальной среде). Такая классификация позволила представить информационное противоборство как многослойную модель, охватывающую военную, техническую, социальную и экономическую сферы.[248]

В то же время ряд американских военных теоретиков, в частности адмирал ВМС США Стюарт Грин, трактовали[249] информационную войну как самостоятельный тип противоборства с внутренней структурной сложностью. Он выделял пять ключевых компонентов: радиоэлектронную борьбу, направленную на подавление или искажение сигналов связи и навигации; операции в компьютерных сетях, включающие как защиту собственных цифровых

---

[247] Libicki M. C. What is Information Warfare? – Washington, D.C. : Institute for National Strategic Studies, National Defense University, 1995.

[248] Ермикова М. С. Американская школа исследований информационных войн // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2018. – Т. 14, № 1. – С. 117–138.

[249] Green S. A. Cognitive Warfare // Innovation Hub, NATO ACT. – 07.2008. – URL: https://theaugeanstables.com/wp-content/uploads/2014/04/Stuart-Green-LTC-USN-Cognitive-Warfare.pdf (Last accessed: 04.05.2024).

инфраструктур, так и наступательные кибердействия; психологические операции, ориентированные на формирование нужных поведенческих реакций у целевых аудиторий; дезинформационные практики, применяемые для искажения восприятия противником реальной обстановки; и меры оперативной безопасности, обеспечивающие защиту информации от перехвата и несанкционированного доступа. Такой подход отражал многоуровневую природу информационного воздействия и интеграцию технических и гуманитарных средств в единую стратегию.

Тем не менее, современный американский подход к информационным войнам[250] опирается на концепцию информационной среды, включающей физическое, информационное и когнитивное измерения. Если первые два традиционно фокусируются на технических системах управления, инфраструктуре и защите информационных потоков, то когнитивное измерение охватывает сознание тех, кто передаёт, воспринимает и интерпретирует информацию. Задача информационного противоборства формулируется как интегрированное применение информационно-связанных возможностей для влияния, нарушения, искажения или перехвата процессов принятия решений противника при одновременной защите собственных[251]. Несмотря на сохранение технологического ядра концепции, в современных доктринальных интерпретациях усиливается внимание к человеческому фактору – эмоциям, установкам и ценностям, формирующим поведение целевых аудиторий.

В результате в американской парадигме информационная война трактуется как *комплексное, интегрированное применение технических, информационных и когнитивных инструментов, направленных на вмешательство в процессы восприятия и принятия решений противника при одновременной защите*

---

[250] Bingle M. What is Information Warfare? The Henry M. Jackson School of International Studies // University of Washington. – 25.09.2023. – URL: https://jsis.washington.edu/news/what-is-information-warfare/ (Last accessed: 12.08.2025).

[251] Романовский А. Р. Информационная война: понятие, формы, методы (опыт США) / А. Р. Романовский, С. Ф. Свилас // Международные отношения: история, теория, практика : материалы XII научно-практической конференции молодых ученых факультета международных отношений Белорусского государственного университета, Минск, 03 февраля 2022 года. – Минск: Белорусский государственный университет, 2022. – С. 73-78.

собственных систем и ментального пространства. При сохранении технологической доминанты концепция всё более учитывает когнитивный фактор, признавая значимость воздействия на установки, эмоции и ценностные ориентиры целевых групп как неотъемлемого элемента достижения информационного превосходства.

Альтернативное понимание концепции информационных войн демонстрирует *китайский подход*, в котором информационное противоборство трактуется как совокупность действий, направленных на подрыв, разрушение или нейтрализацию информационных систем противника при одновременном обеспечении устойчивости и защиты собственных каналов связи и управления. Эта модель опирается на глубокие исторические корни: уже в трудах Сунь-цзы[252] стратегическая дезинформация рассматривалась как ключевой элемент боевых действий. С древности китайская военная мысль отдавала приоритет манипуляции знаниями, распространению ложной информации и контролю над восприятием, что в современных условиях трансформировалось в высокотехнологичную реализацию этих принципов – через кибероперации, системы слежения, цифровую фильтрацию и комплексные информационные атаки. Такой подход сочетает традиционное стратегическое маскирование с инженерно-технологическими инструментами XXI века, формируя устойчивую и системную модель информационного воздействия.

Новый этап институционального и доктринального развития китайской концепции информационной войны сформировался к концу XX века, после демонстрации США интеграции информационных технологий в вооружённые конфликты[253]. В ответ Китай инициировал масштабную модернизацию вооружённых сил, уделяя особое внимание развитию сетевых структур, созданию специализированных подразделений в сфере информационной безопасности и подготовке кадров, обладающих компетенциями в области информационного

---

[252] Сунь Цзы. Искусство войны. – М.: София, 2010. – С. 56–58.

[253] Каткова Е. Ю., Юнюшкина А.С. Китайские концепции и возможности в информационной войне: соперничество КНР и США в киберпространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. – 2022. – Т. 14, № 2. – С. 197–210.

воздействия и защиты[254]. При это информация стала рассматриваться не только как инструмент внешнеполитического влияния, но и как ключевой фактор обеспечения внутренней стабильности и государственного суверенитета[255]. Соответственно, китайский подход к информационной безопасности отличается высокой степенью контроля над цифровой средой и институционализацией управления внутренними информационными потоками. Это выражается в системной цензуре, применении фильтрационных инструментов, ограничении доступа к зарубежным ресурсам и активном развитии собственной цифровой инфраструктуры[256]. В отличие от западной модели, ориентированной на защиту информационных систем в условиях относительно открытой сети, китайская стратегия опирается на более жёсткое регулирование и превентивное управление рисками. В ее рамках информационная война рассматривается не только как инструмент межгосударственного противоборства, но и как средство внутреннего контроля, направленное на поддержание устойчивости политического режима и укрепление национальной идентичности.

Одним из первых теоретиков китайской концепции информационной войны стал генерал-лейтенант Ван Пуфэн[257], рассматривавший её как новую форму вооружённого конфликта, связанную с переходом к информационному обществу и цифровой трансформацией армии[258]. Он определял её содержание как борьбу за контроль над информационным пространством, включая не только поражение информационных систем, но и влияние на управление, принятие решений и моральное состояние противника. Победа, по его мнению, обеспечивается скоростью обработки данных, сетевыми операциями и интеграцией

---

[254] Adams J. Virtual Defense // Foreign Affairs. – 2001. – Vol. 80, № 3. – P. 98–112.

[255] Military and Security Developments Involving the People's Republic of China / Annual Report to Congress // Office of the Secretary of Defense. – 2023. – URL: https://media.defense.gov/2023/Oct/19/2003323409/-1/-1/1/2023-MILITARY-AND-SECURITY-DEVELOPMENTS-INVOLVING-THE-PEOPLES-REPUBLIC-OF-CHINA.PDF (Last accessed: 02.05.2024).

[256] Евдокимов Е. В. Политика Китая в глобальном информационном пространстве // Международные процессы. – 2011. – Т. 9, № 1 (25). – С. 74–83.

[257] Wang Pufeng. The Challenge of Information Warfare // China Military Science. – 20.06.1995. – URL: https://irp.fas.org/world/china/docs/iw_wang.htm (Last accessed: 05.05.2024).

[258] Wang Pufeng. The Challenge of Information Warfare // China Military Science. – 20.06.1995. – URL: https://irp.fas.org/world/china/docs/iw_mg_wang.htm (Last accessed:: 05.05.2024).

информационных технологий в командно-штабные структуры. Ван Пуфэн рассматривал информационную войну во взаимосвязи с военной, политической, экономической и идеологической сферами, связывая её с обеспечением национальных интересов через достижение доминирования в информационной среде. Его идеи оказали влияние на последующую доктринализацию данной концепции в НОАК и нашли отражение в программах модернизации вооружённых сил КНР.

Развивая данное направление, военный аналитик Шэнь Вэйгуан трактовал[259] информационную войну как комплексную деятельность, включающую военный обман, обеспечение оперативной секретности, а также психологические и электронные операции. Целью такой деятельности являлось разрушение информационных систем противника, ограничение потоков данных и создание ложных сигналов, способных дестабилизировать процессы принятия решений. В дальнейшем, на фоне модернизации вооружённых сил КНР, он расширил данную концепцию[260], включив в нее политическое, экономическое, культурное, научное, социальное и технологическое измерения. Это позволило закрепить понимание информационной войны как формы конфликта, выходящей за пределы традиционного поля боя и предполагающей постоянную борьбу за информационное превосходство. При этом он подчёркивал, что её цели не ограничиваются разрушением инфраструктуры, поскольку важное значение придается дезорганизация механизмов управления на высших уровнях принятия решений.

Эти взгляды были развиты в работах Ван Баоцюня и Ли Фэя[261], предложивших двойную интерпретацию информационной войны: как командно-контрольного воздействия, направленного на парализацию систем управления

---

[259] Shen Weiguang. Focus of Contemporary World Military Revolution–Introduction to Information Warfare // Jiefangjun Bao. – 1995. – November 7. – P. 6.

[260] Troxler M. Chinese Definitions of Information Warfare // Globalaffairs.ch. – URL: https://s55fff780010d8867.jimcontent.com/download/version/1657019207/module/6308991066/name/Chinese_Definitions_of_Information_Warfare.pdf (Last accessed: 28.05.2024).

[261] Wang Baocun, Li Fei. Information Warfare // Chinese Views of Future Warfare / ed. by Michael Pillsbury. – Washington, DC : National Defense University Press, 1997. – P. 328.

противника, и как многоуровневого стратегического противоборства, охватывающего психологическое, сетевое и экономическое измерения. Они рассматривали информационную войну не только как технический, но и как комплексный стратегический феномен, включающий весь спектр национальной мощи. По их мнению, информационное противоборство должно вестись непрерывно – и в мирное, и военное время – и включать манипуляцию восприятием, подрыв инфраструктуры связи, вмешательство в экономические и политические процессы, а также целенаправленное воздействие на морально-психологическое состояние населения. В подтверждение этому подходу теоретик Лян Чжэньсин[262] интерпретировал информационную войну как качественно иной тип конфликта. В его трактовке решающим становится не физическое уничтожение противника, а подрыв его способности к функционированию за счет воздействия на информационные и управленческие системы. В свою очередь, Юань Бангэнь[263] расширял это понимание, рассматривая информационную войну как комплексную стратегию, выходящую за рамки военной сферы.

Концепция «интегрированных электронно-сетевых операций», предложенная генералом Дай Цинмином, стала важным этапом доктринального оформления китайского подхода[264]. Она предполагает согласованное применение киберсредств, радиоэлектронной борьбы и высокоточного огневого воздействия по ключевым элементам информационной инфраструктуры противника. Такой подход позволяет одновременно нарушать каналы связи, дестабилизировать системы управления и снижать технологические преимущества оппонента. Дай Цинмин рассматривает такие операции не как разовые эпизоды, а как часть долговременной стратегии информационного доминирования с упором на

---

[262] Khan M. Understanding Information Warfare and Its Relevance to Pakistan // Chinese Definitions of Information Warfare / ed. by T. Thomas. – Fort Leavenworth, KS : Foreign Military Studies Office, 2007. – P. 139–145.

[263] Troxler M. Chinese Definitions of Information Warfare // Globalaffairs.ch. – URL: https://s55fff780010d8867.jimcontent.com/download/version/1657019207/module/6308991066/name/Chinese_Definitions_of_Information_Warfare.pdf (Last accessed: 28.05.2024).

[264] Лукьянов Ф. А. Перерыв подходит к концу // Россия в глобальной политике. – 22.11.2018. – URL: https://globalaffairs.ru/articles/pereryv-podhodit-k-konczu/ (дата обращения: 27.04.2025).

упреждающий и непрерывный характер атак[265]. Его подход предполагает отказ от линейного понимания поля боя в пользу многомерной модели, где физическое, информационное и киберпространство действуют как единое операционное пространство, требующее координации на всех уровнях – от тактического до стратегического.

Со временем информационное противоборство в Китае стало трактоваться через модель «трёх войн»[266] – совокупность правовых, психологических и медийных инструментов, направленных на контроль информационного пространства, манипуляцию восприятием и подрыв воли противника. Этот подход оставался в рамках классического понимания информационной войны как деятельности по защите собственных и деструкции вражеских информационных систем, каналов и инфраструктур[267]. Однако с момента, когда в КНР возник стратегический интерес к изучению механизмов воздействия на восприятие и волю индивидов, данные задачи не стали механически встраивать в существующую модель информационной войны. Вместо этого они были институционально оформлены в виде отдельной концепции «когнитивной войны», рассматриваемой как самостоятельный тип противоборства с собственными целями, методами и операционным пространством. Таким образом, в китайской доктрине информационная война остаётся информационной войной в традиционном, технологически и медийно ориентированном понимании, тогда как когнитивная война формирует новый, автономный вектор военной стратегии, в отличие от американской практики, где когнитивное измерение интегрировано в эволюционирующую концепцию информационной войны.

Так, китайский подход к информационной войне характеризуется высокой технологизацией и восприятием информации как ключевого ресурса

---

[265] Thomas T. (ed.) Chinese Information Warfare // Foreign Military Studies Office. – 06.2001. – URL: https://www.armyupress.army.mil/Portals/7/Hot%20Spots/Documents/China/Thomas-China-1999.pdf (Last accessed: 06.05.2024).

[266] Kania E. The PLA's Latest Strategic Thinking on the Three Warfares // Jamestown Foundation. – 22.08.2016. – URL: https://jamestown.org/program/the-plas-latest-strategic-thinking-on-the-three-warfares/ (Last accessed: 12.08.2024).

[267] Wang Baochun, Li Fei. Information Warfare // Federation of American Scientists. – 20.06.1995. – URL: https://fas.org/irp/world/china/docs/iw_wang.htm (Last accessed: 02.05.2024).

государственной мощи и инструмента защиты суверенитета. В отличие от американской модели, он предполагает более жёсткий режим информационной безопасности[268], основанный на централизованном контроле и ограничении цифрового пространства, а также не включает в себя задачи когнитивного измерения, передавая их в сферу отдельной концепции – «когнитивной войны». Информационная война в китайской трактовке – это *всестороннее использование технических, психологических и пропагандистских средств для нейтрализации информационных систем противника и обеспечения собственного превосходства.*

Третий подход – *российский* – отличается наибольшей концептуальной насыщенностью и рассматривает информационную войну в широком междисциплинарном контексте[269], в связи с чем в российском дискурсе сложился спектр интерпретаций, различающихся по глубине анализа, тематическому фокусу и степени систематизации понятийного аппарата[270]:

Первое направление в отечественной теоретической мысли по проблематике информационной войны основывается на *психологической* парадигме, согласно которой информационная война трактуется как скрытая форма воздействия на индивидуальное и массовое сознание[271]. Ключевыми инструментами здесь выступают пропаганда, дезинформация и технологии манипуляции, направленные на трансформацию ценностных установок, убеждений и мотивационных структур личности. Психоэмоциональное влияние при этом реализуется латентно и, как правило, не осознаётся объектом воздействия. Методологически данный подход нередко объединяет информационное и психологическое противоборство в единый феномен – «информационно-

---

[268] Евдокимов Е. В. Политика Китая в глобальном информационном пространстве // Международные процессы. – 2011. – Т. 9, № 1 (25). – С. 74–83.

[269] Губарев А. Б. Информационные войны как объект политологического исследования : дис. … канд. полит. наук : 23.00.02. – Уссурийск, 2005. – 165 с.

[270] Киреева О. С. Подходы к определению информационной войны // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика. – 2019. – № 12. – С. 57-60.

[271] Кунакова Л. Н. Информационная война как объект научного анализа (понятие и основные характеристики информационной войны) // Сайт Издательства Грамота. – 2012. – URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1993-5552_2012_6_30.pdf (дата обращения: 06.05.2024).

психологическую войну», понимаемую как совокупность целенаправленных акций и операций в мирное и военное время, на стратегическом и тактическом уровнях, охватывающих как информационное, так и духовное пространство[272]. Среди авторов, чьи исследования легли в основу данного направления, можно выделить В.А. Лисичкина[273], Д.А. Волкогонова[274], Н.И. Живейнова[275], А.Г. Караяни[276] и других. Значительный вклад внес Г.Г. Почепцов[277], предложивший интегративную модель, связывающую информационное противоборство с концепцией Public Relations как формой «несанкционированной работы в чужом информационном пространстве». Объектом воздействия в этой модели выступает массовое сознание как носитель целевых установок. Отдельная группа авторов, включая В.Г. Крысько[278], В.В. Киселёва[279] и др., рассматривает психологические войны как самостоятельный тип конфликтов, не сводимый к информационному контексту, с акцентом на влияние на эмоции, ценности и поведенческие модели индивидов в рамках многоуровневого воздействия современных конфликтов.

Представители *второго теоретико-методологического направления* интерпретируют информационную войну сквозь призму *социально-коммуникативного подхода,* которая рассматривает информацию как фактор, который может трансформироваться из вербально-семиотической формы в реальные действия, нередко имеющие необратимые последствия для обществ и государств. При этом воздействие направляется не только на отдельного

---

[272] Караяни А. Г. Теория и практика психологической войны. Организация и проведение информационных операций // Официальный сайт библиотеки “Psyfactor”. – URL: http://psyfactor.org/lib/psywar30.htm (дата обращения: 06.05.2024).

[273] Лисичкин В. А., Шелепин Л.А. Третья мировая (информационно - психологическая) война. – Москва : Эксмо : Алгоритм, 2003. – 445 с.

[274] Волкогонов Д. А. Психологическая война. – М. : Политиздат, 1984. – 320 с.

[275] Живейнов Н. И. Операция «PW»: «психологическая война» американских империалистов. – М. : Изд-во МГУ, 1996. – 282 с.

[276] Караяни А. Г. Теория и практика психологической войны. Организация и проведение информационных операций // Официальный сайт библиотеки “Psyfactor”. – URL: http://psyfactor.org/lib/psywar30.htm (дата обращения: 06.05.2024).

[277] Почепцов Г. Г. Информационные войны. – М. : Рефл-Бук, 2000. – 147 с.

[278] Крысько В. Г. Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт) / под общ. ред. А. Е. Тараса. – Минск : Харвест, 1999. – 488 с.

[279] Киселев В. В. Психологическая подготовка сотрудников государственной организации в целях обеспечения антикоррупционного поведения: монография. – М. : ИМЦ, 2015. – 283 с.

индивида, но и на широкие социальные группы, через модификацию их когнитивных установок и моделей поведения. При этом допускается и применение элементов психологического влияния, однако они не являются определяющими. К числу исследователей, развивающих социально-коммуникативный подход, относятся М.Ю. Павлютенкова[280], В.С. Пирумов и М.А. Родионов[281], Д.А. Швец[282] и другие.

Третье направление в трактовке информационной войны опирается на *геополитическую парадигму*, в рамках которой информационная война осмысливается как форма межгосударственного противоборства, направленного на достижение внешнеполитических целей посредством применения планомерного воздействия на инфокоммуникационную систему противника с целью формирования благоприятной глобальной информационной среды и установления контроля над пространством, включая использование инструментов информационно-дипломатического давления. Развитие данного подхода стало возможным в условиях глобализации, изменившей характер международных отношений и создавшей новые возможности для опосредованного влияния на политическую, экономическую и военную сферы противника. Смысл стратегии заключается в том, что манипуляции в информационном пространстве позволяют субъекту международных отношений выстраивать выгодный для себя баланс сил, нарушая управленческую устойчивость оппонента. Представителями этого направления являются И. Н. Панарин[283], И. А. Михальченко[284], А. Б. Губарев[285], А. М. Соколова[286], Д. Б. Фролов[287] и др., которые подчёркивают тесную связь между

---

[280] Павлютенкова М. Ю. Информационная война: реальная угроза или современный миф? // Власть. – 2001. – № 12. – С. 19–23.

[281] Пирумов В. С., Родионов М. А. Некоторые аспекты информационной борьбы в военных конфликтах // Военная мысль. – 1997. – № 5. – С. 44–47.

[282] Швец Д. А. Информационное управление как технология обеспечения информационной безопасности // Массовая коммуникация и массовое сознание. – М., 2003. – 34 с.

[283] Панарин И. Н. Информационная война и Третий Рим. – М. : Баярд, 2003. – 239 с.

[284] Михальченко И. А. Информационные войны на рубеже XXI века // Безопасность информационных технологий. – 1998. – № 3. – С. 14–15.

[285] Губарев А. Б. Информационные войны как объект политологического исследования : автореф. дис. … канд. полит. наук. – Уссурийск, 2005. – 165 с.

[286] Соколова А.М. Информационные войны в условиях глобализации: социально-философский анализ : автореф. дисс. … канд. филос. наук. – Красноярск, 2007. – 174 с.

информационным и психологическим воздействием, допуская возможность их интеграции в рамках единой стратегической парадигмы.

Четвёртое направление, основанное на *конфликтологическом подходе*, рассматривает информационную войну как форму политико-военного противоборства, использующую средства информационного и психологического воздействия для достижения контроля над политическим руководством на стороне соперника. В данной концепции информационная война включает широкий спектр инструментов: от дипломатического давления, пропагандистских и психологических операций до кибервоздействий, таких как проникновение в информационные сети и базы данных противника. Особое внимание уделяется также подрывной деятельности в политической и культурной сферах, а также поддержке оппозиционных движений посредством цифровых коммуникационных платформ. В итоге информационная война предстает как системная форма борьбы, в которой информационно-психологические операции выполняют стратегическую функцию и становятся неотъемлемой частью инструментов государственного управления. Представителями данного подхода выступают Д.Г. Балуев[288], А.В. Манойло[289], Ю. Королёв[290] и другие исследователи.

Пятым направлением является *системный подход*, интерпретирующий информационное противоборство как многоуровневую, вероятностно организованную систему с взаимосвязанными компонентами. Наиболее ярко он

---

[287] Фролов Д. Б. Информационное противоборство в сфере геополитических отношений : автореф. дис. … д-ра полит. наук. – М., 2006. – 426 с.

[288] Балуев Д. Г. Новые информационные технологии и современные международные отношения / М-во общ. и проф. образования РФ, Нижегор. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, ист. фак., каф. политологии. – Н. Новгород, 1998. – 44 с.

[289] Манойло А. В. эволюция информационных операций // Вестник Московского государственного областного университета. – 2021. – № 4. – С. 80-103; Манойло А. В. Информационная война и новая политическая реальность // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. – 2021. – № 2. – С. 15-39; Евстафьев Д. Г. Информационное воздействие в гибридных войнах: новые возможности и кризис пропаганды / Д. Г. Евстафьев, А. В. Манойло // Дипломатическая служба. – 2021. – № 4. – С. 318-331; Манойло, А. В. Гибридные войны: опыт России, США и Китая // Информационная аналитика и информационно-аналитические технологии в контексте социального управления. – Москва : Экон-информ, 2025. – С. 33-45.

[290] Королев Ю. А. Информационное противоборство в региональной политике как угроза безопасности // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. – 2009. – Т. 9, вып. 3. – С. 125.

представлен в теории «информационных самообучающихся систем» С. П. Расторгуева[291], где информационная война понимается как целенаправленное взаимодействие информационных систем – открытое или скрытое – с целью распространения дезинформации или разрушения информационной структуры противника. Ключевая цель при этом заключается в установлении доминирования, прежде всего в политико-идеологической и духовной сферах, что может сопровождаться нанесением «культурного удара», подрывающего основы идентичности и целостности общества. Сторонники системного подхода, такие как С. Н. Бухарин и В. В. Цыганов[292], подчёркивают необходимость рассматривать информационное противоборство как нелинейный, адаптивный и устойчивый к внешним воздействиям процесс.

Несмотря на методологическое разнообразие, большинство отечественных концепций с самого начала сходится в том, что целевым объектом информационного противоборства выступает не только инфраструктура передачи и обработки данных, но и сам человек – его мировоззрение, эмоциональное состояние и модели поведения. В центре внимания оказывается не только техническая или организационная сторона противоборства, но и изменение смыслов, ценностей и норм, происходящее через воздействие на когнитивную и эмоциональную сферу индивидов и социальных групп. Это придаёт российскому теоретическому дискурсу выраженный антропоцентрический характер, отличающий его от многих зарубежных подходов. Как подчёркивают исследователи[293], в этой связи в отечественной традиции широкое распространение получил термин «информационно-психологическая война», обозначающий целенаправленное воздействие на ценностно-смысловую сферу личности посредством информационных технологий, психологических методов и

---

[291] Расторгуев С. П. Информационная война. – М.: Логос, 1998. – 222 с.

[292] Бухарин С. Н., Цыганов В. В. Информационные войны в бизнесе и политике. – М.: Алгоритм, 2007. – 336 с.

[293] Например: Петренко А. И., Манойло А. В. Информационное противоборство и государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны // Право и политика. – 2003. – № 9. – С. 110–125; Почепцов Г. Г. Информационно-психологическая война. – М. : Синтег, 2000. – 180 с.

пропаганды. В такой трактовке информационное противоборство в России понимается как *инструмент воздействия на общественное сознание, применяемый на всех уровнях – от массовой аудитории до политических элит, – с целью изменения установок и убеждений посредством комплекса информационно-психологических мер*.

Возвращаясь к сравнительному анализу трех подходов к информационной войне – российского, американского и китайского, – можно увидеть, что «при сохранении общей направленности на использование информации как средства стратегического воздействия, указанные подходы различаются по ключевым параметрам»[294]:

1. Прежде всего, различия касаются *объекта* информационного противоборства. В российской парадигме в качестве такового изначально выступает психо-информационное поле индивида, включая его сознание, устойчивые представления, ценностные ориентации и поведенческие установки. Американский подход изначально сосредотачивался на воздействии на информационные системы, потоки данных и процессы принятия решений в структурах противника, однако со временем эволюционировал, интегрировав в свою архитектуру еще и когнитивное измерение, сблизившись тем самым с отечественным подходом. В китайской модели, напротив, объектом информационного противоборства всегда выступали преимущественно технические компоненты (информационные системы и каналы связи) без учета поведенческих аспектов человеческого восприятия. Таким образом, российская модель акцентирует внимание на трудноформализуемых параметрах, отражающих внутреннее состояние личности и её ценностно-мировоззренческие ориентиры, тогда как китайская доктрина сосредоточена преимущественно на материально-технических компонентах. Американский же подход можно рассматривать как гибридную конструкцию, сочетающую черты обеих этих моделей.

---

[294] Дегтярева Е. Б. Когнитивные и информационные войны в концептуальных координатах политической науки // Сравнительная политика. – 2026. – Том 16, №3.

2. *Задачи* информационной войны также различаются. В российской концепции основная задача заключается в воздействии на информационно-психологическую сферу личности, что предполагает трансформацию её устойчивых убеждений и ценностей. Американская модель сосредоточена на управлении информационными потоками, манипулировании процессами принятия решений и достижении контроля над информационной средой противника. Китайский подход, в свою очередь, нацелен на деструкцию инфраструктуры информационного обмена и выведение из строя систем управления противника.

3. *Методы и инструменты* ведения информационных войн имеют схожий характер, но варьируются по акцентам. Российский подход фокусируется на использовании дезинформации, пропаганде, психологических операциях и других средствах информационно-психологического влияния. Американская модель включает в себя использование электронных технологий, манипулирование объемами и качеством информации, пропаганду. Китайская – прямые атаки по информационным системам противника, шпионаж, а также распространение деструктивной информации в интернет-пространстве, включая спам-кампании.

4. Представления об *ожидаемом результате/целях* информационного противоборства различаются. В российской модели он заключается в изменении ценностно-смысловой сферы личности, включая трансформацию установок, убеждений и ориентаций индивида в отношении определённого феномена или явления с целью последующего получения превосходства в разных значимых сферах государственной жизни. Американская стратегия ориентирована на подрыв способности к принятию эффективных решений с целью достижения информационного превосходства над противником. В китайском варианте конечная цель – парализация инфраструктуры управления и подрыв оперативных возможностей противника с целью получения превосходства над ним.

Для систематизации выявленных различий и общих черт в трактовке информационной войны в рамках американского, китайского и российского

подходов, диссертантом проведён сравнительный анализ, результаты которого представлены в таблице ниже (табл. 1):

Таблица 1 – Сравнительный анализ американского, китайского и отечественного подходов к пониманию информационных войн

Информационная война			
подход	**американский**	**китайский**	**российский**
объект	информационные потоки и системы противника, процессы принятия решений	информационные системы противника, каналы связи и инфраструктура	сознание и психо-информационное поле индивида, устойчивые установки, ценностные ориентации
задачи	контроль за потоками информации противника, управление процессами принятия решений	разрушение или нейтрализация информационных систем соперника, парализация управления	трансформация установок, убеждений и ценностных ориентаций объекта
инструменты/ методы	кибертехнологии, манипуляция информацией, информационные кампании, пропаганда	кибератаки, шпионаж, радиоэлектронная борьба, деструктивный контент	предоставление ложной информации, пропаганда, информационно-психологические операции
цели/ ожидаемый результат	подрыв способности к принятию эффективных решений ради стратегического контроля	подрыв систем управления и оперативных возможностей противника	создание альтернативной картины реальности с целью фрагментации общества, подрыва доверия к институтам и размывания моральных и смысловых оснований

Источник: составлено автором

Сравнительный анализ показывает, что национальные подходы к трактовке информационной войны различаются в содержательных акцентах, однако выделяются общие черты, формирующие ядро универсального понимания информационного противоборства в современных конфликтах. Так, все подходы едины в признании главного признака информационной войны – стратегического манипулирования информацией в поле противника, включая искажение,

блокировку, перенаправление и навязывание смыслов, что отличает её от других типов конфликтов. Во всех трёх подходах также признаётся допустимость психологических операций как инструмента информационной войны, предполагающих воздействие на восприятие, поведение и убеждения противника посредством информации. Наконец, конечная цель информационной войны, независимо от школы, заключается в достижении стратегического превосходства. Однако содержание этого превосходства интерпретируется по-разному: в российской модели – как трансформация системы убеждений и ориентаций индивида; в американской – как контроль над процессами принятия решений и информационными потоками; в китайской – как нейтрализация и разрушение информационно-технической инфраструктуры противника.

В обобщённом виде информационную войну можно определить как комплекс «стратегических действий, направленных на воздействие на информационные системы и средства коммуникации, процессы принятия решений и (в ряде случаев) психоэмоциональную среду противника с целью достижения информационного превосходства с помощью работы с информацией, средств пропаганды и психологических операций»[295], что отвечает ключевым элементам трёх национальных моделей.

Таким образом, поскольку акценты в трёх национальных подходах к информационной войне расставлены по-разному, то и когнитивная война в их контексте воспринимается и трактуется неоднозначно. Тем не менее, несмотря на отсутствие устоявшейся теоретической рамки, в военно-аналитической практике уже выделяются её отличия от информационного противоборства. Формализация этих различий и определение уникальных характеристик когнитивной войны станут предметом следующего параграфа.

[295] Дегтярева Е. Б. Когнитивные и информационные войны в концептуальных координатах политической науки // Сравнительная политика. – 2026. – Том 16, №3.

§ 1.3. Когнитивные войны: становление феномена и концепта

Конец XX–начало XXI веков ознаменовались стремительным технологическим прогрессом и повсеместной цифровизацией, на фоне которой стал усиливаться рост прикладного интереса к нейронаукам – междисциплинарному направлению, ориентированному на изучение функционирования мозга и психофизиологических основ поведения, а «в 2000-х годах на пересечении когнитивных наук и политологии возникло новое направление – нейрополитика (neuropolitics), предметом изучения которой стали взаимосвязи между политическим поведением и происходящими в мозге процессами»[296]. Нейронауки предоставляют теоретико-методологическую базу для изучения механизмов восприятия, внимания, памяти, принятия решений и поведения, а также открывают перспективы для практической реализации методов воздействия на когнитивные процессы индивида. В рамках настоящего исследования нейронаука рассматривается как ключевой эпистемологический ресурс, позволяющий глубже понять фундаментальные механизмы обработки информации человеческим мозгом, а также как инструмент, обеспечивающий разработку технологий влияния на когнитивные и поведенческие установки личности[297].

Внимание к данной теме усилилось с появлением и развитием концепции когнитивной войны, активно продвигаемой в экспертной и стратегической среде стран НАТО. С 2017 года, а особенно в 2020–2021 годах, она стала предметом систематической проработки и была закреплена в ряде доктринальных и аналитических документов альянса. Термин «cognitive warfare» официально

---

[296] Дегтярева Е. Б. Интеграция когнитивных наук в политическую сферу: от исследований к прогнозированию и управлению политическим поведением в цифровую эпоху / Гаман-Голутвина О.В., Дегтярева Е. Б. // Философские науки. – 2025. – Том 68, №1. – С. 55-78.

[297] Lawson L., Spivak S., Webber H. et al. Alterations in brain activity induced by transcranial magnetic stimulation and their relation to decision making // Biology (Basel). – 2023. – Vol. 12(11). – Art. 1366.

вошёл в международный стратегический и академический дискурс в 2020 году[298] благодаря работе Инновационного центра НАТО (NATO Innovation Hub) при Командовании по трансформации (NATO Allied Command Transformation, Норфолк, США). В основе концепта – переосмысление стратегических коммуникаций и информационных операций с опорой на достижения нейронаук, углубляющих понимание процессов мышления, восприятия и принятия решений, а также разработки методов воздействия на когнитивные структуры индивидов[299].

Согласно выводам докладов Информационного центра НАТО, в условиях стремительного роста объёмов информации, ускорения коммуникаций и цифровой зависимости человеческий мозг испытывает постоянное давление, что приводит к информационной перегрузке[300]. Она снижает концентрацию, ослабляет критическое восприятие сигналов и подрывает способность к рациональным решениям, формируя риск когнитивного истощения, при котором ресурсы мозга оказываются неспособными справляться с объёмами поступающей информации. В этих условиях сознание рассматривается как ключевая арена современных конфликтов, а воздействие на когнитивные функции становится стратегической целью[301]. Это обусловливает переход от традиционного информационного противоборства к более комплексному феномену – когнитивной войне, что обусловливает появление новой исследовательской и военно-политической парадигмы в ряде западных стран, прежде всего в структурах Альянса. В связи с этим предлагается систематизировать два подхода к её пониманию: зарубежный, основанный на разработках НАТО, и отечественный.

---

[298] Cluzel F. Du. Cognitive Warfare // NATO Innovation Hub. – 11.2020. – URL: https://innovationhub-act.org/wp-content/uploads/2023/12/20210113_CW-Final-v2-.pdf (Last accessed: 16.07.2023).

[299] Cognition Workshop Report // NATO Innovation Hub. – 03.06.2021. – URL: https://innovationhub-act.org/wp-content/uploads/2023/12/210601-Cognition-Workshop-Report-v3.pdf (Last accessed: 12.05.2024).

[300] Cluzel F. Du. Cognitive Warfare // NATO Innovation Hub. – 11.2020. – URL: https://innovationhub-act.org/wp-content/uploads/2023/12/20210113_CW-Final-v2-.pdf (Last accessed: 16.07.2023).

[301] Countering cognitive warfare: awareness and resilience // NATO Review. – 20.05.2021. – URL: https://www.nato.int/docu/review/articles/2021/05/20/countering-cognitive-warfare-awareness-and-resilience/index.html (Last accessed: 12.05.2024).

В *зарубежном научном дискурсе* когнитивная война рассматривается как перспективное направление эволюции современных конфликтов, позволяющее изменять их характер без применения традиционных вооружений, а за счёт целенаправленного вмешательства в когнитивные процессы противника[302]. Хотя её цели частично совпадают с задачами информационных войн (например, изменение восприятия индивидов), ключевое отличие заключается в применении механизмов, выходящих за рамки информационно-психологических инструментов. В частности, речь идёт о технологиях нейробиологического воздействия, включая нейромодуляцию (в том числе с применением электромагнитных импульсов), нейроинтерфейсы и иные технические средства. Эти инструменты способны оказывать прямое или опосредованное влияние на нейрофизиологические процессы, лежащие в основе познавательной деятельности человека, воздействуя «на когнитивную сложность обработки информации, что повышает риски уязвимого положения индивидов к влиянию внешних установок»[303].

При этом, несмотря на растущий интерес к когнитивному противоборству, вопрос о его статусе как самостоятельной формы конфликтного взаимодействия остаётся открытым. Критики указывают на то[304], что когнитивная война тесно интегрирована в другие домены стратегического противоборства и потому не обладает достаточной степенью автономности, позволяющей признать её самостоятельной формой войны. Наряду с этим, в академической и экспертной среде все активнее обсуждается этическая сторона данной проблематики,

---

[302] Cluzel F. Du. Cognitive Warfare // NATO Innovation Hub. – 11.2020. – URL: https://innovationhub-act.org/wp-content/uploads/2023/12/20210113_CW-Final-v2-.pdf (Last accessed: 16.07.2023).

[303] Дегтярева Е. Б. Информационная безопасность в эпоху когнитивных войн: совершенствование правового регулирования // Актуальные вопросы обеспечения национальной безопасности: материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 13 дек. 2024 г. – СПб.: СПб. академия СК РФ, 2025. – С. 105–109.

[304] Hofstetter P., Janssen F. There is no need for a cognitive domain // The Defence Horizon Journal. – 02.11.2023. – URL: https://tdhj.org/blog/post/no-need-cognitive-domain/ (Last accessed: 26.04.2025).

связанная с допустимостью внешнего воздействия на когнитивные процессы личности без её информированного согласия[305].

Несмотря на это, проблематика когнитивного противоборства и управления когнитивными функциями приобретает всё большую значимость в контексте трансформации механизмов обеспечения безопасности и стратегических коммуникаций. Указанная тенденция находит отражение как в фундаментальных исследованиях, так и в прикладных инициативах: так, в рамках американского оборонного проекта DARPA «Neurotechnology for Intelligence Analysts»[306] изучались возможности повышения эффективности обработки больших массивов данных путём стимуляции когнитивной активности аналитиков посредством применения нейротехнологий, в то время как в 2025 году структурами НАТО была презентована концептуальная модель под названием «Cognitive Resilience Framework»[307], в которой когнитивная устойчивость трактуется как способность индивидов сохранять критическое мышление и противостоять манипулятивным воздействиям в условиях информационного перенасыщения. Получается, несмотря на существующую критику и неопределённость в отношении институционального статуса когнитивной войны, наблюдается устойчивая динамика её концептуализации в военно-стратегических, прикладных и научных дискурсах. «Развитие технологий нейровоздействия, стремительное усложнение информационной среды и возрастающая роль когнитивных механизмов в стратегических конфликтах свидетельствуют о том, что когнитивное воздействие имеет все предпосылки для дальнейшего теоретического оформления и

[305] Miller S. Cognitive warfare: an ethical analysis // Ethics and Information Technology. – 2023. – Vol. 25. – P. 46.
[306] Neurotechnology for Intelligence Analysts (NIA) // Defense Advanced Research Projects Agency. – 2010. – URL: https://www.darpa.mil/program/neurotechnology-for-intelligence-analysts (Last accessed: 27.04.2025).
[307] Resilience Reference Curriculum // NATO Defence Education Enhancement Programme. – 21.02.2025. – URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2025/2/pdf/DEEP-resilience-reference-curriculum.pdf (Last accessed: 26.04.2025).

институционализации»[308], что подтверждает перспективность дальнейшей теоретической разработки когнитивного домена.

В рамках *российского подхода* когнитивная война также ориентирована на воздействие на сознание индивида и его когнитивные способности. Однако отечественная научная традиция, прежде всего, характеризуется многообразием понятийного аппарата, включающего ряд схожих по содержанию терминов: «ментальная война»[309], «консциентальная война»[310], «война смыслов»[311] и другие. Общим объектом воздействия этих концепций выступает сознание, преимущественно в его социокультурной или ценностно-смысловой проекции, при этом особое значение придаётся таким институциональным механизмам, как образование и историческая память, которые играют ключевую роль в воспроизводстве базовых ценностей. Учитывая наличие устойчивых теоретических разработок в области информационного и ментального противоборства, артикуляция когнитивной войны как самостоятельного типа конфликтного взаимодействия в российской научной среде сопряжена с определёнными методологическими трудностями.

Еще одним смежным термином в отечественной науке является понятие «рефлексивное управление», под которым понимается «процесс, в котором один

---

[308] Дегтярева Е. Б. Когнитивные и информационные войны в концептуальных координатах политической науки // Сравнительная политика. – 2026. – Том 16, №3.

[309] Ильницкий А. М. Ментальная война России // Военная мысль. – 2021. – № 8. – С. 19-33; Макаров В. А. Ментальная и когнитивная войны: вопросы определения, цели и средства // Геополитика. 2022. – 12.11.2022. – URL: https://www.geopolitika.ru/article/mentalnaya-i-kognitivnaya-voyny-voprosy-opredeleniya-celi-i-sredstva (дата обращения: 24.05.2024).

[310] Например: Мусиец П. В. Консциентальная война с позиций социально-философского анализа // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2023. – С. 533–536; Комлева Н.А. Консциентальная война: глобальные тренды глобального противоборства // Пространство и Время. – 2015. – № 3. – С. 15–23.

[311] Например: Черных В. В. Разрушение устоев государства через подмену смыслов и фальсификацию ценностей // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2021. – № 37. – С. 19–26; Кочетков В. В. Война и мир ценностей во внешней политике России // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2012. – № 3. – С. 97–101; Пискун А. В. Проблема смысла в эпоху информационных войн // Известия Московского государственного технического университета МАМИ. – 2010. – № 2. – С. 211–214; Неменский О. Б. Вторая холодная война как ценностный конфликт // Вопросы национализма. – 2018. – № 1. – С. 26–40.

из противников передаёт другому основания для принятия решений»[312], или «рефлексивный контроль», идея которого появилась благодаря возникновению информационных и сетевых технологий совместно с достижениями психологии в области изучения человеческого поведения и контроля за мотивацией людей. Первоначально ориентированная на управляемое влияние на поведение больших социальных групп, концепция рефлексивного контроля в российской научной мысли эволюционировала в более широкую теоретическую модель, в которой акцент смещается на контроль за восприятием и интерпретацией действительности со стороны субъекта. Однако, несмотря на значительный потенциал данной концепции, она представляется более релевантной в качестве инструмента или технологического элемента в рамках когнитивного противоборства, нежели как обоснование когнитивной войны как самостоятельного феномена.

Тем не менее, в последние годы в отечественной среде, как и в зарубежной, прослеживается растущий интерес к уточнению понятийных рамок когнитивной войны и проведение дифференциации рассматриваемого концепта от смежных понятий. Некоторые отечественные исследователи акцентируют внимание на различии в объектах воздействия[313]: так, информационная война преимущественно ориентирована на психоинформационное поле индивидов, ментальная – на ценностно-идеологическую сферу, а когнитивная – на психофизическое пространство человека[314], включая память (как обобщение данных опыта), осмысление (понимание смысла) и формирование идеи деятельности. Инструментарий когнитивных войн при этом интегрирует

---

[312] Томас Т. Л. Рефлексивное управление в России: теория и военные приложения // Рефлексивные процессы и управление. – 2002. – Т. 2, № 1. – С. 71–89.

[313] Макаров В. А. Ментальная и когнитивная войны: вопросы определения, цели и средства // Геополитика. 2022. – 12.11.2022. – URL: https://www.geopolitika.ru/article/mentalnaya-i-kognitivnaya-voyny-voprosy-opredeleniya-celi-i-sredstva (дата обращения: 24.05.2024).

[314] Медушевский А. Н. Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования (часть 1) // Вопросы теоретической экономики. – 2023. – № 2(19). – С. 85–98.

достижения из области нейронаук[315], технологий социальной инженерии[316], а также нейропсихологические и нейрофизиологические методы влияния[317], которые выходят за пределы традиционных информационных операций. Цели и задачи информационной, ментальной и когнитивной войн заключаются соответственно в изменении установок, убеждений и ценностных ориентаций индивида; разрушении его культурно-смыслового кода, исторической памяти и идентичности; а также в формировании и трансформации когнитивных моделей с внедрением заданных паттернов мышления. Также понятия можно разграничить по объёму[318]: информационная война рассматривается как узкая категория, связанная с контролем информационных потоков и искажением содержания сообщений; ментальная – как наиболее широкая, охватывающая борьбу за идентичность, мировоззрение и ценностную систему; когнитивная – как промежуточная, ориентированная на влияние на эмоциональное состояние, восприятие и когнитивные модели целевых аудиторий. В этой логике, по А.М. Ильницкому, им соответствуют три уровня современной войны: тактический (информационные), оперативный (когнитивные) и стратегический (ментальные).

В результате можно отметить, что информационные, ментальные и когнитивные войны в отечественной традиции представляют собой самостоятельные формы стратегического воздействия с уникальными предметными полями и методологией. Несмотря на частичное пересечение, их смешение некорректно, а иерархия по сложности или приоритету невозможна, поскольку каждая выполняет собственные задачи и использует разные механизмы влияния на сознание.

«Несмотря на то что *зарубежный* и *российский* подходы к пониманию когнитивных войн формировались в различных научных и стратегических

---

[315] McDermott R. New directions for experimental work in international relations // International Studies Quarterly. – 2011. – Vol. 55, No. 2. – P. 503–520.

[316] Пономарева Е. Г. Когнитивная война: цели и технологии // Dzen.ru. – 02.03.2024. – URL: https://dzen.ru/a/ZeMnMRGQgSPtz5Xs.

[317] Aguilar F., Galluccio M. Psychological processes in international negotiations: theoretical and practical perspectives. – Springer Science, 2008. – 171 p.

[318] Ильницкий А.М. Стратегия ментальной безопасности России // Военная мысль. – 2022. – № 4. – С. 24–35.

традициях, их содержательные различия нельзя назвать радикальными»[319]. Соответственно, можно выделить ряд признаков, характеризующих когнитивную войну как особую форму стратегического воздействия в современных конфликтах.

Во-первых, и в российском, и в зарубежном подходах *объектом* целенаправленного воздействия признаётся когнитивная сфера индивида, включая процессы восприятия, мышления, памяти, осмысления и принятия решений. При этом в российской научной традиции, сформированной под влиянием ранее разработанных теорий ментальной и консциентальной войн, акцент делается на трансформации глубинных смысловых и ценностных оснований сознания, что задаёт антропологическую перспективу анализа. Западная традиция, напротив, преимущественно использует биологический и нейрофизиологический подходы, сосредотачиваясь на механизмах сенсорной обработки, памяти и когнитивной фильтрации.

Во-вторых, *задачи* когнитивной войны в обоих подходах также демонстрируют схожесть и заключаются в подрыве когнитивной устойчивости общества. Это достигается через деструкцию способности индивидов к целостному и критическому осмыслению информации, что включает фрагментацию внимания, поверхностное суждение, ускоренное забывание и нарушение когнитивной координации. То есть речь идёт о физиологическом подрыве ментальной целостности в условиях информационной перегрузки.

В-третьих, как отечественные, так и зарубежные исследователи подчеркивают комплексный характер *методов и инструментов* когнитивной войны, среди которых технологии информационного воздействия, психологические манипуляции, методы нейросетевого управления вниманием, нейромодуляция и другие нейротехнологии, позволяющие напрямую или опосредованно вмешиваться в когнитивную архитектуру индивидов.

---

[319] Дегтярева Е. Б. Когнитивные и информационные войны в концептуальных координатах политической науки // Сравнительная политика. – 2026. – Том 16, №3.

В-четвёртых, *ожидаемый результат* когнитивной войны в обеих концептуальных традициях определяется как снижение способности к критическому анализу для стратегической дестабилизации общества. Особенность когнитивной войны заключается не только в трансформации содержания мыслей, но и в модификации самих процессов мышления, что придаёт данному феномену статус нового инструмента воздействия на коллективное сознание.

Дополнительным аспектом, дифференцирующим подходы, является степень их концептуализации: в российской научной среде когнитивная война по-прежнему рассматривается как производная от информационно-психологических операций, тогда как на Западе уже наблюдается стремление к её доктринализации как самостоятельного домена конфликтного взаимодействия.

С учётом изложенного *когнитивная война* может быть определена как *форма нематериального стратегического противоборства субъектов, в рамках которого осуществляется системное когнитивное воздействие на интерпретационные структуры и нейрокогнитивные процессы противника с целью подрыва его когнитивной целостности, автономии и устойчивости. Она предполагает трансформацию когнитивного базиса, выражающуюся в изменении познавательных способностей и объёма памяти, управлении вниманием, снижении качества принятия решений и модификации восприятия окружающей реальности.*

Таким образом, проведённое теоретическое рассмотрение когнитивной войны, её задач, объектов воздействия, используемых методов, ожидаемых результатов и целей, наряду с ранее выполненным анализом концепта информационной войны, позволяет перейти к их содержательному сопоставлению в следующем параграфе.

§ 1.4. Когнитивные и информационные войны в компаративной оптике

С середины XX века, когда оформилась концепция информационных войн, до первой четверти XXI века, ознаменованной появлением идеи когнитивной войны, стратегический подход к влиянию на массовое сознание претерпел существенную трансформацию под влиянием развития коммуникационных технологий, нейронаук и прикладной психологии: если информационная война ориентирована на манипуляцию информационными потоками и процессами принятия решений, то когнитивная смещает фокус на механизмы восприятия и интерпретации информации. Достижения в когнитивных и нейронауках обеспечили научную основу для более точных и персонализированных методов такого воздействия, предоставив «уникальные инструменты для изучения человеческого поведения в политическом контексте»[320].

Особую роль в данном сдвиге сыграло стремительное развитие технологий нейровизуализации и методов сбора нейроповеденческих данных. К ним относятся, в частности, функциональная магнитно-резонансная томография (фМРТ), электроэнцефалография (ЭЭГ), а также аналитические инструменты, основанные на обработке больших данных. Использование этих технологий позволило исследователям существенно продвинуться в понимании когнитивных паттернов, влияющих на процессы принятия политических решений и формирование общественного мнения[321]. Отдельного внимания заслуживает айтрекинг – технология, фиксирующая направление и длительность взгляда, а также последовательность его перемещений. Это дает возможность реконструировать процессы визуального восприятия и позволяет определить, какие элементы информационного сообщения привлекают наибольшее внимание и, следовательно, обладают наибольшим потенциалом когнитивного

---

[320] Дегтярева Е. Б. Интеграция когнитивных наук в политическую сферу: от исследований к прогнозированию и управлению политическим поведением в цифровую эпоху / Гаман-Голутвина О. В., Дегтярева Е. Б. // Философские науки. – 2025. – Том 68, №1. – С. 55-78.

[321] Adolphs R. The social brain: neural basis of social knowledge // Annual Review of Psychology. – 2009. – Vol. 60. – P. 693–716.

воздействия[322]. Помимо прочего, современные изменения в глобальной политической среде, в том числе связанные с цифровизацией, способствовали формированию новых методологических подходов к изучению механизмов принятия решений. При этом ключевой акцент смещается на анализ когнитивных и нейрофизиологических факторов, оказывающих влияние на эмоциональные реакции и политические ориентации населения[323]. Кроме того, интеграция нейронаук в политическую науку и конфликтологию «открывает перспективы для прогнозирования поведения социальных групп, разработки управленческих стратегий и понимания неврологических процессов, связанных с поведением лидера и реакцией его последователей»[324].

Тем не менее, несмотря на появление новых методов и расширение сфер применения, информационные и когнитивные войны продолжают существовать в тесном симбиозе. Многие инструменты когнитивного противоборства используют те же каналы и среды, что и информационные операции, а границы между ними зачастую оказываются размытыми. Более того, общепринятого определения термина «когнитивная война» в научной среде до сих пор нет, что затрудняет формирование единой исследовательской рамки и работу с соответствующей терминологией[325]. В этой связи особую значимость приобретает сравнительный анализ когнитивных и информационных войн, позволяющий выявить их методологические и понятийные различия, а также специфику целей, средств и механизмов воздействия. Уже сегодня в публицистике и научной литературе выделяются два основных подхода к соотношению этих концепций:

---

[322] Огнев А. С. Инструменты современной когнитивистики как средства эффективного изучения политического менталитета // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2025. – № 2. – С. 64–74.

[323] Kaplan J.T., Freedman J., Iacoboni M. Us versus them: Political attitudes and party affiliation influence neural response to faces of presidential candidates // Neuropsychologia. – 2007. – Vol. 45, № 1. – P. 55–64.

[324] Дегтярева Е. Б. Интеграция когнитивных наук в политическую сферу: от исследований к прогнозированию и управлению политическим поведением в цифровую эпоху / Гаман-Голутвина О. В., Дегтярева Е. Б. // Философские науки. – 2025. – Том 68, №1. – С. 55-78.

[325] Reczkowski R., Lis A. Cognitive Warfare: what is our actual knowledge and how to build state resilience? // Security Theory and Practice. – 2022. – No. 3. – P. 51–61.

С позиций первого подхода когнитивная война рассматривается как автономный тип неклассического противоборства, эволюционно вырастающий из стратегий информационных войн. Представители этого направления (А.Н. Медушевский[326], А. Ильницкий[327], Е.Б. Макаров[328], Б. Клаверье и Франсуа де Клюзель[329] и др.) связывают переход к когнитивной форме с технологическим прогрессом, который дополнил классические пропагандистские инструменты[330] нейропсихологическими и нейрофизиологическими методами[331] воздействия на эмоциональное состояние, восприятие и принятие решений. В этой логике информационная война служит базой и ресурсной платформой для когнитивной, обеспечивая подготовку и сопровождение более глубоких манипуляций с когнитивными структурами.

Сторонники второго подхода трактуют когнитивную войну не как самостоятельную форму, а как инструмент в арсенале информационной войны. Согласно данной точке зрения[332], информационная война сохраняет доминирующее значение, а когнитивные технологии выступают специализированной стратегией управления сознанием через воздействие на когнитивные процессы. Такой подход объясняет, почему информационная война продолжает существовать даже при развитии более сложных методов влияния:

---

[326] Медушевский А.Н. Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования (часть 1) // Вопросы теоретической экономики. – 2023. – № 2(19). – С. 85–98.

[327] Ильницкий А. М. Стратегия ментальной безопасности России // Военная мысль. – 2022. – № 4. – С. 24–35.

[328] Макаров В. А. Ментальная и когнитивная войны: вопросы определения, цели и средства // Геополитика. 2022. – 12.11.2022. – URL: https://dzen.ru/media/id/5f54f367fdbd8b69779a4b6d/mentalnaia-i-kognitivnaia-voiny-voprosy-opredeleniia-celi-i-sredstva-635818ed5cdf754045543dd1 (дата обращения: 02.02.2025).

[329] Claverie B., du Cluzel F. The Cognitive Warfare Concept // NATO Innovation Hub. – 2022. – URL: https://innovationhub-act.org/wp-content/uploads/2023/12/CW-article-Claverie-du-Cluzel-final_0.pdf (Last accessed: 2.02.2025).

[330] Кихтан, В. В. Информационная война: понятие, содержание и основные формы проявления / В. В. Кихтан, З. Н. Качмазова // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2018. – Т. 2, № 2. – С. 228-235.

[331] Амирханова Р. М., Тагирова К. М., Нажмутдинова С. А. Нейромаркетинг как новая наука о поведении потребителя // Вестник Академии знаний. – 2019. – № 35 (6). – С. 44–47.

[332] Информационно-психологическая и когнитивная безопасность: коллективная монография / под ред. И. Ф. Кефели, Р. М. Юсупова. – СПб.: ИД «Петрополис», 2017. – 300 с.

ключевая цель остаётся прежней – контроль над информационным полем, продвижение выгодных нарративов и подавление альтернативных точек зрения.

Тем не менее, методологически некорректно сводить когнитивную войну исключительно к инструментарию информационного противоборства. На современном этапе развития теоретических представлений и практических стратегий воздействия она обладает достаточной содержательной насыщенностью, что позволяет рассматривать её как самостоятельную аналитическую категорию. В этой связи требуется уточнение её положения в иерархии понятий, описывающих современные формы конфликтного взаимодействия. Для этого в исследовании используется модель «лестницы абстракций» Дж. Сартори[333], позволяющая последовательно типологизировать различные формы войны.

В работе «Concept Misformation in Comparative Politics»[334] Дж. Сартори критикует избыточное расширение понятий, подчеркивая необходимость строгой логической структуры при их формировании. Ключевым инструментом, предложенным им для решения этой задачи, является «лестница абстракций», основанная на разграничении интенсиональных и экстенсиональных характеристик. Интенсиональность отражает совокупность внутренних признаков, определяющих уникальность концепта, тогда как экстенсиональность указывает на круг эмпирических случаев, к которым данный концепт применим. Между этими характеристиками существует обратная зависимость: расширение экстенсии неизбежно ведёт к сокращению числа признаков, и наоборот. В рамках данного исследования в качестве интенсиональных признаков понятий «информационная война» и «когнитивная война» ранее были выделены объект воздействия, задачи, инструментарий и целевые результаты. Такой подход позволяет избежать логических подмен и выстроить иерархию понятий, опирающуюся на чёткие методологические критерии.

---

[333] Sartori G., Riggs F.W., Teune H. Tower of Babel: On the Definition and Analysis of Concepts in the Social Sciences. Pittsburgh: International Studies Association, 1975. – 91 p.

[334] Sartori G. Concept Misformation in Comparative Politics // The American Political Science Review. – 1970. – Vol. 64, No. 4. – P. 1033–1053.

Возвращаясь к построению «лестницы абстракций» как инструмента типологизации форм неклассического противоборства, на её верхнем уровне целесообразно разместить универсальный концепт «война» – предельную форму конфликта, при которой один субъект стремится принудить другого к выполнению своей воли с использованием любых средств[335], вооружённых или невооружённых. Это максимально широкое по охвату, но минимально насыщенное по содержанию понятие, обладающее высокой экстенсиональностью и низкой интенсиональностью. На следующем уровне находится концепт «невооружённая война», охватывающий формы противоборства, исключающие физическое уничтожение и прямое применение вооружённой силы[336]. Он характеризуется большей интенсиональной насыщенностью за счёт включения признаков опосредованного воздействия, манипуляции сознанием, использования медиа, цифровых технологий и психоэмоциональных триггеров, что при этом сужает его экстенсиональность по сравнению с базовым понятием «война». На нижнем уровне «лестницы абстракций» располагаются частные формы невооруженной войны – когнитивная и информационная, обладающие наибольшей интенсиональной насыщенностью благодаря наличию специфических признаков, позволяющих их чётко разграничить. Для наглядного представления иерархической структуры данных концептов в работе приведён авторский рисунок, демонстрирующий применение методологии Дж. Сартори к типологии информационной и когнитивной войн (рис. 1):

Рисунок 1 – Лестница абстракции в рамках компаративного анализа объемов содержания понятий когнитивной и информационной войн по Дж. Сартори

Источник: составлено автором

[335] Клаузевиц К. О войне. – М.: Госвоениздат, 1934. – 608 с.

[336] Стригунов К. С. Особенности современных неклассических войн: формы, методы, технологии: дис. ... канд. полит. наук. – Москва, 2023. – 285 с.

Использование «лестницы абстракций» позволяет показать, что когнитивная и информационная войны находятся на одном уровне концептуальной сложности и не являются иерархически подчинёнными (например, когнитивная война не является более значимой или насыщенной). Обе представляют собой самостоятельные формы воздействия с общей природой неклассического конфликта, но с различными предметными полями, задачами, механизмами и целями. Это обосновывает необходимость их сравнительного анализа, опирающегося не на оценку приоритетности или эффективности, а на выявление содержательных различий. Переход от понятийного разграничения к анализу структурных характеристик позволяет определить специфику механизмов, направлений применения и целей каждой формы. Далее представлены ключевые параметры, по которым когнитивная и информационная войны различаются и не могут быть сведены друг к другу.

Так, *объектом* в информационной войне выступают как инфраструктурные элементы информационных систем и коммуникационные потоки, так и процессы принятия решений. В этом контексте внимание сосредоточено преимущественно на контроле над содержанием поступающих информационных потоков и манипулировании восприятием уже доступной информации. В это время когнитивная война фокусируется непосредственно на когнитивных функциях индивида, таких как память, внимание, мышление и способность к осмыслению информации. И хотя оба концепта частично пересекаются в сфере воздействия на сознание, их предметные области принципиально различаются: информационная война оперирует в рамках психо-информационного пространства и отношения индивида к окружающей реальности (то, *что* думает индивид), тогда как когнитивная война воздействует на психофизические механизмы и на способ конструирования картины окружающего мира индивидом (то, *как* он думает).

Задачей информационной войны является установление информационного превосходства, воздействие на процессы выработки решений, трансформация системы знаний противника посредством контроля потоков данных, а также

изменение убеждений и мировоззренческих установок оппонента при сохранении его нейрокогнитивных функций. Когнитивная же война с самого начала нацелена на изменение когнитивного базиса личности, способов мышления, восприятия и интерпретации окружающей действительности, что позволяет не только влиять на принимаемые решения, но и перестраивать сам механизм их формирования[337]. Результатом становится постепенное ослабление критического мышления, способности к рефлексии и осознанному сопротивлению, что значительно повышает внушаемость и готовность принимать навязанные установки и модели поведения, причём в большей степени, чем в условиях классического информационного противоборства.

Инструментальный арсенал в обеих формах противоборства пересекается, но имеет отличия. Для информационной войны характерно использование информационных, технических и психологических средств, включая пропаганду и селекцию данных. В случае когнитивной войны этот набор дополняется инструментами нейробиологического вмешательства: от создания условий информационной перегрузки и применения приёмов социальной инженерии до технологий, напрямую влияющих на психофизиологические процессы человека.

Ожидаемый результат/ цель информационных войн заключается в нарушении работы коммуникационных сетей, ослаблении качества и скорости принятия решений, а также в создании альтернативной информационной реальности. В контексте когнитивной войны целью становится изменение базовых когнитивных паттернов индивидов, что ведёт к корректировке их поведения и общественных установок в интересах субъекта воздействия, создавая предпосылки для подрыва легитимности властных структур и дестабилизации социально-политической обстановки.

Для наглядного представления выявленных различий и упрощения их восприятия подготовлена сводная таблица, в которой отражены ключевые параметры сравнения когнитивной и информационной войн (табл. 2):

---

[337] Медушевский А. Н. Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования (часть 1) // Вопросы теоретической экономики. – 2023. – № 2(19). – С. 85–98.

Таблица 2 – Сравнительный анализ информационных и когнитивных войн

	Информационная война	**Когнитивная война**
объект	информационные системы, коммуникационные потоки и процессы принятия решений	когнитивные функции индивида: память, мышление, способность к осмыслению информации
задачи	контроль над потоками данных и нарушение процессов принятия решений противника с сохранением его нейро-когнитивных способностей	изменение способов мышления и восприятия реальности, подталкивание индивидов на стороне соперника к саморазрушению когнитивных способностей с тем, чтобы сделать их неспособными к сопротивлению и уклонению
инструменты/методы	информационные, технические, психологические техники, пропаганда	информационные, технические, психологические техники, пропаганда + нейробиологические инструменты
цель/результат	достижение информационного превосходства, дезорганизация коммуникационных систем, снижение эффективности процессов принятия решений, получение стратегического преимущества	достижение когнитивного превосходства, трансформация базовых когнитивных паттернов индивидов, приводящая к изменению их поведения и общественных установок в интересах субъекта воздействия ради дальнейшего подрыва легитимности правительств и дестабилизации общества

Источник: составлено автором

Проведённый анализ позволяет выделить и общие черты, характерные для обеих форм неклассического противоборства: так, информационные и когнитивные войны не предполагают физического уничтожения противника, опираются на информацию как ключевой ресурс и инструмент воздействия, а также активно используют цифровые и сетевые технологии для влияния на сознание. В ряде случаев границы между ними оказываются размытыми: это связано с их функциональной взаимодополняемостью и возникающим синергетическим эффектом, способным усиливать глубину и длительность воздействия. Оба типа стратегий ориентированы на достижение долгосрочных

политико-стратегических целей, включая подрыв институциональной легитимности, изменение общественных настроений и перераспределение власти.

При этом, несмотря на растущую доктринализацию, концепт когнитивной войны пока не получил закрепления в качестве полностью автономной и нормативно оформленной формы военных действий. Ряд исследований указывают на её «преемственность с практиками информационных и информационно-психологических войн, являясь либо их модификацией, либо новым уровнем воздействия в рамках уже существующих нематериальных методов борьбы»[338]. В этом контексте когнитивная война рассматривается как эволюция информационных стратегий, расширенная за счет новых возможностей, связанных с прогрессом в нейронауках, когнитивной психологии и цифровых технологиях. В отличие от традиционных информационных операций, она ориентирована на изменение базовых когнитивных процессов – восприятия, внимания, памяти и принятия решений. Это придает ей более сложный характер и позволяет рассматривать её технологически более развитую форму нематериального противоборства.

***

Таким образом, в первой главе были сформированы теоретические и методологические основания анализа когнитивной войны как самостоятельного феномена современных форм конфликтного взаимодействия.

- Обзор стратегических документов США и НАТО (1990–2024 гг.) продемонстрировал поступательную доктринализацию когнитивного измерения в рамках западной военной мысли и позволил выявить поэтапную эволюцию представлений о характере информационного и когнитивного противоборства. Показано, что первоначально информационные операции рассматривались преимущественно в технико-инфраструктурной логике: как воздействие на системы управления, связи и передачи данных. Вместе с тем уже в документах 1990-х годов фиксируется интерес к процессам принятия решений и управлению

[338] Дегтярева Е. Б. Когнитивные и информационные войны в концептуальных координатах политической науки // Сравнительная политика. – 2026. – Том 16, №3.

восприятием. В дальнейшем, по мере цифровизации информационной среды и усложнения медиапространства, акцент последовательно смещается от контроля информационных потоков к воздействию на процессы интерпретации, осмысления и принятия решений, а затем – к осмыслению когнитивного пространства как самостоятельного операционного измерения. В результате когнитивное измерение закрепляется в стратегическом дискурсе как значимый фактор обеспечения военного и политического превосходства, что находит отражение в документах НАТО и США последнего десятилетия, где объектом воздействия прямо обозначаются восприятие, воля, когнитивная устойчивость и способность субъектов к рациональному суждению.

- Сравнительный анализ американской, китайской и российской научных и доктринальных традиций в области информационных войн позволил содержательно очертить понятийные рамки информационного противоборства как более ранней формы невооружённого воздействия. Установлено, что при общей ориентации на достижение стратегического превосходства через манипуляцию информацией данные подходы различаются по объекту, задачам и приоритетам воздействия. Американская традиция эволюционировала от воздействия на информационные системы и управленческие контуры к включению когнитивного измерения в архитектуру информационных операций. Китайский подход сохраняет преимущественно технико-инфраструктурную направленность, сосредотачиваясь на разрушении и защите информационных систем и каналов связи противника при одновременной защите собственного цифрового суверенитета, при этом когнитивные задачи концептуально выводятся в отдельный домен. Российская традиция изначально характеризуется выраженным антропоцентрическим акцентом, в рамках которого объектом информационного противоборства выступает психо-информационное поле личности, её установки и ценностно-смысловые ориентации. Тем самым во второй части главы показано, что информационная война в различных национальных традициях формируется как комплексное, но неоднородное понятие, внутри которого человеческий фактор получает различный

теоретический статус, что принципиально важно для последующего разграничения информационной и когнитивной войны.

- Анализ трактовок когнитивной войны в зарубежной и отечественной традициях позволил выявить содержательные признаки концепта и показать основания его притязания на автономность. Установлено, что, несмотря на терминологическую неустойчивость, в большинстве подходов когнитивная война описывает воздействие не на «содержание сообщений» как таковое, а на когнитивную архитектуру субъекта: внимание, память, эмоциональную регуляцию, механизмы осмысления и принятия решений. При этом западный дискурс (в логике НАТО) концентрируется на когнитивном домене как операционном пространстве и связывает его с цифровой средой, когнитивными уязвимостями и технологическими средствами усиления/подавления когнитивных функций. Российский дискурс демонстрирует пересечение с категориями ментальной/консциентальной войны и войны смыслов, где акцент делается на ценностно-смысловой проекции сознания и институциональных механизмах (образование, историческая память). В результате обосновано, что когнитивная война представляет собой междисциплинарный феномен, который однозначно включает информационные и психологические инструменты, но не исчерпывается ими: её специфика заключается в ориентации на трансформацию когнитивных моделей, вплоть до опосредованного использования нейротехнологий и алгоритмического управления вниманием.
- Применение методологии «лестницы абстракций» Дж. Сартори обеспечило корректное понятийное разведение когнитивной и информационной войн и позволило обосновать их несводимость как аналитических категорий. Показано, что оба концепта относятся к одному уровню абстракции в рамках поля невооружённого противоборства и не находятся в отношении иерархического подчинения. Их различия зафиксированы по ключевым параметрам: объекту воздействия, задачам, инструментарию и ожидаемым результатам. Информационная война ориентирована на воздействие на информационные системы, коммуникационные потоки и процессы принятия решений и

предполагает контроль над потоками данных и нарушение механизмов выработки решений противника при сохранении его нейро-когнитивных способностей; в качестве инструментов используются информационные, технические и психологические техники, включая пропаганду, а целевым результатом выступает достижение информационного превосходства, дезорганизация коммуникационных систем, снижение эффективности процессов принятия решений и получение стратегического преимущества. Когнитивная война, напротив, направлена на воздействие на когнитивные функции индивида – память, мышление и способность к осмыслению информации – и нацелена на изменение способов мышления и восприятия реальности, включая подталкивание индивидов на стороне соперника к саморазрушению когнитивных способностей с целью лишения их способности к сопротивлению и уклонению. Инструментарий когнитивной войны включает информационные, технические и психологические методы и пропаганду, дополненные нейробиологическими инструментами. Ожидаемым результатом когнитивной войны является достижение когнитивного превосходства и трансформация базовых когнитивных паттернов индивидов, приводящая к изменению их поведения и общественных установок в интересах субъекта воздействия, включая подрыв легитимности правительств и дестабилизацию общества. Тем самым использование методологии Дж. Сартори позволило избежать концептуального размывания и создать теоретическую основу для дальнейшего сравнительного и эмпирического анализа когнитивной войны.

Выводы главы формируют основу для дальнейшего теоретического и эмпирического изучения когнитивной войны в условиях цифровой эпохи.

ГЛАВА 2. БАЗОВЫЕ ПАРАМЕТРЫ КОГНИТИВНЫХ ВОЙН: ЗАДАЧИ, ЦЕЛИ, ИНСТРУМЕНТЫ, ТЕХНОЛОГИИ, МЕХАНИЗМ ДЕЙСТВИЯ

На основе предварительного анализа существующих смежных концептов в первой главе данной диссертации и проделанной работы о разграничении концепций информационно-психологических и когнитивных войн представляется возможным осуществление главной цели второй главы – создание концептуально-теоретической рамки феномена когнитивной войны и введение концепции когнитивной войны в научно-академическую среду. Для этого автором предлагается следующий процедурный порядок в рамках второй главы:

- Выявление нейробиологических оснований когнитивного воздействия для осуществления последующего определения механизма когнитивной войны (параграф 1);
- Выявление *задач* и *целей* когнитивной войны как дополнительных атрибутов концепта на основе создания многослойной структуры концепта с помощью процедуры многоуровневой концептуализации Г. Гёрца (параграф 2);
- Выявление *инструментов* и *технологий* когнитивной войны как дополнительных атрибутов концепта на основе создания многослойной структуры концепта с помощью процедуры многоуровневой концептуализации Г. Гёрца (параграф 3);
- Выявления *ключевого механизма* когнитивной войны как ядра концепта на основе создания многослойной структуры концепта с помощью процедуры многоуровневой концептуализации Г. Гёрца (параграф 4);

***

Следующим этапом после определения теоретических оснований, проведения сравнительного анализа и типологического разведения ключевых понятий становится формирование многослойной структуры концепта. В данной

работе диссертант опирается на позиции[339], согласно которым концепт является сложной многоуровневой структурой, которую, между тем, вполне реально зафиксировать: ряд исследователей[340], изучающих вопросы концептуализации знаний, утверждают, что структура концепта может быть представлена в виде пространственно-динамической модели. Например, Н.Н. Болдырев[341] уподобляет структуру концепта снежному кому, который увеличивается за счёт новых слоёв, отражающих накопление характеристик и расширение содержания. По И.А. Стернину[342], концепт подобен плоду: косточка символизирует чувственный образ, а мякоть – концептуальные признаки. В любой концепции базовый слой включает чувственный образ, функционирующий как элемент универсального предметного кода, через который концепт кодируется для мыслительных операций, а в более сложных концептах дополнительные признаки формируют дополнительные слои, усиливая первоначальное значение и расширяя объем концепта. З.Д. Попова[343] предлагает полевую модель, где ядро содержит наиболее яркие и конкретные образы, а периферия – более абстрактные признаки, при этом их значимость не зависит от степени абстрактности.

Гэри Гёрц (Gary Goertz, род. 1950) – американский политолог, специалист в области методологии политической науки и теории концептуализации, профессор Университета Нотр-Дам (University of Notre Dame, США), – предложил[344] наиболее систематизированную методику формирования многослойного концепта. Её основа – иерархическая структура, в которой каждый новый уровень абстракции уточняет и развивает базовые характеристики. В центре находится ядро – фундаментальные свойства, определяющие суть концепта, к которому

---

[339] Подвигина Н. Б. Понятие концепта и концептосферы // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – № 3(3). – С. 97-105.

[340] См. ниже.

[341] Болдырев Н. Н. Коммуникативно-когнитивный потенциал слова и его текстовая реализация // Вестник НГУ. Серия: История, философия. – 2012. – С. 51–55.

[342] Стернин И. А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 58–65.

[343] Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Истоки, 2001. – 191 с.

[344] Goertz G. Social Science Concepts: A User's Guide. – Princeton: Princeton University Press, 2006. – 296 p.

добавляются более специфические признаки и атрибуты, обеспечивающие как аналитическую точность, так и гибкость в различных контекстах. Применение подхода Г. Гёрца к изучению когнитивных войн позволяет построить многослойную модель, где на первом этапе анализируются фундаментальные характеристики, частично выявленные в первой главе, а на втором – добавляются специфические атрибуты: инструменты, технологии воздействия, уникальные цели и задачи. Такой подход обеспечивает концептуальную ясность и междисциплинарную применимость. Третьим этапом подхода ученого является создание слоя, который обеспечивает эмпирические проявления абстрактных свойств ядра, в результате чего концепт становится пригодным для операционализации. В работе Гёрца анализируются различные концепты из политологии и социологии, включая «революцию», «социальное государство», «международные споры». Особый интерес в контексте данного исследования представляет предложенный им разбор концепта «война», который может быть адаптирован для формирования концептуально-теоретической рамки когнитивной войны. Структура анализа концепта «война» по Гёрцу представлена в таблице ниже (табл. 3):

Таблица 3 – Структура анализа концепта по Г. Гёрцу на примере концепта «война»

Структура анализа концепта по Г. Гёрцу	
Базовый уровень (ядро концепта)	На этом уровне формируется минимальное определение явления, отражающее его сущностные характеристики. Например, базовым определением для «войны», с точки зрения Г. Гёрца, может быть следующее: «организованный вооружённый конфликт между политическими образованиями» (например, государствами или организованными группами).
Дополнительные атрибуты	К базовому определению добавляются характеристики, которые делают концепт более специфичным, то есть расширяют его. Для концепта «война» Г. Гёрц включает такие пункты, как «причины конфликта» (территориальные споры, идеология), «способы/методы ведения конфликта» (традиционные или гибридные) и «масштаб» (локальный, глобальный), его продолжительность и другие.
Операционализация	Концепт адаптируется для дальнейшего эмпирического анализа. Для концепта «война» в качестве примера Г. Гёрц выделяет количественное определение, например, минимальное число жертв или продолжительность конфликта, чтобы отличать войну от других форм насилия. Например, в оперативных определениях может

	указываться минимальное число смертей, связанных с боевыми действиями, или учитываться такие критерии, как территориальные изменения или смена режима.

Источник: составлено автором

В рамках исследования предлагается применить модель Г. Гёрца к концепту когнитивной войны.

§ 2.1. Нейрофизиологические основания когнитивного воздействия

Первичный анализ, проведённый в предыдущем параграфе, служит основой для выявления уникального механизма когнитивной войны и ее атрибутов. За точку отсчёта берётся авторское определение:

Когнитивная война – это форма нематериального стратегического противоборства субъектов, в рамках которого осуществляется системное когнитивное воздействие на интерпретационные структуры и нейрокогнитивные процессы противника с целью подрыва его когнитивной целостности, автономии и устойчивости. Она предполагает трансформацию когнитивного базиса индивида, выражающуюся в изменении познавательных способностей и объёма памяти, управлении вниманием, снижении качества принятия решений и модификации восприятия окружающей реальности.

Соответственно, выделяются следующие ключевые характеристики данного определения:

- воздействие на когнитивные функции индивидов (способ восприятия окружающей действительности, мышление, память, внимание и принятие решений);
- использование нейро- и когнитивных методов;
- системное, целенаправленное воздействие.

Получается, ядро концепта (механизм действия явления) связано с функциональной природой явления – изменением паттернов мышления и моделей поведения через трансформацию когнитивных процессов. Для точной идентификации механизма когнитивного воздействия на данном этапе

необходимо также определить его целевую направленность, поскольку задачи определяют логику работы любого механизма.

Как было выявлено в предыдущей главе, одной из ключевых стратегических целей современных войн – как открытых вооружённых, так и скрытых неклассических – является получение преимущества путём трансформации мировоззрения индивидов и внедрения им новых смыслов, что нередко выражается в «подавлении воли»[345]. Это подтверждается одним из основных пунктов стратегии ведения войны, где война определяется как акт силы, направленный на принуждение противника к подчинению[346]. Концепция «подавления воли» прослеживается во всех формах конфликтов, отражая эволюцию методов противоборства. Однако, прежде чем перейти к её дальнейшему теоретическому анализу, необходимо уточнить содержание категории «воля» и определить исследовательскую перспективу её изучения.

Воля, как феномен, занимает особое положение в гуманитарных науках, выступая не только предметом философского рефлексирования, но и важнейшим элементом социального, политического и педагогического дискурса. В Античности она не рассматривалась как самостоятельная категория, а человеческие действия объяснялись влиянием стихий, богов или универсальных начал[347] (апейрон у Анаксимандра, логос у Гераклита, атомы у Демокрита). В классической греческой философии (Сократ, Платон, Аристотель) формируется понимание воли как способности разумной души к целенаправленному действию[348], а в стоицизме (Эпиктет, Сенека) – как внутренней свободы и подчинения разуму[349]. Христианская мысль (Августин, Фома Аквинский) придаёт воле онтологическое и моральное значение, связывая её с даром свободного

---

[345] Ксенофонтов В. А. Управление волей человека как цель и важнейший принцип ведения войны // Труды БГТУ. Сер. 6: История, философия. – 2020. – № 2(239). – С. 104–110.
[346] Clausewitz C. von. On War. – Princeton, NJ : Princeton University Press, 1989. – 752 p.
[347] Смирнова О. Ю. Основные философско-исторические этапы в изучении воли / О. Ю. Смирнова // Философские науки. – 2018. – № 1. – С. 108–120.
[348] Лега В. П. История западной философии. Ч. 1. Античность. Средневековье. Возрождение: учеб. пособие. – 2-е изд., доп. и перераб. – М. : Издательство ПСТГУ, 2009. – 452 с.
[349] О счастливой жизни: Марк Аврелий, Луций Анней Сенека, Эпиктет / пер. с лат. и др.-греч.; сост. В. Алексеев, Н. Х. Керасиди, М. М. Позднев. – М. : Азбука, 2024. – 864 с.

выбора и способностью к добродетельной жизни[350]. В Новое время Декарт определяет волю как независимое суждение, а Кант – как основу автономии личности и морального закона[351]. В XIX веке А. Шопенгауэр трактует её как иррациональное первичное начало бытия, тогда как Ф. Ницше – как «волю к власти» и движущую силу культуры. В XX веке феноменология и экзистенциализм (Гуссерль, Сартр) рассматривают волю как акт свободы и выбора[352], а аналитическая философия исследует её через связь с намерением, решением и действием.

Другой призмой к рассмотрению категории воли является политологическая, где воля трактуется как способность политического субъекта к целеполаганию, выбору и действию в условиях структурных ограничений. В классических теориях политического действия (М. Вебер, Г. Алмонд, С. Верба) она выступает ключевым ресурсом субъектности, обеспечивающим осмысленное участие в политике[353]. У Вебера воля выражается через субъективный смысл действия (verstehen) и способность действовать, несмотря на внешние ограничения[354]. В «The Civic Culture» Алмонд и Верба определяют её как основу политической культуры и намеренного участия, отличающую активных граждан от пассивных[355]. А в современных теориях делиберативной демократии (Ю. Хабермас, Дж. Коэн) воля закрепляется за индивидом как основание рационального выбора и участия в дискурсивном взаимодействии[356]. Таким образом, она рассматривается как фундаментальная когнитивная способность, обеспечивающая политическое самоопределение.

---

[350] Gilbert N.W. The Concept of Will in Early Latium Philosophy // Journal of the History of Philosophy. – 1963. – Vol. 1, No. 1. – P. 17–35.

[351] Смирнова О. Ю. Основные философско-исторические этапы в изучении воли // Философские науки. – 2018. – № 1. – С. 108–120.

[352] Там же.

[353] Жовтун Д. Т. Политическая воля в государственном управлении // Социология власти. – 2012. – № 2. – С. 20–29.

[354] Weber M. Understanding and the Charge of Subjectivism // Forum for Inter-American Research. – 2020. – Vol. 13, Issue 3. – P. 35–45.

[355] Almond G. A., & Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. – Princeton, NJ : Princeton University Press, 1963. – 574 p.

[356] Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. 1: Reason and the Rationalization of Society. – Beacon Press, 1985. – 512 p.

Ещё одной призмой к пониманию категории воли является социологическая перспектива, где воля понимается как элемент процессов детерминации, агентности и социального взаимодействия. Э. Дюркгейм связывал формирование воли с процессами социализации, в ходе которых индивид усваивает нормы, ценности и роли, воспроизводимые институтами[357]. В этом смысле проявление воли оказывается продуктом институциональных ожиданий и символических систем. Т. Парсонс рассматривал волю через концепцию «сочленённого действия», предполагающую, что выбор индивида опирается на культурные ценности, социальные структуры, личную мотивацию и нормативные рамки[358]. Э. Гидденс, развивая теорию структурации, ввел идею «практической рефлексивности», в рамках которой индивид, осознавая социальный контекст, корректирует собственные волевые стратегии, одновременно воспроизводя и трансформируя институциональные основания социальной жизни[359].

Таким образом, разнообразие подходов к интерпретации воли в философии, политологии и социологии позволяет рассматривать её как ключевой элемент человеческой субъектности и политического действия. Однако в рамках этих дисциплин воля, как правило, сохраняет неизмеримый характер, что ограничивает возможности её прикладного анализа в условиях современных форм конфликтного воздействия. Для целей данной работы важно выйти за рамки гуманитарной традиции и перейти к рассмотрению воли через нейронаучный подход, который позволяет соотнести её с конкретными когнитивными и нейрофизиологическими процессами. Такой переход требует предварительного обращения к историческим и стратегическим контекстам, в которых воля осмыслялась как конкретная цель подавления.

Так, в классической войне это достигалось физическим принуждением, разрушением инфраструктуры и дезорганизацией управления, что соответствует

---

[357] Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Заключение // Социологическое обозрение. – 2018. – Т. 17, № 2. – С. 122-154.
[358] Parsons T. The Social System – Routledge, 2005. – 448 p.
[359] Chatterjee I., Kunwar J., den Hond F. Anthony Giddens and structuration theory // Management, Organizations and Contemporary Social Theory / Eds. S. Clegg, M. Pina e Cunha. – Routledge, 2019. – P. 60–79.

концепции К. фон Клаузевица о войне как продолжении политики[360]. Исторические способы подавления включали жестокость, пытки и принудительное воздействие, зафиксированные как в художественных произведениях («1984» Дж. Оруэлла, «Заводной апельсин» А. Бёрджесса), так и в исследованиях (например, в «Torture and Democracy»[361]). Однако опыт XX века показал, что подобные методы неэффективны в долгосрочной перспективе, поскольку вызывают сопротивление и рост социальной нестабильности.

С развитием технологий и усложнением конфликтных сценариев физическое принуждение стало дополняться нефизическими методами, нацеленными не на уничтожение противника, а на трансформацию его мировоззрения. Одним из таких инструментов стало информационное воздействие, предполагающее фоновое насыщение сознания новыми смыслами[362], что лежит в основе классических теорий пропаганды Э. Бернейса[363] и Г. Лассуэлла[364]. Повторение обеспечивает постепенное снижение критического восприятия у аудитории, что способствует интеграции новых установок в сознание индивида; эмоционально насыщенные сообщения, такие как использование страхов, надежд и чувства принадлежности, стимулируют реакцию на уровне базовых инстинктов[365]; а авторитетные источники, в свою очередь, повышают доверие к информации через механизм переноса социального статуса на содержание, что подробно разобрано в работах К. Ховленда и его коллег[366]. Пропаганда также активно использует технологии создания нарративов, которые апеллируют к культурным и историческим контекстам целевой аудитории,

---

[360] Clausewitz C. von. On War. – Princeton, NJ : Princeton University Press, 1989. – 752 p.
[361] Rejali D. Torture and Democracy. – Princeton : Princeton University Press, 2007. – 864 p.
[362] Психологические аспекты социальной рекламы // tsutmb.ru. – URL: https://www.tsutmb.ru/nayk/nauchnyie_meropriyatiya/int_konf/vseross/20_05_2015_obshchestvo_obshchnosti_chelovek_v_poiskakh_vechnogo_mira/psikhologicheskie-aspekty-sotsialnoy-reklamy/ (дата обращения: 16.02.2025).
[363] Bernays E. L. Propaganda. – New York : H. Liveright, 1928. – 159 p.
[364] Lasswell H. D. The structure and function of communication in society // Bryson L. (Ed.). The communication of ideas. – New York : Harper and Row, 1948. – P. 37–51.
[365] Kahneman D. Thinking, Fast and Slow. – New York : Farrar, Straus and Giroux, 2011. – 533 p.
[366] Hovland C. I., Janis I. L., Kelley H. H. Communication and Persuasion: Psychological Studies of Opinion Change. – New Haven : Yale University Press, 1953. – 336 p.

поскольку нарративы усиливают влияние через эмоциональное вовлечение[367]. В цифровую эпоху эти механизмы усиливаются персонализацией и адаптацией сообщений под особенности различных социальных групп, что повышает эффективность воздействия на волю индивида.

Если в традиционных конфликтах слом воли достигался через уничтожение физического потенциала сопротивления, то в информационных войнах ключевыми стали манипуляции нарративами, контроль медиапространства и пропаганда. Однако исследования показывают[368], что воздействие на информационное поле не всегда приводит к изменению глубинных структур сознания: изменение нарративов может не затрагивать способы мышления и устойчивые поведенческие модели индивида. Эффективность пропагандистского воздействия во многом определяется индивидуальными характеристиками, включая уровень критического мышления, аналитические способности и силу воли[369], которую, как отмечает Р. Эберштадт, значительно сложнее «подавить» с использованием классических инструментов информационной войны. Индивиды с развитой способностью к рефлексии демонстрируют более высокий уровень устойчивости к манипуляциям[370], что, в свою очередь, стимулировало искать подходы, выходящие за рамки традиционного информационного противоборства. Стремительная цифровизация и технологическое развитие общества создали предпосылки для формирования новой формы войны – когнитивной.

Всплеск интереса к данной проблематике также связан с развитием киберпространства и социальных сетей, которые обеспечили условия для персонализированного и непрерывного воздействия на индивидов. Одновременно бурное развитие когнитивной психологии и нейронаук дало стратегам и исследователям новую оптику в социальных науках – «возможность

---

[367] Slater M. D. Entertainment Education and the Persuasive Impact of Narratives // Green M. C., Strange J. J., Brock T. C. (Eds.). Narrative Impact: Social and Cognitive Foundations. – Mahwah, NJ : Lawrence Erlbaum, 2002. – P. 157–181.

[368] Большаков С. Н., Коваленко Н. П. Психология массовых коммуникаций : учеб. пособие. – СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т, филол. ф-т, 2012. – 158 с.

[369] Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. – М. : Эксмо, 2005. – 832 с.

[370] Eberstadt N. The Tyranny of Numbers: Mismeasurement and Misrule. – Washington, D.C. : AEI Press, 1995. – 344 p.

регистрировать нейронные корреляты мыслей, эмоций и решений в обход сознательной рефлексии индивида»[371]. В этом контексте нейронауки открывают принципиально новый уровень операционализации ранее философски и социогуманитарно описываемых понятий – в частности, категории воли. В этом подходе воля рассматривается как функциональное состояние, связанное с активностью конкретных участков мозга и доступное эмпирическому изучению. А. Роскис выделяет её аспекты: инициирование действий, формулирование намерений, принятие решений и эмоциональное состояние[372]. По М. Брассу, волю можно рассматривать через категории мотивации и когнитивного контроля[373]. В рамках изучения зон мозга, ответственных за волевые акты, в современных исследованиях указывается ключевая роль неоктортекса: преддополнительной моторной, передней префронтальной, теменной и поясной коры[374]. Так, было отмечено, что «воля становится полноправной областью научного анализа» («volition is coming of age as a scientific topic»)[375]. В азиатских исследованиях в области нейронаук также указывается, что волевые процессы могут быть связаны с активностью неокортекса: передней поясной коры, дополнительной моторной области и участков префронтальной коры[376]. Особое внимание роли неокортекса уделяется и в других исследованиях: например, работа А. Дамасио[377] показывает, что префронтальная кора отвечает за планирование, контроль поведения и принятие решений (что является ключевым компонентом волевых процессов), а её повреждение оказывает значительное влияние на нарушения социального

---

[371] Дегтярева Е. Б. Интеграция когнитивных наук в политическую сферу: от исследований к прогнозированию и управлению политическим поведением в цифровую эпоху / Гаман-Голутвина О. В., Дегтярева Е. Б. // Философские науки. – 2025. – Том 68, №1. – С. 55-78.

[372] Roskies A. L. How Does Neuroscience Affect Our Conception of Volition? // Annual Review of Neuroscience. – 2010. – Vol. 33. – P. 109–130.

[373] Brass M. et al. Imaging volition: what the brain can tell us about the will // Experimental Brain Research. – 2013. – Vol. 229, No. 3. – P. 301–312.

[374] Haggard P. Human volition: Towards a neuroscience of will // Nature Reviews Neuroscience. – 2008. – Vol. 9, No. 12. – P. 934–946.

[375] Haggard P., Lau H. What is volition? // Experimental Brain Research. – 2013. – Vol. 229, No. 3. – P. 285–287.

[376] Zhu J. Locating volition // Consciousness and Cognition. – 2004. – Vol. 13, No. 2. – P. 302–322.

[377] Zimmerman C. Damasio’s Proposition [Review of the book Descartes’ Error, by A. Damasio] // Canadian Journal of Experimental Psychology. – 1996. – Vol. 50, No. 3. – P. 330–332.

поведения индивида. В рамках работы другого автора[378] также утверждается, что, если функция префронтальной коры головного мозга нарушается, то вместе с ним пропадает и способность регулировать свое поведение. Потеря способности к саморегуляции при дисфункции этой области мозга рассматривается как прямое свидетельство реальности свободы воли.

Таким образом, с позиций нейронаук воля может быть связана с функциями неокортекса или, более конкретно, префронтальной коры головного мозга, обеспечивающей планирование, анализ ситуации, контроль действий, адаптацию поведения, принятие решений и прогнозирование последствий. Эта структура уникальна для человека и формируется до 25 лет[379], что объясняет более медленное созревание волевых механизмов в детстве и подростковом возрасте, и с эволюционной точки зрения является относительно «молодым» образованием, отличающимся высокой пластичностью.

Однако, чтобы полностью понять процесс принятия решений индивидами и ответить на вопрос, почему с точки зрения мозга человек далеко не всегда бывает рациональным, важно обратиться к модели триединого мозга[380], в соответствии с которой человеческое поведение формируется взаимодействием трёх эволюционно различных структур: рептильного мозга, лимбической системы и неокортекса (включая префронтальную кору). Рептильный мозг – самый древний компонент, отвечающий за базовые инстинкты выживания, автоматические реакции и физиологическую регуляцию; его роль в стратегическом, осознанном принятии решений ограничена, и в контексте настоящего исследования он не является ключевым объектом анализа. Гораздо больший интерес представляют лимбическая система и неокортекс, поскольку именно их взаимодействие

---

[378] Free Will Is Real and We Can Lose It // Psychology Today. – 13.04.2022. – URL: https://www.psychologytoday.com/us/blog/mind-in-the-machine/202204/free-will-is-real-and-we-can-lose-it (Last accessed: 20.03.2025).

[379] Мозг и его секреты: как работает поведенческая экономика и почему нельзя ходить в магазин голодным // HSEdaily. – 30.05.2023. – URL: https://daily.hse.ru/post/mozg-i-ego-sekrety-kak-rabotaet-povedencheskaya-ekonomika-i-pochemu-nelzya-hodit-v-magazin-golodnym (дата обращения: 16.02.2025).

[380] Саган К. Драконы Эдема. Рассуждения об эволюции человеческого разума. - Спб.: Амфора., 2005. - 265 с.

определяет баланс между эмоциональными и рациональными аспектами поведения. Лимбическая система, в отличие от неокортекса, генерирует эмоциональные состояния, аффективные реакции и процессы, связанные с ощущением боли и удовольствия[381]. Будучи филогенетически более древней структурой, она формирует фундаментальную основу эмоциональной регуляции поведения, оставаясь более стабильной и устойчивой в сравнении с неокортексом. Именно благодаря такой эволюционной стабильности лимбическая система доминирует в управлении поведенческими реакциями в ситуациях высокой эмоциональной нагрузки или дефицита когнитивных ресурсов[382]. В совокупности же рептильный мозг, лимбическая система и неокортекс образуют триединую архитектуру психики человека, где переплетение инстинктивных, эмоциональных и когнитивных компонентов задаёт динамику его восприятия, поведения и принятия решений.

Получается, что обработка информации в мозге осуществляется параллельными механизмами, различающимися по характеру функционирования и скорости реакции на стимулы. Рациональная обработка, связанная с неокортексом и префронтальной корой, требует значительных когнитивных ресурсов, опирается на рабочую память и логический анализ, поэтому протекает относительно медленно[383]. Эмоциональная обработка, обеспечиваемая лимбической системой и/или рептильным мозгом, напротив, активируется мгновенно в ответ на значимые или потенциально опасные стимулы, формируя реакцию ещё до привлечения когнитивных ресурсов[384]. Это эволюционно

---

[381] Хусаинов Р. А., Ильина Н. Л. Теории эмоций и нервно-физиологические механизмы эмоций // Вестник науки. – 2023. – Т. 4, № 12(69). – С. 1260–1265.

[382] Мозг и его секреты: как работает поведенческая экономика и почему нельзя ходить в магазин голодным // HSEdaily. – 30.05.2023. – URL: https://daily.hse.ru/post/mozg-i-ego-sekrety-kak-rabotaet-povedencheskaya-ekonomika-i-pochemu-nelzya-hodit-v-magazin-golodnym (дата обращения: 16.02.2025).

[383] Miller E. K., Cohen J. D. An Integrative Theory of Prefrontal Cortex Function // Annual Review of Neuroscience. – 2001. – Vol. 24. – P. 167–202.

[384] LeDoux J. E. The Emotional Brain: The Mysterious Underpinnings of Emotional Life. – New York : Simon & Schuster, 1996.

обусловлено необходимостью немедленного реагирования для выживания[385]: индивид может мгновенно отреагировать на внезапный раздражитель (резко отдернуть руку от горячего предмета или испытать инстинктивное чувство тревоги при неожиданном громком звуке), а лишь затем, после привлечения когнитивных ресурсов, осмыслить ситуацию и определить её реальную значимость. В ситуациях стресса, усталости или когнитивной перегрузки лимбическая система может перехватывать управление поведением, снижая влияние рационального анализа[386]. При недостаточном развитии или ослаблении функций префронтальной коры контроль над эмоциональными реакциями уменьшается, что ведёт к преобладанию импульсивных действий над взвешенными решениями, что говорит об обратной корреляции между двумя зонами мозга[387]. Функциональную разницу префронтальной коры и лимбической системы головного мозга можно увидеть в таблице (табл. 4):

Таблица 4 – Сравнительный анализ отличительных характеристик префронтальной коры и лимбической системы

Префронтальная кора (рациональная часть)	**Лимбическая система (эмоциональная часть)**
• обеспечивает рациональное обдумывание и аналитическую обработку информации • отвечает за планирование поведения и контроль действий, а также за процессы принятия решений • реализует стратегический анализ ситуации (стратегическое/ аналитическое мышление) • обеспечивает способность сдерживать импульсивные реакции • регулирует возникающие эмоции • контролирует возникающие импульсы • реализует анализ совершенного или	• связана с формированием эмоциональных и импульсивных реакций • участвует в генерации аффективных состояний • задействована в переживании боли и удовольствия • активизируется при высокой эмоциональной нагрузке • в условиях стресса начинает доминировать в регуляции поведения

[385] Pessoa L. Emotion and Cognition and the Amygdala: From “What is it?” to “What’s to be done?” // Neuropsychologia. – 2010. – Vol. 48, No. 12. – P. 3416–3429.

[386] Lifespan Development // OpenStax. – URL: https://openstax.org/books/lifespan-development/pages/9-4-decision-making-and-risky-behaviors-in-adolescence (Last accessed: 06.03.2025).

[387] Lee T. H., Telzer E. H. Negative Functional Coupling Between the Right Fronto-Parietal and Limbic Resting State Networks Predicts Increased Self-Control and Later Substance Use Onset in Adolescence // Developmental Cognitive Neuroscience. – 2016. – Vol. 20. – P. 35–42.

совершаемого поступка или его последствий • связана с механизмами саморефлексии	

Источник: составлено автором

Таким образом, в нейронаучной перспективе рассмотрение воли как способности к осознанному принятию решений открывает перспективы изучения нейрофизиологических механизмов когнитивного контроля. В этой связи можно выдвинуть гипотезу о том, что целенаправленное воздействие на неокортекс (в частности, префронтальную кору) и лимбическую систему способно трансформировать когнитивные и поведенческие реакции индивидов в контексте современных форм конфликтного взаимодействия. Поэтому важно проанализировать, каким образом инструменты информационных и когнитивных войн воздействуют на каждую из этих систем.

В рамках исследования предполагается, что воздействие на лимбическую систему наиболее характерно для информационных войн, поскольку пропаганда (как ключевой инструмент информационной войны) изначально ориентирована на манипулирование эмоциями[388]. Согласно методологическим подходам зарубежных исследователей, «первостепенным объектом пропаганды являются эмоциональные переживания человека, а не его интеллект»[389], а К. Эллюль подчеркивал, что обращение к разуму малоэффективно, поскольку «процесс убеждения разумного человека слишком долог и ненадёжен»[390]. З. Фрейд отмечал, что массы легковерны, внушаемы, склонны к крайностям и реагируют преимущественно на яркие эмоциональные стимулы, а не на логику[391]. Эти особенности массовой психологии активно использовались в политике, в частности, в пропагандистской системе Геббельса в нацистской Германии, что подробно исследовал Т. Адорно в работе «The Authoritarian Personality»[392]. Х.

[388] Лучше всего запоминается негативная информация». Можно ли защитить мозг от пропаганды // press club Belarus. – 07.06.2020. – URL: https://press-club.pro/dosved/luchshe-vsego-zapominaetsya-negativnaya-informaciya-mozhno-li-zashchitit-mozg-ot-propagandy (дата обращения: 16.02.2025).
[389] Войтасик Л. Психология политической пропаганды. – М. : Прогресс, 1981. – 278 с.
[390] Ellul J. Propaganda – The Formation of Men's Attitudes. – New York, 1965. – 437 p.
[391] Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я. – М : Издательство «Э», 2016. – 96 с.
[392] Adorno T. W., Frenkel-Brunswik E., Levinson D. J., Sanford R. N. The authoritarian personality. – Harpers, 1950. – 1007 p.

Ортега-и-Гассет также писал, что массы не обладают собственным теоретическим мышлением, поэтому мнения необходимо «внедрять извне»[393]. Поэтому эмоционально насыщенное воздействие оказывается особенно эффективно, так как не требует логической аргументации и вызывает иррациональное восприятие. Лимбическая система (миндалевидное тело и гиппокамп) играет ключевую роль в обработке эмоций, а её активация часто предопределяет импульсивные реакции[394]. Пропаганда, как парвило, усиливает эмоциональные реакции: страх, гнев, тревогу или эйфорию. Это, в свою очередь, снижает способность индивида к рациональному анализу и повышает вероятность необдуманной поддержки заданного нарратива[395]. Действительно, данные нейровизуализационных исследований подтверждают это явление: эксперименты с использованием фМРТ показывают[396], что политические лозунги и эмоционально насыщенные медиафрагменты активируют миндалевидное тело, при этом функционирование префронтальной коры остается ограниченной.

Вместе с тем существуют примеры пропаганды, в которых акцент делался не только на эмоциональное воздействие, но и на рациональную аргументацию. Так, социалистическая пропаганда ориентировалась на интеллектуальное воздействие, предполагая информирование и логическое разъяснение. В. И. Ленин подчёркивал необходимость формирования «осознанных взглядов у каждого рабочего»[397], тогда как К. Маркс настаивал на научной строгости и обоснованности[398]. Такой подход предполагал последовательное изложение фактов, выявление причинно-следственных связей и построение рациональных

---

[393] Ortega y Gasset J. Der Aufstan der Massen. – Berlin : Folk Verlag, 1959. – 140 p.

[394] Богомолова Е. М. Лимбическая система // Большая медицинская энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. Б. В. Петровский. – 3-е изд. – М. : Советская энциклопедия, 1980. – Т. 13 : Ленин и здравоохранение – Меданал. – 552 с.

[395] Карепова С. Г., Некрасов С. В., Пинчук А. Н. Пропаганда как метод воздействия на общественное сознание: общий теоретический аспект // Вестник НГУЭУ. – 2020. – № 4. – С. 212–229.

[396] Knutson K. M., Wood J. N., Spampinato M. V., Grafman J. Politics on the brain: an FMRI investigation // Social Neuroscience. – 2006. – Vol. 1, № 1. – P. 25–40.

[397] Ленин В. И. Две тактики социалдемократии в демократической революции. – Б.М. : ЦК РСДРП, 1905. – 129 с.

[398] Кандель Е. П. Маркс и Энгельс – организаторы союза коммунистов. – М. : Политиздат, 1953. – 304 с.

объяснений, что повышало убедительность сообщений. Однако в целом эффективность пропаганды определяется в большей степени её эмоциональной составляющей, нежели чем логической аргументацией. Исследователи отмечают[399], что сочетание рациональных доводов с эмоциональными элементами значительно повышает убедительность, тогда как чисто логические аргументы нередко оказываются недостаточными. Поэтому даже в «научной» социалистической пропаганде неизменно присутствовали эмоциональные компоненты, усиливавшие восприятие и запоминание информации.

В итоге именно эмоциональная сфера становится основной мишенью пропагандистского воздействия, тогда как рациональные приёмы выполняют вспомогательную функцию. Пропаганда направлена прежде всего на убеждение и закрепление заданных смыслов, а не на разрушение когнитивных механизмов принятия решений. Исследования в области когнитивных наук подтверждают[400], что аргументация и критический анализ связаны с активностью префронтальной коры. Однако в информационных войнах пропаганда, как демонстрирует пример социалистической пропаганды, не разрушает её работу, а напротив, активирует через структурированную аргументацию и логические нарративы[401]. Индивид остаётся способным анализировать информацию и принимать решения, хотя и в заданных идеологических рамках.

В когнитивных войнах задача иная: не убедить, а изменить механику обработки информации, вплоть до структурных изменений когнитивного восприятия. По Б. Клаверье и Ф. де Клюзелю, целью когнитивных войн является изменение когнитивных процессов индивидов на стороне противника и их рефлексивного мышления, а также влияние на принятие ими решений[402].

---

[399] Там же.

[400] Miller E. K., Cohen J. D. An integrative theory of prefrontal cortex function // Annual Review of Neuroscience. – 2001. – Vol. 24. – P. 167–202.

[401] Лисанюк Е. Н. Логико-когнитивная теория аргументации : автореф. дис. … д-ра филос. наук. – 09.00.07. – 2016.

[402] Claverie B., du Cluzel F. The Cognitive Warfare Concept // NATO Innovation Hub. – 2022. – URL: https://innovationhub-act.org/wp-content/uploads/2023/12/CW-article-Claverie-du-Cluzel-final_0.pdf (Last accessed: 10.02.2025).

Современные исследования подтверждают[403], что подавление когнитивной автономии достигается снижением когерентности нейросетевых связей в префронтальной коре, что ослабляет когнитивный контроль и повышает внушаемость. Это достигается путём перегрузки когнитивных ресурсов, воздействия на внимание, создания хаотизированного информационного фона и управляемого воздействия на эмоциональные и когнитивные системы индивида преимущественно с помощью цифровых инструментов[404]. В итоге индивид испытывает утомление, ослабление волевого контроля и повышенную внушаемость, что подтверждается нейрофизиологическими исследованиями, фиксирующими снижение плотности серого вещества в передней поясной коре – ключевой зоне когнитивной координации[405].

Так, несмотря на общий эмоциональный компонент обеих форм войн, их влияние на когнитивные механизмы принципиально различается.

Во-первых, отличается *интенсивность и характер стимуляции лимбической системы*. В рамках информационной войны стимуляция лимбической системы, как парвило, осуществляется в относительно контролируемых условиях. Эмоциональные реакции (страх, гнев, эйфория) используются для формирования массовых настроений, однако не приводят к полной утрате когнитивной автономии. Индивид, несмотря на воздействие, сохраняет способность к обработке информации и принятию решений, пусть и в пределах навязанных интерпретационных рамок. В когнитивной войне характер воздействия становится иным: помимо активации эмоциональной сферы, задействуются дополнительные стрессовые механизмы – когнитивная перегрузка, фрагментация информационного поля, рассредоточение внимания. Их совокупное действие направлено на истощение когнитивных ресурсов и снижение активности префронтальной коры, отвечающей за самоконтроль и рациональный анализ.

---

[403] McClure S. M., Li J., Tomlin D., Cypert K. S., Montague L. M., Montague P. R. Neural correlates of behavioral preference for culturally familiar drinks // Neuron. – 2004. – Vol. 44, № 2. – P. 379–387.

[404] Shanmugasundaram M., Tamilarasu A. The impact of digital technology, social media, and artificial intelligence on cognitive functions: a review // Frontiers in Cognition. – 2023.

[405] Loh K. K., Kanai R. Higher media multitasking activity is associated with smaller gray-matter density in the anterior cingulate cortex // PLoS One. – 2014. – Vol. 9, № 9. – e106698..

Во-вторых, различается *степень когнитивной нагрузки*. В условиях информационной войны даже при интенсивном эмоциональном давлении индивид сохраняет способность структурированной обработки данных. В когнитивной войне этот механизм систематически подрывается: комбинирование различных методов воздействия приводит к ослаблению функций префронтальной коры и усилению роли лимбической регуляции поведения.

В-третьих, *последствия воздействия на лимбическую систему* также различны. В информационной войне эмоции служат инструментом убеждения, не разрушающими когнитивный контроль, а лишь корректирующими восприятие. В когнитивной войне эмоции становятся частью более широкого комплекса манипуляций, направленного на подавление критического мышления и утрату субъектности. В информационной войне префронтальная кора активируется для рациональной обработки данных, тогда как в когнитивной – ослабляется для подавления автономности мышления.

Таким образом, информационная война стремится навязать доминирующий нарратив, который субъект способен осознанно интерпретировать. Когнитивная война, напротив, трансформирует саму механику восприятия, делая индивида неспособным к самостоятельному анализу и более податливым внешнему управлению. Упрощенно схему этапов когнитивного воздействия на сознание индивида можно представить следующим образом (рис. 2):

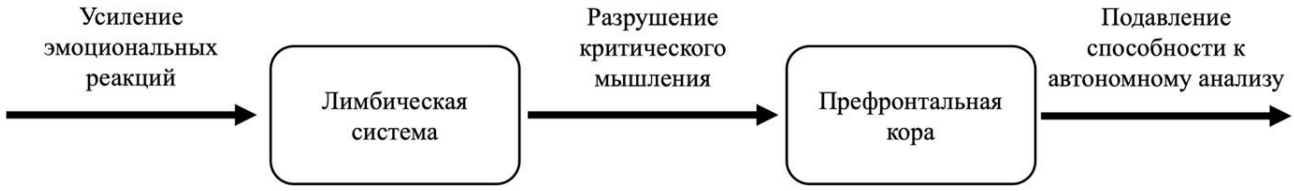

Рисунок 2 – Этапы когнитивного воздействия на сознание индивида
Источник: составлено автором

В результате сравнительного анализа механизмов и принципов осуществления воздействия в информационной и когнитивной войне в текущем параграфе автором была составлена таблица (табл. 5):

Таблица 5 – Сравнительный анализ технологий осуществления воздействий в информационных и когнитивных войнах

Критерий	**Информационная война**	**Когнитивная война**
Основная цель воздействия	Формирование или изменение политических убеждений, оценок и интерпретаций в интересах субъекта воздействия без подрыва когнитивной автономии индивида.	Подавление когнитивной автономии индивидов и социальных групп через трансформацию механизмов восприятия, интерпретации и принятия решений, включая как формирование требуемых субъекту воздействия политичсеких и иных убеждений и смыслов, так и изменение самих когнитивных процессов, обеспечивающих их осмысление и воспроизводство
Объект воздействия	Сознание индивида (мозг) как носитель мнений, установок и политических предпочтений	Сознание индивида (мозг) как инструмент политической ориентации, идентификации и целостная когнитивная система, включающая как осознаваемые, так и неосознаваемые (бессознательные и автоматизированные) процессы обработки информации
Предмет воздействия	Лимбическая система (эмоции)	Лимбическая система (эмоции) и префронтальная кора (когнитивный контроль, критическое мышление)
Тип воздействия на сознание	Воздействие на эмоциональные реакции для облегчения усвоения заданных интерпретаций и убеждений и формирования требуемых субъекту воздействия убеждений	Воздействие на условия, режимы и механизмы обработки информации, в рамках которого эмоциональная стимуляция используется для снижения когнитивного контроля и критического мышления, ослабления способности к длительной концентрации, подмены аналитической обработки автоматическими реакциями
Характер воздействия	Нейтральный: влияет на интерпретацию информации, но не меняет способы обработки данных в мозге	Разрушительный: не просто навязываются интерпретации, а изменяются условия, в которых эти интерпретации формируются, из-за чего способность индивидов и групп к рациональному политическому анализу и автономному принятию решений снижается
Роль префронтальной коры	Активируется для обработки информации, логического убеждения	Подавляется через перегрузку, фрагментацию информационного потока снижение когерентности нейросетей, постоянное переключение внимания
Роль лимбической	Является основным объектом	Тоже чрезмерно стимулируется, но

системы	воздействия (формирование эмоций: страх, тревога, эйфория)	для облегчения доступа к префронтальной коре
Форма восприятия информации	Последовательное восприятие информации с сохранением возможности критической оценки	Фрагментированное восприятие, снижение способности к осмысленному анализу
Планируемый результат воздействия	Принятие или временная поддержка заданного нарратива, позиции или оценки при сохранении способности к рефлексии, сомнению, смене точки зрения и автономности мышления	Де-субъективация политического сознания: утрата способности к автономной интерпретации политической реальности; зависимость от внешних интерпретационных и эмоциональных стимулов; замещение собственных когнитивных и ценностных конструкций внешне заданными. В предельной форме – превращение индивида из субъекта политики в объект управления, при сохранении иллюзии осознанного выбора

Источник: составлено автором

Таким образом, если информационная война нацелена на изменение содержания убеждений, то когнитивная война трансформирует саму структуру восприятия: подавляя когнитивную автономию, она делает индивида неспособным к рациональному анализу и превращает его поведение в производное внешних стимулов. В этом заключается её принципиальное отличие: манипуляция осуществляется не через навязывание нарративов, а через вмешательство в механизмы принятия решений.

§ 2.2. Задачи и цели когнитивной войны

Следующим этапом анализа становится выявление атрибутов концепта когнитивной войны, связанных с её задачами и стратегиями. Как было отмечено выше, когнитивная война выводит цели воздействия за пределы манипулирования информационным содержанием, смещая акцент на подавление механизмов рационального осмысления. Это, в свою очередь, формирует иную модель управления поведением как отдельных индивидов, так и социальных групп. В данном контексте важно различать тактические задачи, связанные с реализацией

конкретных механизмов воздействия, и стратегическую цель, задающую общий вектор влияния на массовое сознание.

Определение тактического уровня когнитивной войны опирается на принципиальное различие между двумя типами воздействия: воздействие на содержание информации (когда контроль осуществляется через формирование того, *что* человек думает) и воздействие на когнитивные механизмы (когда контроль направлен на формирование того, как он мыслит)[406]. Так, если индивиду предоставляется альтернативная информация при сохранении регулятивного потенциала его когнитивной системы ориентировок, то он сможет рационально оценить аргументы и принять *автономное решение*[407]. Подобная ситуация характерна для информационных войн и классических методов пропаганды. Это говорит о том, что человек обладает достаточным уровнем *когнитивной устойчивости* (или *когнитивной автономии*), которая выражается в способности индивидов сохранять критическое мышление и противостоять манипулятивным воздействиям в условиях информационного перенасыщения. Но если когнитивная автономия подавлена, то индивид становится неспособным к осмысленной критической оценке, и его поведение начинает детерминироваться внешними стимулами[408], что можно заметить в концепции когнитивных войн.

В связи с этим в когнитивной войне можно выделить такую тактическую задачу, как *ослабление когнитивной автономии индивидов,* являющейся промежуточным этапом, который необходим для лишения индивида способности к осмысленному и самостоятельному принятию решений, что нейробиологически проявляется в снижении функциональности неокортекса: в отсутствии регуляции со стороны префронтальной коры реакции начинают формироваться на основе

---

[406] Медушевский А. Н. Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования (часть 1) // Вопросы теоретической экономики. – 2023. – № 2(19). – С. 85–98.

[407] Arnsten A., Mazure C. M., Sinha R. This is your brain in meltdown // Scientific American. – 2012. – Vol. 306, № 4. – P. 48–53.

[408] Bechara A., Damasio A. R., Damasio H., Anderson S. W. Insensitivity to future consequences following damage to human prefrontal cortex // Cognition. – 1994. – Vol. 50. – P. 7–15.

сенсорных сигналов и автоматических привычек[409]. В условиях стресса или отвлечения управление смещается от медленного, рационального контроля к быстрым эмоциональным реакциям миндалины и других подкорковых структур[410]. В психологическом измерении (в соответствии с предложенной моделью из параграфа 2.2.) это проявляется в снижении способности индивида опираться на когнитивно-прагматическую систему ориентировок, в связи с чем рациональная обработка вытесняется аффективной и/или нормативной системой: поведенческий ответ начинает определяться эмоциональными импульсами или навязанными нормами, а мифы, метафоры и архетипы закрепляют новые когнитивные коды, формируя зависимость индивида от внешне заданных интерпретаций. На практике это проявляется в рефлекторных реакциях на информационные триггеры (яркие сообщения, раздражители), которые начинают преобладать над ориентацией на собственные цели и критическую оценку информации. Таким образом, представляется возможным предложить следующее авторское определение:

Ослабление когнитивной автономии – это процесс систематического снижения способности индивида к самостоятельному рациональному осмыслению информации, критическому мышлению и принятию решений, при котором его поведение в большей степени определяется внешними стимулами, эмоциональными импульсами и навязываемыми нормами.

Подобная трактовка соотносится с классическими теориями масс. Так, Г. Лебон описывал «толпу» как иррациональную силу, подверженную внушению, в рамках которой критическое мышление растворяется в коллективных эмоциях[411]. С. Московичи дополнял эту перспективу, подчеркивая, что социальные представления формируют восприятие реальности, задавая рамки мышления ещё

---

[409] Miller E. K., Cohen J. D. An integrative theory of prefrontal cortex function // Annual Review of Neuroscience. – 2001. – Vol. 24. – P. 167–202.
[410] Там же.
[411] Окатов А. В. Теория толпы Г. Лебона в контексте изучения современного гражданского общества / А. В. Окатов // Наука. Общество. Государство. – 2015. – Т. 3, № 1(9). – С. 165-179.

до акта осознанного выбора[412]. Э. Канетти видел в массах особый тип энергии, где автономия индивида заменяется стадным поведением[413]. Эти идеи предвосхищают современные когнитивные войны: разрушение когнитивной автономии индивида через перегрузку и хаотизацию среды ведёт к формированию управляемого «коллективного разума», который подчинён внешним импульсам и нарративам. И если в традиционных моделях массового воздействия речь шла о пропаганде, убеждении или манипуляции мнением, то в эпоху информационализма (по М. Кастельсу)[414] система коммуникации меняется[415], давая новые возможности для управления: одним из ключевых факторов, определяющих ослабление когнитивной автономии, выступает сетевой характер современного общества. В отличие от иерархических структур индустриальной эпохи, сетевая форма организации коммуникации отличается децентрализованностью, гибкостью и саморегулируемостью[416]. Однако эта динамика формирует новую культуру, знаменующую собой переход к новому типу социальной организации, где символическое и реальное сливаются, а граница между восприятием и интерпретацией событий стирается. Это означает, что индивид существует в пространстве, где символы и знаки не просто отражают реальность, но и конструируют её, задавая рамки мышления ещё до акта рационального анализа. В таком контексте индивид оказывается постоянно включённым в многомерные информационные потоки, что лишает его возможности выстраивать целостные когнитивные схемы и опираться на устойчивые стратегии рационального анализа.

Важным следствием этого процесса становится формирование управляемого коллективного сознания. Ослабление когнитивной автономии на

---

[412] Московичи С. Часть 1. Век толп. Глава I. Индивид и масса // Социология власти. – 2009. – № 6. – С. 205–217.
[413] Ионин Л. Г. Масса и власть сегодня (актуальность Э. Канетти) // Вопросы философии. – 2007. – № 3. – С. 3–14.
[414] Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура : пер. с англ. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – С. 42.
[415] Там же, С. 341
[416] Скибицкий М. М. Информационная эпоха и новая экономика в трудах Мануэля Кастельса / М. М. Скибицкий // Мир новой экономики. – 2015. – № 4. – С. 62-68.

индивидуальном уровне приводит к тому, что массовые группы начинают мыслить и действовать в логике заранее сконструированных когнитивных кодов. Политические мифы, метафоры и архетипы, встроенные в цифровые нарративы, превращаются в устойчивые механизмы коллективной интерпретации реальности. Таким образом, когнитивная война использует потенциал информационного общества не только для манипуляции убеждениями, но и для системного подрыва когнитивной автономии, что создаёт условия для формирования нового типа сознания, в котором поведение человека определяется внешними когнитивными стимулами, а способность к независимому осмыслению информации подавлена[417]. Такой процесс можно назвать *лишением индивида субъектности*, а данному термину можно дать следующее авторское определение:

Лишение субъектности – это процесс деструкции способности индивида к автономному мышлению, осмысленному принятию решений и самостоятельному формированию когнитивных и поведенческих стратегий, что приводит к его переходу из статуса активного субъекта политики и/или общества в состояние управляемого объекта, детерминируемого внешними когнитивными стимулами.

Ключ к пониманию этого процесса даёт концепция когнитивной уязвимости, описанная в современных исследованиях: как отмечает К. Е. Коктыш, цифровая среда и алгоритмы социальных сетей, упрощая коммуникацию и предоставляя иллюзию свободы, одновременно берут под контроль значимые аспекты человеческой повседневности[418]. Возникает феномен «алгокогнитивной культуры»[419], когда алгоритмы постепенно становятся посредниками в формировании картины мира, ценностей и целей индивида. Социальные сети превращаются в новый референтный источник, подменяя внутреннюю рациональную рефлексию внешними когнитивными интеграторами, встроенными

---

[417] Countering cognitive warfare: awareness and resilience // NATO Review. – 20.05.2021. – URL: https://www.nato.int/docu/review/articles/2021/05/20/countering-cognitive-warfare-awareness-and-resilience/index.html (Last accessed: 19.03.2025).

[418] Коктыш К. Когнитивное измерение безопасности / К. Коктыш, А. Ренард-Коктыш // Международные процессы. – 2021. – Т. 19, № 4(67). – С. 26-46.

[419] Lavelock J. (with Appleyard B.) Novacene: The Coming Age of Hyperintelligence. – Allen Line, 2019. – 160 p.

в алгоритмическую среду. В результате формируется устойчивая когнитивная зависимость: индивид соотносит свои оценки и решения не с собственным опытом или критическим мышлением, а с цифровыми паттернами, транслируемыми извне. В результате когнитивная уязвимость проявляется в готовности индивидов принимать навязанные извне смыслы и ценностные координаты без их критической ревизии. Алгоритмы и цифровая игровизация (виртуальность происходящего) усиливают этот эффект, создавая ситуацию «эмоциональной вовлечённости без рациональной глубины» и обнуляя свойственный реальности кантовский моральный императив. Пример протестов в Белоруссии 2020 года показал, что использование мессенджеров и игровых форм мобилизации быстро вовлекло массы[420], но не обеспечило содержательной эволюции движения, превратив его в форму «игры ради игры»[421]. Это иллюстрирует, как цифровая толпа легко управляется внешними когнитивными стимулами, оставаясь при этом лишённой стратегической субъектности.

Следовательно, именно когнитивная уязвимость становится ключевым условием реализации стратегической цели когнитивной войны – лишения субъектности. В этом случае контроль над индивидом осуществляется не столько через убеждение, сколько через трансформацию его когнитивных механизмов, что позволяет формировать устойчивые модели мышления и поведения без прямого принуждения[422]. В отличие от традиционной пропаганды, которая требует постоянного воспроизводства нарративов и непрерывного информационного воздействия, когнитивная война формирует такие условия, при которых способность индивида к когнитивному сопротивлению снижается. Это делает процесс управления сознанием менее заметным, более продолжительным по времени и, в ряде случаев, более эффективным[423]. С концептуальной точки

---

[420] Пономарева Е. Г. Протестное движение в Белоруссии: эволюция, технологии, символы / Е. Г. Пономарева // Обозреватель. – 2021. – № 2(373). – С. 5-28.

[421] Коктыш К. Когнитивное измерение безопасности / К. Коктыш, А. Ренард-Коктыш // Международные процессы. – 2021. – Т. 19, № 4(67). – С. 26-46.

[422] Bernal A., Carter C., Madreperla O., Cao K., Singh I. Fall 2020 Cognitive Warfare – An Attack on Truth and Thought // InnovationHub. – 2021. – URL: https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2021-03/Cognitive%20Warfare.pdf (Last accessed: 18.01.2023).

[423] Там же.

зрения лишение субъектности можно рассматривать как завершающий этап когнитивной войны. В этом состоянии индивид утрачивает позицию активного носителя воли, критического мышления и способности к стратегическому прогнозированию, а его поведенческие реакции начинают формироваться под влиянием внешних факторов без их осознанного восприятия.

Как можно заметить, процессы ослабления когнитивной автономии и лишения индивидов субъектности взаимосвязаны и представляют собой два последовательных этапа воздействия: сначала индивид утрачивает способность к осмысленному, автономному принятию решений, а затем его поведение становится детерминированным внешними когнитивными стимулами, что делает его более восприимчивым к управляемым формам социального программирования. Это превращает когнитивную войну в многоуровневый процесс, что представляет существенный вызов для политических систем, гражданского общества и национальной безопасности[424], в связи с формированием новых моделей управления массовым сознанием и поведением на уровне социума. Так, можно выделить следующие направления когнитивной войны.

Одним из ключевых направлений когнитивных войн является *политическое управление* и *контроль за общественными процессами*. Так, в более широком политико-системном измерении лишение субъектности выполняет функцию подготовки среды для структурных трансформаций политического порядка. Ослабление способности граждан к автономному осмыслению происходящего и к артикуляции осознанного сопротивления снижает уровень институционального и общественного противодействия изменениям, затрагивающим архитектуру власти и механизмов управления. В условиях пониженной субъектности политические преобразования реализуются не как результат открытого конфликта или мобилизационного давления, а как процесс постепенного переформатирования, протекающий в относительно низкоконфликтном режиме. Снижение уровня

[424] Countering cognitive warfare: awareness and resilience // NATO Review. – 20.05.2021. – URL: https://www.nato.int/docu/review/articles/2021/05/20/countering-cognitive-warfare-awareness-and-resilience/index.html (Last accessed: 19.03.2025).

субъектности индивидов и общественных групп, позволяет приблизиться к реализации этой цели через управление электоральными, протестными и политическими процессами без явного принуждения. В условиях подавленной когнитивной автономии индивиды принимают политические решения реактивно, руководствуясь внешними стимулами, а не рациональным анализом ситуации, что делает электоральные процессы более предсказуемыми и подверженными алгоритмическому влиянию[425]. Подобные манипулятивные стратегии способствуют формированию управляемых электоральных масс, которые принимают любые предложенные нарративы без рациональной рефлексии. В результате когнитивное противоборство создаёт предпосылки для изменения политической системы за счёт трансформации когнитивных и идентификационных оснований гражданского участия, при которых сопротивление утрачивает системный характер и не требует прямого подавления.

Помимо политических механизмов контроля, последствия когнитивных войн могут распространяться на *экономику* в рамках осуществления актов экономической манипуляции и управления потребительским поведением. Исследования в области нейроэкономики и нейромаркетинга подтверждают, что когнитивная перегрузка и снижение когнитивной автономии делают людей более импульсивными в принятии решений, что повышает восприимчивость к коммерческим стратегиям манипуляции[426], в результате чего усиливается тенденция к росту спонтанного потребления. Эмоции становятся основным драйвером выбора, а бренды и маркетинговые кампании формируют доверие через эмоциональные стимулы, а не через логически обоснованные аргументы. В дополнение к этому, современные технологии таргетированной рекламы и

---

[425] Epstein R., Robertson R. E. The search engine manipulation effect (SEME) and its possible impact on the outcomes of elections // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2015. – Vol. 112, № 33. – P. E4512–E4521.

[426] What doctors wish patients knew about decision fatigue // AMA Ed Hub. – 21.03.2025. – URL: https://www.ama-assn.org/delivering-care/public-health/what-doctors-wish-patients-knew-about-decision-fatigue (Last accessed: 20.03.2025); Impulsive? Indecisive? You May Have "Decision Fatigue" // MIT Sloan Management Review. – 31.08.2011. – URL: https://sloanreview.mit.edu/article/impulsive-indecisive-you-may-have-decision-fatigue/ (Last accessed: 20.03.2025).

алгоритмической персонализации контента формируют цифровые зависимости, при которых увеличивается время вовлеченности индивидов в цифровую среду[427]. Таким образом, управление когнитивной автономией позволяет не только манипулировать общественным мнением, но и стратегически управлять потребительскими моделями поведения, создавая новые возможности для экономического контроля.

Когнитивная война также может повлечь за собой стратегические *геополитические последствия*, ориентированные на подрыв когнитивного потенциала общества и долгосрочное перераспределение глобальных ресурсов. В отличие от традиционных войн, ведущихся за ресурсы и территории, когнитивные войны направлены на контроль над массовым сознанием и процессами принятия решений[428], что делает возможным управление целыми государствами без открытых боевых действий. Одним из долгосрочных последствий когнитивных войн является ослабление интеллектуального потенциала нации, поскольку снижение когнитивной автономии массово ведет к снижению уровня критического мышления[429], что негативно сказывается на развитии науки, технологий и инноваций: на уровне общества такое ухудшение когнитивных функций может вылиться в поколение людей с меньшей способностью к сложному анализу. Массовое снижение когнитивной автономии приводит к формированию управляемого общества, неспособного к стратегическому мышлению и подверженного внешнему манипулятивному воздействию. В перспективе это ведет к разрушению субъектности не только индивидов, но и всего государства: если население утрачивает способность к системному анализу информации, оно становится неспособным формировать устойчивые

---

[427] Using Artificial Intelligence Tools for Obtaining Cognitive Warfare Advantages // The Defense Horizon Journal. – 23.10.2023. – URL: https://tdhj.org/blog/post/artificial-intelligence-cognitive-warfare-twitter (Last accessed: 20.03.2025).

[428] Cluzel F. Du. Cognitive Warfare // NATO Innovation Hub. – 11.2020. – URL: https://innovationhub-act.org/wp-content/uploads/2023/12/20210113_CW-Final-v2-.pdf (Last accessed: 16.07.2023).

[429] Arnsten A. F. Stress signalling pathways that impair prefrontal cortex structure and function // Nature Reviews Neuroscience. – 2009. – Vol. 10, № 6. – P. 410–422.

государственные институты[430], что делает страну более восприимчивой к внешним когнитивным стратегиям влияния.

Наконец, когнитивные войны в последствии могут поменять саму *модель власти*, трансформируя механизмы управления массовым сознанием. Исторически контроль над обществом осуществлялся, помимо прочего, через пропаганду, законы и репрессивные механизмы[431], однако когнитивные войны усложняют эту систему: если пропаганда и ранее предполагала факт «незаметности» и «неосознаваемости» подмены понятий индивидуумам[432], то сегодня данный процесс усложняется тем, что благодаря инструментам персонализированных алгоритмов индивиды не способны осознать и идентифировать, что подвергаются воздействию, поскольку когнитивное подавление маскируется под естественные информационные процессы[433] без каких-либо примесей пропаганды и идеологического навязывания. Восприятие информации становится алгоритмически управляемым, а альтернативные модели мышления подавляются, что приводит к формированию контролируемых когнитивных сред, исключающих возможность критического осмысления реальности. В результате когнитивная война не может считаться инструментом информационного противоборства, поскольку сама становится формой тотального контроля, в которой способность к самостоятельному анализу подавляется системно и незаметно.

Следовательно, когнитивная война представляет собой комплексный и многоэтапный процесс, направленный на систематическое ослабление когнитивных механизмов индивидов с целью подрыва их способности к

---

[430] Bernal A., Carter C., Madreperla O., Cao K., Singh I. Fall 2020 Cognitive Warfare – An Attack on Truth and Thought // InnovationHub. – 2021. – URL: https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2021-03/Cognitive%20Warfare.pdf (Last accessed: 18.01.2023).

[431] The firehose of falsehood effect, and how to extinguish it // IE University. – 01.04.2022. – URL: https://www.ie.edu/blue-talks/the-firehose-of-falsehood-effect-and-how-to-extinguish-it (Last accessed: 22.03.2025).

[432] Davison W. The third-person effect in communication // Public Opinion Quarterly. – 1983. – Vol. 47, № 1. – P. 1–15.

[433] Epstein R., Robertson R. E. The search engine manipulation effect (SEME) and its possible impact on the outcomes of elections // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2015. – Vol. 112, № 33. – P. E4512–E4521.

автономному мышлению и осмысленному принятию решений. В этом контексте утрата субъектности и снижение когнитивной автономии выступают в качестве ключевых тактических и стратегических направлений данного воздействия, обеспечивая возможность долгосрочного контроля над массовым сознанием и снижая уровень когнитивного сопротивления целевых групп, что в последствии оказывает влияние на управление политическим, экономическим и социальным поведением на глубинном нейропсихологическом уровне.

Таким образом, выявление целей и задач когнитивной войны является ключевым этапом анализа данного феномена, поскольку именно целеполагание задает стратегическую направленность когнитивного противоборства. Выстраивание иерархии целей и задач когнитивной войны позволяет проследить логику воздействия на массовое сознание и выявить механизмы социального управления.

§ 2.3. Инструменты и технологии когнитивной войны

Следующий этап анализа предполагает обращение к такому атрибуту концепта когнитивной войны, как методы её ведения, то есть инструменты и технологии реализации. Как отмечалось ранее, когнитивная война является комплексной стратегией, интегрирующей инструменты информационных и когнитивных войн[434], поскольку её инструментарий связан с воздействием не только на содержание информационного пространства, но и на механизмы его обработки. Интернет-среда становится ключевым инструментом когнитивной войны, поскольку цифровые технологии и алгоритмически управляемые медиа (прежде всего социальные сети) трансформируют характер нейронной активности префронтальной коры, что сопровождается снижением способности к критическому мышлению и ростом восприимчивость к внешним когнитивным

[434] Claverie B., Prebot B., Buchler N., Du Cluzel F. (eds.). Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance // NATO Collaboration Support Office. – 08.04.2022. – URL: https://hal.science/hal-03635887v1/file/NATO-CSO-CW%202022-03-01%20%28US%29%20Autellet.pdf (Last accessed: 10.05.2024).

воздействиям[435]. В отличие от информационной войны, ограниченной манипуляцией нарративами и эмоциями, когнитивная война представляет собой более сложный феномен, направленный на трансформацию процессов восприятия, принятия решений и саморефлексии, что формирует новую парадигму стратегического воздействия XXI века.

В этой связи возникает необходимость классифицировать инструменты когнитивной войны, учитывая различия в зарубежной и отечественной традиции: если в первой они подразделяются на информационные и нейро-/когнитивные[436], то во второй дополнительно выделяются психоэмоциональные методы[437], что обусловлено пониманием информационно-психологических войн как эквивалентных информационным. С учётом данных различий представляется целесообразным использовать унифицированный подход, выделяя две основные группы методов:

1. *информационно-психоэмоциональные*[438],
2. *нейро-когнитивные*[439],

которые, как правило, функционируют во взаимной интеграции, но при определённых условиях могут применяться и автономно.

Информационно-психоэмоциональные технологии и инструменты когнитивных войн

Информационно-психоэмоциональные методы выступают основой когнитивных войн, обеспечивая воздействие на массовое и индивидуальное сознание за счет создания информационного шума и активации эмоциональных

---

[435] Gao Y. et al. Neuroanatomical and functional substrates of the short video addiction and its association with brain transcriptomic and cellular architecture // Neuroimage. – 2025. – Vol. 307. – P. 121029.

[436] Cluzel F. Du. Cognitive Warfare // NATO Innovation Hub. – 11.2020. – URL: https://innovationhub-act.org/wp-content/uploads/2023/12/20210113_CW-Final-v2-.pdf (Last accessed: 16.07.2023).

[437] Белоус А. И. Технологии, методы и инструменты войн XXI века. – М. : Техносфера, 2023. – 528 с.

[438] Там же, С. 214–215.

[439] Cluzel F. Du. Cognitive Warfare // NATO Innovation Hub. – 11.2020. – URL: https://innovationhub-act.org/wp-content/uploads/2023/12/20210113_CW-Final-v2-.pdf (Last accessed: 16.07.2023).

реакций. Несмотря на их происхождение из арсенала информационных войн, они продолжают играть значимую роль, задавая контекст для более глубоких когнитивных воздействий. Их эффективность во многом определяется способностью формировать устойчивые эмоционально-психологические состояния, которые повышают внушаемость и восприимчивость к последующему влиянию[440]. Центральным инструментом[441] в этой группе выступает *пропаганда*, понимаемая как систематическое распространение идей и установок через различные каналы коммуникации с целью управления массовыми настроениями и поведением[442]. Ключевым элементом пропаганды выступает *работа с нарративами*, которые структурируют восприятие реальности через эмоционально насыщенные рассказы, резонирующие с опытом аудитории[443]. Нарративы активируют зоны, связанные с эмпатией и социальной идентичностью, формируя эмоциональные привязанности, но не затрагивают механизмы рационального анализа[444]. Дополняют их *психологические операции*, направленные на дезорганизацию, деморализацию и дезориентацию, что создает состояния страха и тревожности[445].

Основными средствами информационно-психоэмоционального воздействия выступают *масс-медиа, традиционные СМИ* и *социальные сети*, которые обеспечивают распространение пропагандистских нарративов, дезинформации и манипулятивных сообщений. Если в XX веке ключевую роль играли телевидение, радио и печатная пресса, то в цифровую эпоху доминируют социальные сети и

---

[440] Войтасик Л. Психология политической пропаганды. – М. : Прогресс, 1981. – 278 с.
[441] Носова Д. Х., Давлетов В. И. Пропаганда как основной инструмент в информационной войне // Государство и право в эпоху глобальных перемен: материалы междунар. науч.-практ. конф., Барнаул, 28–29 июня 2022 г. / под ред. Д. Л. Проказина. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД РФ, 2022. – С. 460–461.
[442] Бернейс Э. Пропаганда. – М. : Hippo Publishing, 2010. – 176 с.
[443] Ромашкина А. Б., Киричук Д. А. Трансляция ценностно-смысловых нарративов в публичной цифровой коммуникации: возможности и ограничения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2024. – Т. 26, № 4. – С. 630–643.
[444] Сила нарратива: как истории управляют людьми // Эконс. – 02.06.2023. – URL: https://econs.online/articles/coffee-break/sila-narrativa-kak-istorii-upravlyayut-lyudmi/ (дата обращения: 06.03.2025).
[445] Манойло А. В. Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. – М. : Горячая линия – Телеком, 2018. – 495 с.

онлайн-платформы, позволяющие таргетировать аудиторию и оперативно формировать информационную повестку. Однако данные методы воздействуют преимущественно на аффективную систему ориентировок, вызывая краткосрочные эмоциональные эффекты. Это определяет их вспомогательный характер и необходимость дополнения нейро-когнитивными технологиями, способными трансформировать процессы восприятия и принятия решений.

Нейро-когнитивные технологии и инструменты когнитивных войн

Логика нейро-когнитивных технологий когнитивной войны опирается на более ранние представления о возможности подпорогового (неосознаваемого) воздействия на психику через медиасреду. В рамках соответствующих дискуссий в XX в. получила известность концепция так называемого «25-го кадра», согласно которой кратковременный визуальный стимул, не фиксируемый в сознательном восприятии, потенциально способен запускать неосознаваемые реакции и смещать внимание, оценку и поведенческую готовность[446]. Несмотря на противоречивость ранних эмпирических утверждений, именно этот кейс способствовал росту научного интереса к проблематике неосознаваемой обработки информации и стимулировал формирование самостоятельного исследовательского направления, связанного с изучением сублиминальной стимуляции. Современные нейронаучные исследования подтверждают[447], что стимулы, не осознаваемые участниками, способны вызывать активацию специфических областей мозга, что было зафиксировано, в частности, в работах с использованием функциональной магнитно-резонансной томографии и подтверждено в метааналитических исследованиях последних лет.

---

[446] Karremans J. C., Stroebe W., Claus J. Beyond Vicary's fantasies: The impact of subliminal priming and brand choice // Journal of Experimental Social Psychology. – 2006. – Vol. 42, No. 6. – P. 792–798.

[447] Brooks S. J., Savov V., Allzén E., Benedict C., Fredriksson R., Schiöth H. B. Exposure to subliminal arousing stimuli induces robust activation in the amygdala, hippocampus, anterior cingulate, insular cortex and primary visual cortex: a systematic meta-analysis of fMRI studies // NeuroImage. – 2012. – Vol. 59, No. 3. – P. 2962–2973.

В современном цифровом контуре данная логика радикально усложняется и масштабируется: воздействие перестаёт быть ситуативным и приобретает повсеместный характер, а условный «25-й кадр» уже не локализуем в одном сообщении или кадре, поскольку встроен в саму архитектуру цифровой коммуникации. Подпороговые импульсы циркулируют непрерывно и множественно, реализуясь как средовое высокочастотное программирование внимания за счёт постоянной подачи микростимулов (уведомления, бесконечная новостная лента, клиповая подача сообщений, вариативные визуальные триггеры), поддерживаемых алгоритмической приоритизацией и персонализацией контента. Тем самым воздействие реализуется не за счёт скрытности или кратковременности отдельного сигнала, а за счёт структурной организации информационной среды, основанной на высокой частотности, повторяемости и автоматизации микровоздействий, закрепляемых платформенными механизмами отбора и усиления стимулов. В этих условиях значимая часть управляющих импульсов функционирует вне сферы рефлексивной когнитивно-прагматической переработки, опираясь на автоматизированные механизмы селекции внимания и аффективной оценки, что облегчает перевод ориентировочной деятельности в реактивные режимы реагирования.

Соответственно, в отличие от информационно-психоэмоциональных методов, воздействующих на убеждения и эмоции, нейро-когнитивные ориентированы на подрыв когнитивно-прагматической системы ориентировок через перегрузку когнитивных ресурсов. Их основу составляют цифровые платформы, формирующие инфраструктуру для распространения и модификации информации в реальном времени. К числу ключевых средств когнитивного противоборства относятся цифровые технологии.

1. *Социальные сети.* Они стали «главным полем битвы» когнитивной войны, позволяя формировать нарративы и управлять восприятием целых

сообществ[448]. Среднестатистический пользователь проводит в них около 2,5 часов в день, что создаёт условия для систематического воздействия на когнитивные способности. В частности, стратегии когнитивной войны через соцсети включают «невидимую манипуляцию» информацией, которая перестраивает рамку, через которую аудитория воспринимает и понимает события, изменяя тем самым оценки и поведение людей[449]. В условиях информационного шума и перегрузки, характерных для социальных сетей, у пользователей снижается способность к критическому анализу. Непрерывный поток постов и уведомлений истощает когнитивные ресурсы и приводит к усталости внимания[450]. Это создает благоприятные условия для формирования заданных реакций – в частности, через навязывание определенных эмоциональных состояний с помощью новостной ленты. Так, эксперимент в Facebook[451] показал[452], что изменение алгоритма формирования новостной ленты (снижение доли позитивных или негативных сообщений) приводит к соответствующим изменениям в тональности публикаций самих пользователей.

2. *Искусственный интеллект.* Технологии искусственного интеллекта позволяют создавать убедительный дезинформационный контент и deepfake-изображения, способные напрямую влиять на поведение и решения граждан[453]. Уже зафиксированы случаи использования сгенерированных искусственным

[448] China’s social-media attacks are part of a larger ‘cognitive warfare’ campaign // Defense One. – 17.10.2023. – URL: https://www.defenseone.com/ideas/2023/10/chinas-social-media-attacks-are-part-larger-cognitive-warfare-campaign/391255/ (Last accessed: 09.03.2025).

[449] Sina E., Buck C., Ahrens W., Coumans J. M. J., Eiben G., Formisano A., Lissner L., Mazur A., Michels N., Molnar D., Moreno L. A., Pala V., Pohlabeln H., Reisch L., Tornaritis M., Veidebaum T., Hebestreit A.; I. Family consortium. Digital media exposure and cognitive functioning in European children and adolescents of the I.Family study // Scientific Reports. – 2023. – Vol. 13, No. 1. – 18855.

[450] Li K., Jiang S., Yan X., Li J. Mechanism study of social media overload on health self-efficacy and anxiety // Heliyon. – 2023. – Vol. 10, No. 1. – e23326.

[451] Деятельность Facebook признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации, данные используются в исследовательских целях и не направлены на одобрение экстремистской деятельности.

[452] Kramer A. D., Guillory J. E., Hancock J. T. Experimental evidence of massive-scale emotional contagion through social networks // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2014. – Vol. 111, No. 24. – P. 8788–8790.

[453] Deceptive use of AI and technology is turning the mind into the main battlefield of the 21st century, according to IE University // IE University. – 19.04.2024. – URL: https://www.ie.edu/university/news-events/news/deceptive-use-ai-technology-is-turning-mind-main-battlefield-21st-century-according-ie-university/ (Last accessed: 09.03.2025).

интеллектом материалов для усиления социальных и политических противоречий: например, при распространении дезинформации о пожарах на Гавайях или в рамках кампаний, искусственно созданные изображения использовались для усиления поляризации по чувствительным политическим темам в США[454]. Военные аналитики подчёркивают, что использование искусственного интеллекта в конфликте способно «масштабировать хаос» и подорвать общественное доверие[455], тогда как в Китае когнитивные операции с применением искусственного интеллекта рассматриваются как инструмент «захвата разума» противника[456]. В условиях информационной перегрузки такие технологии оказываются особенно эффективными: так, у индивидов снижается способность к критической оценке информации, что открывает возможности для целенаправленного воздействия на их когнитивные реакции (от персонализированной пропаганды до управления эмоциональным фоном всего общества).

3. *Поисковые системы и платформы с рекомендациями контента.* Поисковые системы и платформы, использующие алгоритмы рекомендаций, сегодня выступают важным инструментом когнитивной войны, поскольку именно через них формируется информационная среда, в которой пользователи осуществляют поиск информации[457]. Алгоритмическая фильтрация контента позволяет незаметно трансформировать способность к восприятию, влияя на политические взгляды и поведенческие установки индивидов. Так, предвзятое ранжирование результатов поиска способно менять электоральные предпочтения на 20% и более, при этом сами пользователи, как правило, не осознают факта

---

[454] China’s social-media attacks are part of a larger ‘cognitive warfare’ campaign // Defense One. – 17.10.2023. – URL: https://www.defenseone.com/ideas/2023/10/chinas-social-media-attacks-are-part-larger-cognitive-warfare-campaign/391255/ (Last accessed: 09.03.2025).

[455] The Challenge of AI-Enhanced Cognitive Warfare: A Call to Arms for a Cognitive Defense // Small Wars Journal. – 22.01.2025. – URL: https://smallwarsjournal.com/2025/01/22/the-challenge-of-ai-enhanced-cognitive-warfare-a-call-to-arms-for-a-cognitive-defense/ (Last accessed: 09.03.2025).

[456] Там же.

[457] Bernal A., Carter C., Madreperla O., Cao K., Singh I. Fall 2020 Cognitive Warfare – An Attack on Truth and Thought // InnovationHub. – 2021. – URL: https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2021-03/Cognitive%20Warfare.pdf (Last accessed: 18.01.2023).

подобного воздействия[458]. Рекомендательные механизмы YouTube, TikTok и других платформ усиливают радикализацию и поляризацию[459], формируя когнитивные «пузыри», ограничивающие доступ к альтернативным точкам зрения. Эти возможности активно используются как коммерческими, так и государственными и негосударственными акторами, что делает поисковые системы и рекомендательные алгоритмы важным инструментом скрытого манипулирования общественным мнением в рамках когнитивной войны.

При этом технологии (методы) когнитивной войны представляют собой конкретные механизмы влияния на восприятие и принятие решений, направленные на трансформацию когнитивных структур индивида. Они затрагивают одновременно аффективную систему (эмоциональные реакции) и когнитивную систему ориентировок (рациональный анализ и контроль). К числу таких технологий относятся:

1. *Когнитивная перегрузка.* Избыток информации, превышающий возможности обработки, действует как оружие против рациональности: перегруженный мозг теряет гибкость, испытывает стресс и хуже анализирует данные. Нейрокогнитивные исследования подтверждают[460], что при информационной перегрузке нарушаются функции как лимбической системы (миндалевидного тела), так и префронтальной коры, ответственной за исполнительный контроль и аналитическое мышление. Даже относительно короткий период чрезмерного когнитивного напряжения приводит к снижению активности дорсолатеральной префронтальной коры[461] и ухудшению рабочих

---

[458] Epstein R., Robertson R. E. The search engine manipulation effect (SEME) and its possible impact on the outcomes of elections // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2015. – Vol. 112, No. 33. – P. E4512–E4521.

[459] Yesilada M., Lewandowsky S. Systematic review: YouTube recommendations and problematic content // Internet Policy Review. – 2022. – Vol. 11, No. 1. – Article 1652; Парма, Р. В. Протестная мобилизация граждан на цифровой платформе TikTok в ходе выборов в Государственную думу России 2021 г / Р. В. Парма, М. А. Давыдова, Т. Л. Кащенко // Власть. – 2022. – Т. 30, № 1. – С. 25-31.

[460] Yun R. J., Krystal J. H., Mathalon D. H. Working memory overload: fronto-limbic interactions and effects on subsequent working memory function // Brain Imaging and Behavior. – 2010. – Vol. 4, No. 1. – P. 96–108.

[461] Sina E., Buck C., Ahrens W., Coumans J. M. J., Eiben G., Formisano A., Lissner L., Mazur A., Michels N., Molnar D., Moreno L. A., Pala V., Pohlabeln H., Reisch L., Tornaritis M., Veidebaum T.,

показателей, в то время как область миндалины (эмоциональный центр лимбической системы) становится гиперактивной. Практически это выражается в том, что человек при перегрузке теряет когнитивную гибкость и способность планировать, совершает больше ошибок, а также испытывает рост тревожности[462]. Избыточный поток соцмедиа-сообщений, как показано в исследованиях, перенапрягает внимание и вызывает усталость, из-за чего у пользователей падает способность регулировать эмоции и трезво оценивать информацию[463]. По мнению когнитивных психологов[464], информационное перенасыщение мешает индивидам принимать рациональные решения. Кроме того, хроническая перегрузка повышает уровень гормонов стресса, что далее ухудшает функции префронтальной области и рабочей памяти[465]. Именно поэтому когнитивная война нередко стремится «бомбардировать» сознание избыточными данными – это нейрометод, вызывающий перегрузку префронтальной коры, снижающий способность к критическому, гибкому мышлению и тем самым делающий аудиторию более уязвимой к внушению.

2. *Фрагментация информации (хаотизация информационного потока).* Основная идея данной технологии сводится к тому, что если подавать индивидам данные в разрозненном и несвязанном виде, то восприятие людей становится рассредоточенным и поверхностным. Такой метод (технология) заключается в намеренном дроблении и перескакивании между темами, что подрывает когнитивную когерентность и способность удерживать длительное внимание.

Hebestreit A.; I. Family consortium. Digital media exposure and cognitive functioning in European children and adolescents of the I.Family study // Scientific Reports. – 2023. – Vol. 13, No. 1. – 18855.

[462] van der Linden D., Frese M., Sonnentag S. The impact of mental fatigue on exploration in a complex computer task: rigidity and loss of systematic strategies // Human Factors Review. – 2003. – Vol. 45. – P. 483–494.

[463] Li K., Jiang S., Yan X., Li J. Mechanism study of social media overload on health self-efficacy and anxiety // Heliyon. – 2023. – Vol. 10, No. 1. – e23326.

[464] Rose E. Information Overload // The Decision Lab. – 2021. – URL: https://thedecisionlab.com/reference-guide/psychology/information-overload (Last accessed: 10.03.2025).

[465] Arnsten A. F. Stress signalling pathways that impair prefrontal cortex structure and function // Nature Reviews Neuroscience. – 2009. – Vol. 10, No. 6. – P. 410–422.

Исследования многозадачности в медиа-среде показывают[466], что люди, привыкшие к фрагментированному информационному потоку, хуже фильтруют неточности в подаче информации и испытывают трудности с концентрацией: так, «активные пользователи медиа и соц.сетей, который привыкли к многозадачности, более восприимчивы к некорректным стимулам из окружающей среды. Постоянное переключение внимания (в англоязычной среде данный термин носит название «continuous partial attention») приводит к росту стресса и падению способности фокусироваться[467]. Нейропсихологи отмечают[468], что при таком рассеянном стиле внимания ослабляется рабочая память и творческое мышление, а когнитивная гибкость снижается. В итоге человек оказывается в состоянии, близкому к туннельному видению: его внимание фокусируется на отдельных фрагментах события, тогда как целостная картина упускается. Экспериментальные данные показывают[469], что хроническое потребление разрозненной информации формирует особый стиль когнитивной обработки информации. Индивиды привыкают реагировать на отдельные стимулы, но теряют способность к длительной сосредоточенной работе, что впоследствии может ограничивать нейропластичность мозга и ослаблять когнитивные функции[470]. В военном контексте фрагментация информационного поля используется как инструмент дезориентации врага. При перегруженном и хаотичном потоке сообщений человек не успевает выстраивать связное понимание происходящего, уровень его внимания снижается, и удержание фокуса на рациональном анализе становится затруднительным. Современные цифровые технологии усиливают этот эффект, выводя воздействие на качественно иной

---

[466] Ophir E., Nass C., Wagner A. D. Cognitive control in media multitaskers // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2009. – Vol. 106, No. 37. – P. 15583–15587.

[467] The Danger of Continuous Partial Attention // Entrepreneur. – 26.11.2014. – URL: https://www.entrepreneur.com/starting-a-business/the-danger-of-continuous-partial-attention/240254 (Last accessed: 10.03.2025).

[468] Rioja K., Cekic S., Bavelier D., Baumgartner S. E. Unraveling the link between media multitasking and attention across three samples // Technology, Mind, and Behavior. – 2023. – Vol. 4, No. 2.

[469] Ophir E., Nass C., Wagner A. D. Cognitive control in media multitaskers // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2009. – Vol. 106, No. 37. – P. 15583–15587.

[470] Shaffer J. Neuroplasticity and Clinical Practice: Building Brain Power for Health // Frontiers in Psychology. – 2016. – Vol. 7. – Article 1118.

уровень, вплоть до влияния на функционирование префронтальной коры головного мозга.

3. *Управляемая диссоциация внимания.* Данную технологию можно описать через создание условий, при которых внимание человека намеренно отвлекается или сужается до узкого сектора. Когда внимание диссоциировано (рассеянно либо зациклено на одном стимуле), страдает способность к критическому анализу, поскольку важная информация выпадает из поля зрения. Этот эффект называют «когнитивным туннелированием»[471] – мозг фокусируется на чём-то одном и «не видит» остального. В психологии он известен как «слепота невнимания»[472], когда человек не замечает очевидного стимула, если его внимание поглощено другим делом. Когнитивное туннелирование – нормальное явление, которое усиливается под стрессом или информационной перегрузкой. Например, в условиях паники или избытка сигналов префронтальная кора перегружается, и бессознательные фильтры внимания начинают некорректно отбирать данные, нередко исключая критически значимые данные[473]. В таких условиях человек может сосредоточиться на узкой задаче и совершить ошибочное действие, игнорируя корректирующие сигналы. В контексте когнитивной войны управление вниманием противника предполагает целенаправленное смещение фокуса – своеобразное наведение «информационного прожектора» на отвлекающие или эмоционально насыщенные темы, в то время как действительно значимые аспекты остаются вне поля восприятия индивидов. С нейрофизиологической точки зрения это сопровождается дисбалансом между лимбической системой и лобными долями. Сильные эмоциональные или сенсорные стимулы захватывают внимание (активируется миндалина и связанные

---

[471] Duhigg Ch. Smarter Faster Better: The Secrets of Being Productive in Life and Business. – Random House, 2016. – 400 p.

[472] Paparella S. How did I miss that? The safety challenges of inattentional blindness // Journal of Emergency Nursing. – 2013. – Vol. 39, No. 4. – P. 358–359.

[473] Millennial Cognitive Tunnel Syndrome // Psychology Today. – 04.03.2017. – URL: https://www.psychologytoday.com/us/blog/the-gen-y-guide/201703/millennial-cognitive-tunnel-syndrome (Last accessed: 10.03.2025).

структуры), что приводит к снижению активности префронтальной коры[474] и, как следствие, к ослаблению способности к взвешенной и критической оценке поступающей информации. Таким образом, контролируемая диссоциация внимания – эффективный нейрометод подрыва префронтального «аналитического фильтра» мозга, создающий «туннельное зрение» и ошибки в оценке реальности.

4. *Сенсорная стимуляция.* Представляет собой технологию когнитивной войны, основанную на использовании ярких и динамичных сигналов (интенсивные визуальные эффекты, мелькающие яркие цвета, световые вспышки, ускоренный темп подачи информации, кадры длительностью меньше 0,5 секунд, быстрая смена кадров, клиповая подача, тактильные раздражители и т.п.), которые перегружают сенсорные каналы и вызывают гиперактивацию аффективной системы при одновременном ослаблении рационального анализа. Исследования показывают[475], что, например, насыщенные красно-оранжевые цвета прямо активируют миндалину – центр страха, тревоги и сильных эмоций, из-за чего миндалина буквально подавляет лобные доли, временно отключая рациональный контроль[476]. Эмпирическим путем отечественными исследователями установлено[477], что если количество стимулов превышает восемь, то происходит расфокусирование внимания; более того, расположение объектов на экране имеет значение: большинство испытуемых «отводили» позитив в правый верхний угол, а негатив – в левый нижний, даже не осознавая этого. При сильной сенсорной нагрузке (как при мультимедийной «атаке» яркими образами, видео, изображениями и звуками) наблюдается снижение активности дорсолатеральной префронтальной коры – области, отвечающей за

---

[474] Amygdala Hijack: When Emotion Takes Over // Healthline. – 18.04.2025. – URL: https://www.healthline.com/health/stress/amygdala-hijack (Last accessed: 10.03.2025).

[475] The Psychology of Color: What effect does color have on brain function? // Taproot Therapy. – 18.07.2024. – URL: https://gettherapybirmingham.com/the-psychology-of-color-what-effect-does-color-have-on-b/ (Last accessed: 10.03.2025).

[476] Amygdala Hijack: When Emotion Takes Over // Healthline. – 18.04.2025. – URL: https://www.healthline.com/health/stress/amygdala-hijack (Last accessed: 10.03.2025).

[477] Огнев А. С. Использование инструментальной психодиагностики для оценки информационного контента / А. С. Огнев, О. Г. Венерина, В. А. Яковлев // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Педагогика и психология. – 2012. – № 4. – С. 103-112.

концентрированное мышление – и параллельное возбуждение эмоциональных центров[478]. В действительности нейрокогнитивные исследования быстрого клипового контента подтверждают гепотезу о том, что высокостимулирующие короткие видео снижают способность мозга фокусироваться на более сложных задачах[479]. Другим примером является то, что, если на экране одновременно показывать много картинок, глаза автоматически задерживаются на эмоционально насыщенных – и это можно точно измерить[480]. У пользователей развивается привыкание к высокому уровню сенсорного возбуждения, снижается порог скуки, что ведёт к поиску всё более интенсивных стимулов вместо спокойного анализа. В рамках когнитивной войны это может означать, что противника вполне реально «подсадить» на поток ярких раздражителей, в котором доминирует эмоциональная реакция и ослабевает способность к длительной концентрации. В результате человек становится более импульсивным, внушаемым и менее склонным к критическому анализу, что делает сенсорную сверхстимуляцию эффективным инструментом когнитивного противоборства.

5. *Алгоритмы (алгоритмическое управление информацией).* Алгоритмы, фильтрующие и персонализирующие контент, способны незаметно смещать восприятие пользователей, особенно когда те перегружены информацией. Исследования подтверждают[481], что приоритизация определённых сообщений алгоритмами влияет на мнения и решения индивидов: например, смещение результатов поиска может значительно менять предпочтения избирателей, причём эффект может достигать 20% (а в отдельных регионах и больше) без осознания манипуляции. Сегодня алгоритмы лежат в основе процесса принятия решений

---

[478] Yun R. J., Krystal J. H., Mathalon D. H. Working memory overload: fronto-limbic interactions and effects on subsequent working memory function // Brain Imaging and Behavior. – 2010. – Vol. 4, No. 1. – P. 96–108.

[479] Chao M., Lei J., He R., Jiang Y., Yang H. TikTok use and psychosocial factors among adolescents: Comparisons of non-users, moderate users, and addictive users // Psychiatry Research. – 2023. – Vol. 325. – Article 115247.

[480] Огнев А. С. Новые психодиагностические возможности трекинга глаз / А. С. Огнев, О. Г. Венерина, И. А. Виноградова // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Педагогика и психология. – 2012. – № 3. – С. 107-112.

[481] Epstein R., Robertson R. E. The search engine manipulation effect (SEME) and its possible impact on the outcomes of elections // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2015. – Vol. 112, No. 33. – P. E4512–E4521.

пользователей на платформах почти всех основных социальных сетей[482], что сделано для максимального вовлечения пользователей путем определения приоритетности контента, который считается наиболее для них привлекательным и соответствующим их интересам. Такая фильтрация основана на взаимодействии пользователей с этими платформами, а также на данных об их учетной записи и поведении: платформы постоянно собирают данные о пользователях и используют их для прогнозирования их поведения и процессов принятия ими решений[483]. Опасность заключается в том, что сервисы, основанные на алгоритмах, могут усиливать когнитивные искажения человека и связанные с ними результаты, поскольку люди интерпретируют и запоминают информацию таким образом, который отражает их существующие убеждения (т. н. эффект эхо-камеры), или когда люди основывают свое поведение на поведении других[484]. В результате в условиях информационного перенасыщения автоматизированная фильтрация может направленно формировать отклик: от эмоционального состояния до принятия решений (например, о покупке или голосовании). Ярким примером служит случай «эмоционального заражения» в Facebook[485], когда алгоритм управления лентой вызвал массовые изменения настроения пользователей[486]. Основная проблема в данном случае заключается не только в недостаточной осведомленности пользователей о том, что их данные вообще собираются, но в большей степени в незнании того, с какой целью эти данные могут быть использованы, а также с какой точностью они могут прогнозировать

---

[482] Facebook, Instagram, TikTok, YouTube и др. Деятельность Facebook, Instagram и TikTok признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации, данные используются в исследовательских целях и не направлены на одобрение экстремистской деятельности.

[483] Our Actions Determine What We Read and See Online. Algorithms Are Only a Part of That Process // RAND. – 07.02.2020. – URL: https://www.rand.org/pubs/commentary/2020/02/our-actions-determine-what-we-read-and-see-online-algorithms.html (Last accessed: 09.03.2025).

[484] Там же.

[485] Деятельность Facebook признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации, данные используются в исследовательских целях и не направлены на одобрение экстремистской деятельности.

[486] Kramer A. D., Guillory J. E., Hancock J. T. Experimental evidence of massive-scale emotional contagion through social networks // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2014. – Vol. 111, No. 24. – P. 8788–8790.

реакции и поведение пользователей. Еще более важный нюанс заключается в том, что использование конкретно персонализированного контента влияет на работу мозга и снижение у индивидуумов способности к самоконтролю, что по результатам экспериментов схоже с последствиями любого рода зависимости; в свою очередь, неперсонализированный контент не приводит к таким последствиям[487]. Алгоритмическое управление информацией, таким образом, становится важной технологией когнитивной войны, позволяя адресно влиять на мышление аудитории в перегруженной информационной среде.

6. *Таргетированное контент-программирование.* Механизмы таргетирования контента (микро-нацеливание сообщений под психологический профиль аудитории) доказали свою эффективность в изменении установок и поведения пользователей. Исследования в политической коммуникации показывают, что персонализированные объявления, подстроенные под черты личности, значительно более результативны, чем унифицированные – они сильнее убеждают адресата[488]. Например, эта технология использовалась в скандально известной стратегии Cambridge Analytica[489], которая участвовала в кампании Трампа 2016 года (США), референдуме по Brexit (Великобритания) и других политических кампаниях, охватывающих 68 стран[490]: с помощью анализа цифрового профиля избирателя создавались сообщения, нацеленные на его уязвимости и страхи, что, по оценке британского парламента повлияло на результаты голосований и имело еще более агрессивное воздействие, чем откровенная дезинформация. Алгоритмы социальных сетей активно таргетируют новости и рекламу, играя на предубеждениях и эмоциях людей, чтобы влиять на

---

[487] Su C., Zhou H., Gong L., Teng B., Geng F., Hu Y. Viewing personalized video clips recommended by TikTok activates default mode network and ventral tegmental area // NeuroImage. – 2021. – Vol. 237. – Article 118136.

[488] Simchon A., Edwards M., Lewandowsky S. The persuasive effects of political microtargeting in the age of generative artificial intelligence // PNAS Nexus. – 2024. – Vol. 3, No. 2. – Article pgae035.

[489] Прим. автора: Cambridge Analytica (CA) – британская частная компания, которая использовала технологии глубинного анализа данных (в частности, данных социальных сетей) для разработки стратегической коммуникации в ходе избирательных кампаний в Интернете.

[490] Cadwalladr C. Fresh Cambridge Analytica leak ‘shows global manipulation is out of control’ // The Guardian. – 04.01.2020. – URL: https://www.theguardian.com/uk-news/2020/jan/04/cambridge-analytica-data-leak-global-election-manipulation (Last accessed: 09.03.2025).

их решения[491]. В результате постоянная таргетированная подача одностороннего контента способна изменять политические предпочтения и побуждать к нужным действиям. В военном плане такие технологии означают возможность программировать информационный поток противника (или населения) так, чтобы незаметно направлять его когнитивные реакции в выгодное русло. Таким образом, таргетированное контент-программирование – мощная технология когнитивной войны, позволяющая «прошивать» нужные реакции прямо в поток потребляемой информации.

В результате проведенного диссертантом анализа можно представить таблицу инструментов и методов когнитивной войны, которая будет иметь следующий вид (табл. 6):

Таблица 6 – Инструменты и технологии когнитивной войны

Дополнительные атрибуты концепта «когнитивная война»			
Информационно-психоэмоциональные технологии и инструменты когнитивных войн		**Нейро-когнитивные технологии и инструменты когнитивных войн**	
Инструменты (средства)	*Технологии*	*Инструменты (средства)*	*Технологии*
• Масс-медиа • Социальные сети • СМИ	• Пропаганда (дезинформация, манипулирование образами, работа с нарративами и пр.) • Психологические операции (дезорганизация, деморализация, дезориентация)	• Социальные сети • Искусственный интеллект • Поисковые системы и платформы с рекомендациями контента	• Когнитивная перегрузка • Фрагментация информации (хаотизация потока) • Управляемая диссоциация внимания • Сенсорная сверхстимуляция • Алгоритмы персонализации контента • Таргетированное контент-программирование

Источник: составлено автором

Проведённый анализ подтверждает высказанную в параграфе 2.1 мысль: *хотя обе стратегии включают манипуляцию эмоциональными реакциями,*

[491] Our Actions Determine What We Read and See Online. Algorithms Are Only a Part of That Process // RAND. – 07.02.2020. – URL: https://www.rand.org/pubs/commentary/2020/02/our-actions-determine-what-we-read-and-see-online-algorithms.html (Last accessed: 09.03.2025).

характер их воздействия на психику принципиально различен. В информационной войне эмоции активируются через пропаганду, нарративные конструкции и психологические операции, однако когнитивный контроль индивида при этом, как правило, не подавляется. Префронтальная кора продолжает функционировать, а воздействие может сопровождаться элементами аргументации и идеологического конструирования[492], что в отдельных случаях даже способствует укреплению когнитивных способностей индивида. В когнитивной войне, напротив, эмоциональная активация сочетается с системным ослаблением когнитивного контроля. Современные технологии формируют условия для хронической когнитивной перегрузки индивидов, фрагментации их восприятия и истощения их когнитивных ресурсов[493]. Это приводит к устойчивым изменениям в механизмах принятия решений и снижению автономности мышления.

Таким образом, если информационная война воздействует преимущественно на содержание убеждений, то когнитивная война затрагивает механизмы обработки информации, трансформируя способы мышления человека. Именно это делает её более глубокой и потенциально более опасной формой стратегического воздействия. Выявление дополнительных атрибутов концепта «когнитивная война», таких как методы и инструменты её реализации, позволяет углубить понимание данного феномена; однако в дальнейшем анализе представляется необходимым структурировать цели и задачи когнитивной войны, поскольку именно они задают долгосрочную логику её функционирования.

§ 2.4. Механизмы когнитивной войны

Дальнейшее понимание феномена когнитивной войны невозможно без рассмотрения конфликта как когнитивно-психологического феномена, где в центр

---

[492] Войтасик Л. Психология политической пропаганды. – Прогресс, 1981. – 278 с.

[493] Mao B., Jia X., Huang Q. How do information overload and message fatigue reduce information processing in the era of COVID-19? An ability–motivation approach // Journal of Information Science. – 2022. – Article 01655515221118047; Christakis D. A., Ramirez J. S. B., Ferguson S. M., Ravinder S., Ramirez J. M. How early media exposure may affect cognitive function: A review of results from observations in humans and experiments in mice // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2018. – Vol. 115, No. 40. – P. 9851–9858.

анализа ставится не только сама внешняя ситуация, но и её субъективное восприятие человеком, что находит свое отражение в концепции когнитивных схем[494]. Последние не возникают изолированно: их истоки можно обнаружить в идее ментальных моделей, разработанной британским исследователем К. Крэйком, основоположником современной когнитивной науки[495], который рассматривал мышление как процесс конструирования индивидом внутренних моделей внешнего реальности. Согласно его выводам, функционирование психики опирается на три этапа: сначала внешний стимул трансформируется во внутреннее представление, превращая внешний импульс в субъективную убеждённость; далее данное представление подвергается манипуляциям со стороны познавательных процессов, в результате чего создаются новые смыслы и установки; в конце эти новые смысловые конструкции трансформируются в действия, которые обеспечивают адаптацию индивида к среде[496].

Однако если ментальная модель – это динамическое построение образа ситуации, то когнитивная схема представляет собой устойчивую ментальную конструкцию, выполняющую функцию организации и интерпретации поступающей информации[497] с дальнейшим приобретением субъективного смысла. Когнитивные схемы формируют когнитивные матрицы, позволяющие человеку перерабатывать значительные объёмы сигналов внешней среды за счёт их упрощения и классификации. Именно благодаря схемам становится возможной быстрая ориентация в окружающем мире, сокращение когнитивных затрат и ускорение принятия решений. Вместе с тем, обладая очевидной адаптивной функцией, схемы нередко проявляют и ограничивающий потенциал: они направляют внимание преимущественно на элементы, соответствующие уже

---

[494] Барабаш В. В. Психологические методы и когнитивные схемы в современных информационных войнах / В. В. Барабаш, Е. А. Котеленец // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2015. – № 4. – С. 154-161.

[495] Craik K. J. W. The Nature of Explanation. – Cambridge: Cambridge University Press, 1967. – 136 p.

[496] Пономарева Е. Г. Кино - инструмент когнитивной войны / Е. Г. Пономарева, Е. В. Рябинин // Обозреватель. – 2024. – № 1(402). – С. 41-57.

[497] Рудакова О. А. Роль когнитивных схем в профессиональной подготовке будущих специалистов гуманитарных специальностей / О. А. Рудакова, Ю. В. Шмалько // Гуманитарные науки (г.Ялта). – 2021. – № 4(56). – С. 73-78.

имеющимся представлениям и убеждениям, тогда как сведения, не вписывающиеся в заданные когнитивные конструкции, могут игнорироваться. В результате формируются устойчивые стереотипы, снижается восприимчивость к новой информации и затрудняется процесс изменения мировоззренческих установок. По определению Р. Лихи, схема – это закреплённый образ, способный доминировать над фактическим ходом событий: «Схемы действительно похожи на линзы, искажающие видение мира»[498].

Понятие схемы как базовой категории когнитивной психологии восходит к исследованиям Ж. Пиаже[499], хотя элементы аналогичных идей обнаруживаются ещё в работах Ф. Бартлетта[500]. Согласно Пиаже, схема возникает в результате постоянной адаптации индивида к внешней среде, опосредованной механизмами ассимиляции и аккомодации. В первом случае новая информация включается в уже существующие структуры, а во втором происходит преобразование старых или формирование новых конструкций. Эти процессы наиболее интенсивны в детстве, однако продолжаются и в зрелом возрасте, определяя динамику познания и накопления опыта. Таким образом, развитие когнитивных схем является результатом постоянного приспособления психики к изменяющимся условиям среды.

Функции схем в познавательной деятельности многообразны[501]. Они определяют избирательность внимания, поскольку человек склонен фиксироваться на той информации, которая соответствует его текущим когнитивным конструкциям. Они также ускоряют процесс обучения, облегчая усвоение информации, вписывающейся в уже имеющийся опыт, и упрощают интерпретацию окружающего мира, позволяя соотносить новое через аналогию с

---

[498] Лихи Р. Техники когнитивной психотерапии. - СПб.: Питер, 2020. – 467 с.

[499] Харькова Д. Ю. Основы теории когнитивного развития Пиаже / Д. Ю. Харькова, Э. И. Сафаргалина // Colloquium-Journal. – 2019. – № 26-2(50). – С. 49-52.

[500] Воробьев В. С. К анализу творчества английского психолога Фредерика Бартлетта / В. С. Воробьев, Т. Б. Малых // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2021. – Т. 14, № 1. – С. 53-61.

[501] Структура и виды когнитивных схем психологического благополучия / А. Ю. Чернов, Д. М. Зиновьева, Н. Е. Водопьянова, О. О. Фомина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. – 2020. – Т. 9, № 1(33). – С. 33-43.

известным. Благодаря этому появляется возможность автоматической обработки значительныз потоков информации. В то же время именно схемы становятся источником искажений: новая информация, не соответствующая сложившимся представлениям, часто трансформируется или интерпретируется таким образом, чтобы соответствовать существующей системе знаний.

Особого внимания заслуживает высокая устойчивость когнитивных схем. Даже при наличии фактов, прямо противоречащих прежним убеждениям, индивиды часто сохраняют привычные когнитивные конструкции, что объясняет устойчивость предрассудков и социальных стереотипов. Показательным примером служат гендерные ожидания[502]: в экспериментальных исследованиях дети с устойчивыми представлениями о «мужских» и «женских» ролях ошибочно воспроизводили увиденное, приписывая, например, женщине за рулем мужскую идентичность. Это свидетельствует о том, что когнитивные схемы не только структурируют восприятие, но и влияют на процессы памяти, закрепляя интерпретации, согласующиеся с ранее усвоенными моделями.

Несмотря на то, что первоначально исследования схем были сосредоточены преимущественно на детском развитии, их формирование и трансформация продолжаются на протяжении всей жизни. Они связаны с объектами, социальными ситуациями, идентичностью и опытом, выполняя функцию когнитивных сценариев, регулирующих восприятие и ожидаемое поведение. В этом смысле когнитивные схемы можно рассматривать как фундаментальный механизм познавательной деятельности, обладающий двойственной природой: с одной стороны, они обеспечивают упорядочение и ускорение обработки информации, с другой – закрепляют стереотипы и когнитивные искажения, препятствующие адаптации к изменяющимся условиям.

Однако индивид существует не изолированно, а в социокультурной среде, где политический и медиа-дискурс постоянно транслируют определенные смыслы. Процесс конструирования политической реальности находит свое

[502] Шустова Л. П. Особенности процесса гендерной социализации детей в дошкольном возрасте / Л. П. Шустова // Научное обозрение. Педагогические науки. – 2017. – № 4. – С. 173-180.

отражение в когнитивной теории метафоры, которая занимает прочное место в современной политической науке[503]. Метафоры выполняют функцию понятийных рамок, которые оформляют восприятие реальности, «формируя понимание индивидами политических проблем и событий»[504]. Согласно этой теории, мышление человека не является продуктом исключительно логики, а опирается на систему концептуальных метафор, определяющих допустимые сценарии интерпретации социальных и политических явлений. Основа этой теории уходит к исследованиям Э. Рош[505], показавшей, что человеческое мышление оперирует не строгими логическими дефинициями, а прототипами – «лучшими представителями» категории, которые задают ориентир для классификации и понимания. Впоследствии Дж. Лакофф и М. Джонсон распространили этот принцип на всю систему понятий[506], показав, что метафоры – это не украшения языка, а фундаментальные когнитивные механизмы, структурирующие понятийную сеть и формирующие сценарии действия. Метафора, таким образом, не только описывает, но и конструирует политическую реальность, задавая спектр возможных интерпретаций событий. В этой логике важное место занимает теория лингвистического фрейминга, согласно которой «способ формулирования проблемы может существенно повлиять на то, как она понимается и оценивается общественностью»[507]. Формулировка политической повестки, выбор акцентов и интерпретационных рамок определяют не только содержание обсуждения, но и допустимые когнитивные траектории осмысления происходящего.

Политическое пространство в таком подходе предстает как сеть метафорических моделей, основанных на доконцептуальных схемах опыта и

---

[503] Коктыш К. Е. Теория метафоры и политические институты. – М. : МГИМО, 2019. – 225 с.
[504] Дегтярева Е. Б. Рассмотрение роли политического языка и риторики в контексте обсуждения политической эффективности (на примере работы Т. Дочерти) // Сравнительная политика. – 2023. – Том 14, №3. – С.154-165.
[505] Rosch E.H. Human categorization // Studies in Cross-Linguistic Psychology / Ed. by N. Warren. – L.: Academic Press, 1977. – P. 1-49.
[506] Баранов А. Н. Когнитивная теория метафоры: Почти двадцать пять лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М., 2004. – С. 7-21.
[507] Дегтярева Е. Б. Рассмотрение роли политического языка и риторики в контексте обсуждения политической эффективности (на примере работы Т. Дочерти) // Сравнительная политика. – 2023. – Том 14, №3. – С.154-165.

прототипических представителях категорий[508]. Например, восприятие конфликта как «войны» или как «диалога» формирует совершенно разные рамки действий: в первом случае акцентируется агональность, необходимость мобилизации и подавления противника, во втором – возможность поиска консенсуса и сотрудничества. Как подчеркивает Дж. Лакофф[509], изменение понятийных структур изменяет саму реальность для субъекта, поскольку определяет не только то, как человек мыслит, но и то, какие действия он считает допустимыми и необходимыми.

Содержательную основу для семантического воспроизводства метафоры в социально-политическом пространстве обеспечивают мифы и архетипы: они представляют собой фундаментальные элементы формирования метаязыка идеологической системы, обеспечивающего воспроизводство её ценностей и целей в общественном сознании[510]. Будучи важнейшими составляющими пропагандистского дискурса, они выполняют функцию закрепления нормативно-ценностных установок и очерчивания границ допустимого поведения. Социальный миф априори включает в себя политическую составляющую, опираясь на символизацию образов «героев» и «отцов-основателей», чьи биографии подвергаются мифологизации и легитимации посредством эвфемизации их действий и наделения их харизматическими чертами. Важнейшим условием устойчивости мифологем является их сопряжённость с архетипами, понимаемыми в юнгианской традиции как универсальные первичные образы (отец, мать, герой, мудрец и др.)[511], которые придают идеологическим нарративам эмоциональную насыщенность и обеспечивают их долговременное воздействие. Особое значение имеет архетипическая оппозиция «свой – чужой», выступающая универсальной бинарной структурой любого идеологического

---

[508] Кобозева И. М. Лексико-семантические заметки о метафоре в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. - Екатеринбург, 2010. – №2 (32). – С. 41-46.
[509] Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: УРСС Эдиториал, 2004. – 256 с.
[510] Сампиев И. М. Роль мифа и архетипов в формировании метаязыка идеологической системы / И. М. Сампиев, Н. И. Букетова // Гуманитарий Юга России. – 2017. – Т. 6, № 6. – С. 200-208.
[511] Юнг К. Г. Архетип и символ. – М. : Прогресс, 1994. – 298 с.

дискурса[512]. Она предопределяет не только партикулярность и конфликтогенность идеологических систем, но и их способность к мобилизации, так как обеспечивает чёткое разграничение пространства идентичности. Специфика мифов и архетипов заключается в их иррациональной природе: алогичность сюжетов и образов, противоречащая критической логике восприятия, способствует формированию эмоционального диссонанса, который усиливает внушаемость и облегчает интериоризацию транслируемых установок[513]. В условиях кризисов мифологическое измерение выходит на доминирующие позиции, выполняя интегративную, аксиологическую и мобилизационную функции, а в современной политической практике мифы нередко маскируются под формы «научности», что повышает их легитимность и эффективность воздействия.

Действительно, ещё в рамках изучения психологического воздействия на сознание в рамках информационных войн было показано[514], что для запуска изменений в психике требуется сильный внешний толчок или кризисная ситуация, способная вывести систему восприятия человека из состояния равновесия и активизировать поиск новых способов защиты от угрозы: в этом контексте как раз одним из ключевых инструментов рассматривался миф, который мог быть сконструирован непосредственно в ходе противоборства или существовать задолго до него, получая лишь новую актуализацию в условиях конфликта. Немецкий философ Эрнст Кассирер отмечал, что миф достигает своей наибольшей силы тогда, когда человек сталкивается с неожиданной и опасной ситуацией[515]. Психика в такие моменты опирается на сформированную внутреннюю картину мира, через которую интерпретируется внешняя действительность. Однако эта картина подвержена трансформациям: её могут

---

[512] Смирнов Ю. И. Противопоставление «свой» - «чужой» и множественность форм самосознания // Этническое и языковое самосознание : материалы конф. 13-15 декабря. М. : Ин-т народов России, 1995. 172 с.

[513] Сампиев И. М. Роль мифа и архетипов в формировании метаязыка идеологической системы / И. М. Сампиев, Н. И. Букетова // Гуманитарий Юга России. – 2017. – Т. 6, № 6. – С. 200-208.

[514] Барабаш В. В. Психологические методы и когнитивные схемы в современных информационных войнах / В. В. Барабаш, Е. А. Котеленец // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2015. – № 4. – С. 154-161.

[515] Кассирер Э. Техника современных политических мифов // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. – 1990. – № 2. – С. 58–59.

менять как физические воздействия (например, наркотики, алкоголь, инфразвуковые колебания), так и символические конструкты, такие как политические мифы, которые формируют искажённое восприятие реальности. Если же внешнего потрясения нет, устойчивость индивида действительно оказывается выше.

В результате в политическом пространстве миф выступает как структурированный нарратив, формирующий коллективное восприятие социальной и политической реальности; архетипы при этом играют роль устойчивых первичных образов, обеспечивающих сюжетную основу и эмоциональную значимость данного нарратива. Метафоры функционируют как семиотический механизм, связывающий архетипические структуры с повседневным языком политики, упрощая сложное содержание и придавая мифологизированным образам наглядность и эмоциональную силу. В совокупности миф, архетип и метафора образуют взаимосвязанную систему символического воздействия, посредством которой политическая коммуникация получает возможность не только транслировать ценности и идеологемы, но и закреплять их в массовом сознании на глубинном когнитивном уровне, при этом «политические деятели могут создавать более эффективные сообщения и стратегии для привлечения и убеждения своей аудитории»[516].

Восприятие метафор, а также устойчивость к ним или, напротив, готовность их принимать напрямую зависят от когнитивного кода индивида[517]. В отличие от схем, которые фиксируют частный опыт и обеспечивают его переработку, код структурирует пространство возможных интерпретаций, существующих вовне. Метафора, таким образом, выступает механизмом актуализации кода: она делает его видимым в языке и наделяет абстрактные категории конкретным содержанием. Представляя собой матрицу смыслов, которая задаёт базовые оппозиции: «свобода/несвобода», «свой/чужой», «порядок/хаос», когнитивный

[516] Дегтярева Е. Б. Рассмотрение роли политического языка и риторики в контексте обсуждения политической эффективности (на примере работы Т. Дочерти) // Сравнительная политика. – 2023. – Том 14, №3. – С.154-165.

[517] Коктыш К. Е. Становление когнитивного кода современности // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 6. – С. 94-113.

код закрепляет, какие категории становятся значимыми, какие метафоры воспринимаются как органичные, а какие оказываются чуждыми или невозможными. В научной литературе, особенно в политологии и социологии, понятие когнитивного кода активно используется, однако его интерпретации варьируются в зависимости от исследовательского контекста[518]: от анализа индивидуальных особенностей мышления до попыток нейрофизиологической деконструкции когнитивных процессов.

В результате когнитивные коды образуют уровень сопряжения психики и политического пространства. Они не сводятся к индивидуальным особенностям восприятия, а опираются на культурно-исторические и социальные контексты, в которые личность оказывается встроенной. В политическом дискурсе это проявляется в доминировании определённых нарративов, идей и символов, которые структурируют коллективное восприятие реальности. В условиях стремительной цифровизации и адаптации человека к цифровой инфраструктуре[519], обладающей способностью формировать ценностные приоритеты и навязывать модели поведения[520], когнитивный код приобретает особое значение как важный объект когнитивного воздействия, поскольку позволяет перестраивать систему координат, в рамках которой личность воспринимает мир, принимает решения, формулирует цели и действует.

Однако если мифы, архетипы и метафоры уже в рамках информационно-психологических войн рассматривались как ключевые инструменты противоборства на массовое сознание, то «для выявления специфики когнитивной войны необходим сдвиг от анализа внешних форм воздействия (мифов, архетипов, метафор) к изучению внутренних механизмов психики»[521].

---

[518] Thagard P. Brain–mind. From neurons to consciousness and creativity. – New York, N.Y.: Oxford University Press, 2019. – 336 p.

[519] Bruder J. Cognitive code: post-anthropocentric intelligence and the infrastructural brain. – London : McGill-Queen’s University Press, 2019. – 202 p.

[520] Коктыш К. Когнитивное измерение безопасности / К. Коктыш, А. Ренард-Коктыш // Международные процессы. – 2021. – Т. 19, № 4(67). – С. 26-46.

[521] Дегтярева Е. Б. Эрозия ценностных оснований гражданской идентичности молодежи в условиях когнитивной войны // Управление и политика. – 2026. – Том 5, №1. – С. 26-39.

Так, процесс принятия или отторжения когнитивного кода, несущего в себе информацию о мифах, архетипах и метафорах, не является автоматическим. Его результат зависит от функционирования систем ориентировок – фундаментальных регуляторов психики, которые задают модальности реагирования[522]. Здесь важно вернуться к высказанному в предыдущем параграфе положению о психике как о сочетании физиологических областей мозга (рептильный мозг, лимбическая система, неокортекс), которые в совокупности формируют систему ориентировочной деятельности индивида. Каждая из этих составляющих (либо в совокупности, либо по-отдельности) задаёт определённый тип реагирования, что находит отражение в различных компонентах схем ориентировки[523]:

1. *аффективная система ориентировки* строится преимущественно на эмоциональных реакциях. В данном случае ключевым фактором выбора стратегии поведения становится не рациональная оценка обстоятельств, а субъективно переживаемое чувство: страх, агрессия, симпатия или отвращение. Аффективная система обеспечивает мгновенную эмоциональную реакцию и выражается в оппозициях «страшно/безопасно», «нравится/не нравится». Подобная эмоциональная доминанта способна как усиливать адаптивность поведения в условиях неопределённости, так и вести к деструктивным и иррациональным действиям.

2. *нормативная система ориентировки* проявляется в ситуации, когда человек не столько стремится разрешить конкретную задачу, сколько следует универсализированному шаблону, заранее усвоенной когнитивной схеме. Эта система соотносит ситуацию с усвоенными культурными образцами и социальными предписаниями. В результате приоритет смещается в сторону воспроизводства устойчивого образца поведения, пусть даже он не соответствует

---

[522] Гальперин П. Я. Введение в психологию. – М.: Книжный дом «Университет», 1999. – 332 с.

[523] Тарасова Е. А. Особенности профессиональной компетенции государственных служащих в разрешении межличностных конфликтов с учетом гендерных различий : автореф. дис. … канд. психол. наук : 19.00.13. – М. : РАНХиГС, 2002. – 25 с.

текущим условиям. Такой тип ориентировки демонстрирует доминирование элемента, связанного с нормами и установками.

3. *когнитивно-прагматическая система* ориентировки проявляется в ситуации, когда человек сосредотачивается на решении конкретной задачи, исходя из целей и условий, заданных ситуацией. Здесь приоритет отдается рациональной обработке информации и выработке стратегии, направленной на достижение результата. В отличие от нормативной компоненты, где ведущую роль играют усвоенные универсальные схемы, когнитивно-прагматическая ориентировка предполагает гибкость и приспособление к конкретным обстоятельствам.

В результате взаимодействие аффективной, нормативной и когнитивно-прагматической компонентов образует целостную систему ориентировочной деятельности личности. Более распространённым пониманием рассмотренной концепции ориентировочных систем является теория транзактного анализа Э. Бёрна[524], оказавшая значительное влияние на развитие гуманитарных и психологических наук второй половины XX века. Согласно Бёрну, психическая жизнь индивида организована через три базовых эго-состояния[525]: Родитель, Взрослый и Ребёнок, которые представляют собой устойчивые паттерны восприятия и поведения, воспроизводимые человеком в процессе взаимодействия с окружающей средой. Эти состояния не следует понимать как возрастные характеристики, напротив, они являются универсальными структурами, сосуществующими и чередующимися в психике каждого человека. Каждое из этих состояний корреспондирует определённому типу когнитивной ориентировки. Аффективная схема ориентировки соотносится с эго-состоянием Ребёнка, в котором преобладают эмоционально окрашенные импульсы и непосредственные реакции («нравится/не нравится», «хочу/не хочу»). Когнитивно-нормативная схема соответствует Родителю, фиксирующему универсализированные поведенческие шаблоны, нормы и ценностные установки

[524] Берн Э. Трансактный анализ в психотерапии. – СПб.: Братство, 1992. – 229 с.
[525] Берн Э. Люди, которые играют в игры . Психология человеческой судьбы – СПб.: Лениздат, 1992. – 247 с.

(«так правильно», «так делают воспитанные люди»). Наконец, когнитивно-прагматическая схема репрезентирует состояние Взрослого, обеспечивающего рациональную обработку информации, планирование действий и адаптацию к конкретным условиям ситуации. Взаимодействие этих уровней определяет вариативность когнитивной регуляции поведения: от интуитивных эмоциональных импульсов до строго алгоритмизированных стереотипов и прагматических решений, основанных на анализе обстоятельств.

При этом функционирование систем ориентировок подчиняется определённой иерархии. В первую очередь реагирует аффективная система, обеспечивающая автоматическое эмоциональное восприятие ситуации и инициирующая импульсивное поведение. В случае отсутствия сильной эмоциональной реакции ведущую роль приобретает нормативная система, соотносящая стимул с усвоенными культурными предписаниями и социальными установками. Если же ситуация не активирует ни аффективный, ни нормативный уровень, включается когнитивно-прагматическая система, ориентированная на рациональный анализ условий и выработку целеполагания.

В результате когнитивные схемы выступают одним из центральных механизмов организации ориентировочной деятельности индивида, обеспечивая не только интерпретацию внешних стимулов, но и формирование устойчивых поведенческих алгоритмов и готовых паттернов реагирования [526]. В своей основе когнитивная схема воспроизводит трёхэтапную структуру когнитивной обработки[527]:

1. идентификация («что это?»);
2. оценка («как я к этому отношусь?»);
3. планирование действий («что я собираюсь делать дальше?»), в основе которого и проявляются системы ориентировок.

---

[526] Чернов А. Ю. Когнитивные схемы как регуляторы просоциального поведения // Мир науки. Педагогика и психология. – 2019. – Т. 7, № 4. – С. 59.

[527] Конструктивные операторы в работе познания: ментальное внимание в онтогенезе / М. Арсалиду, Х. Паскуаль-Леоне, Д. М. Джонсон, Т. Котова // Российский журнал когнитивной науки. – 2019. – Т. 6, № 2. – С. 44-70.

В результате «когнитивная война представляет собой многоуровневое управление интерпретацией смыслов и дальнейшим действием»[528], а процесс когнитивной обработки в контексте конструирования социальной реальности может быть представлен в виде последовательного алгоритма. На первоначальном этапе индивид интерпретирует ситуацию посредством устойчивых когнитивных схем, выступающих фильтрами восприятия. Далее внешняя среда предлагает метафорическое оформление мифов и архетипов, которое служит импульсом либо к внедрению нового когнитивного кода, либо к актуализации уже имеющегося, тем самым задавая смысловую рамку интерпретации. Полученный материал поступает в системы ориентировочной деятельности, каждая из которых формирует специфическую модальность реагирования. Превалирование аффективной системы ведёт к импульсивной эмоциональной реакции; доминирование нормативной системы – к воспроизведению поведенческих моделей, соотнесённых с правилами и предписаниями; акцент на когнитивно-прагматической системе обеспечивает рационально выстроенную линию поведения. Взаимодействие этих уровней определяет итоговый характер поведенческого выбора, отражая как устойчивость когнитивных структур, так и восприимчивость к внешним воздействиям. Визуально работу описанной системы можно представить в виде схемы (рис. 3):

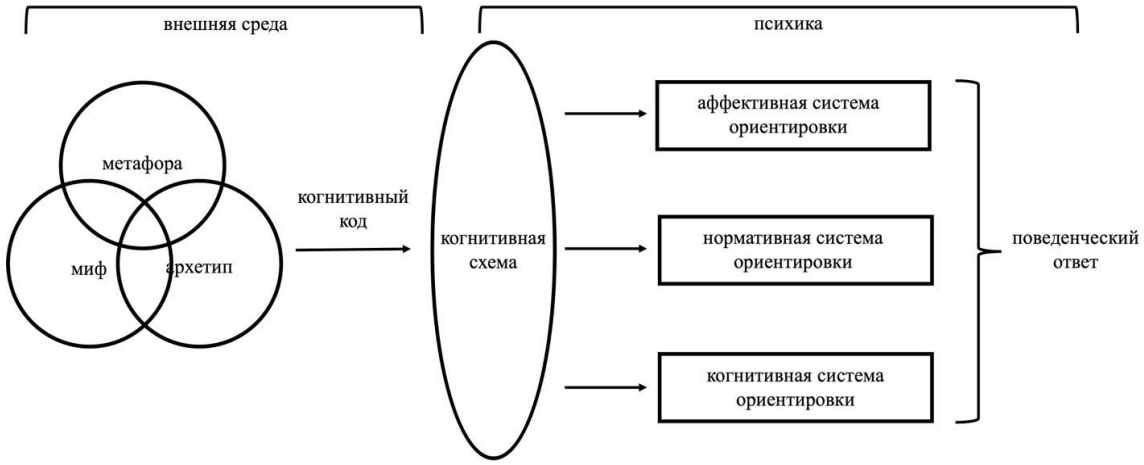

Рисунок 3 – Модель формирования линии поведения под влиянием факторов внешней среды

Источник: составлено автором

[528] Дегтярева Е. Б. Эрозия ценностных оснований гражданской идентичности молодежи в условиях когнитивной войны // Управление и политика. – 2026. – Том 5, №1. – С. 26-39.

На следующем этапе анализа возникает необходимость определить, каким образом когнитивная война вписывается в представленную систему взаимодействия психики и социальной среды, а также выявить механизмы, посредством которых осуществляется когнитивное воздействие на индивида. Как признавалось в первой главе, цель когнитивной войны заключается в изменении базовых когнитивных паттернов индивидов, что приводит к трансформации их поведения и общественных установок в интересах субъекта воздействия. Такая модификация когнитивных структур создаёт предпосылки для подрыва легитимности властных институтов и дестабилизации социально-политической обстановки. По сути, когнитивная война предстает как процесс спровоцированного изменения восприятия мира и его рациональной интерпретации с целью деформации системы оценок, подходов и действий индивидов для достижения стратегического превосходства на всех уровнях социального и политического взаимодействия[529]. При этом её ключевая задача заключается не в том, чтобы «служить дополнением к стратегии или победить без боя, а в том, чтобы вести войну с тем, что думает, любит или во что верит вражеское сообщество, изменяя его представление о реальности»[530].

Если когнитивное воздействие в рамках войны опирается на использование глубинных механизмов психики, то с позиций предложенной ранее модели можно утверждать, что оно реализуется через последовательную работу с тремя уровнями: *когнитивными схемами* индивидов, которые структурируют восприятие опыта с помощью когнитивных кодов; *метафорами, мифами и архетипами*, обеспечивающими символическое и эмоциональное наполнение смыслов; и *системами ориентировок*, которые задают модальности реагирования.

В такой интерпретации вектор когнитивной войны направлен на переформатирование систем ориентировочной деятельности индивида, поскольку

---

[529] Пономарева Е. Г. Кино - инструмент когнитивной войны / Е. Г. Пономарева, Е. В. Рябинин // Обозреватель. – 2024. – № 1(402). – С. 41-57.

[530] Claverie B., Prebot B., Buchler N., Du Cluzel F. (eds.). Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance // NATO Collaboration Support Office. – 08.04.2022. – URL: https://hal.science/hal-03635887v1/file/NATO-CSO-CW%202022-03-01%20%28US%29%20Autellet.pdf (Last accessed: 10.05.2024).

это позволяет перенаправлять его поведение в выгодное атакующему субъекту русло. Воздействие может быть направлено на все три системы, однако их функциональные различия делают стратегически выгодной доминирующую актуализацию именно аффективной ориентировки. Включение индивида в режим функционирования «эго-состояния Ребёнка» (по Э. Бёрну), основанного на непосредственных эмоциональных реакциях, обеспечивает импульсивность и податливость поведения, снижение критичности восприятия и уязвимость к манипуляциям[531]. Отсюда кажется логичным удержание индивида и социальных групп в состоянии перманентной активации аффективной системы ориентировок. В то же время нормативная система ориентировок используется для закрепления новых правил и норм поведения: воздействие на когнитивные схемы позволяет внедрять в коллективное сознание новые «естественные» стандарты интерпретации событий, которые начинают восприниматься как самоочевидные. Напротив, когнитивно-прагматическая система ориентировок в соответствии с данной логикой должна подавляться, так как именно она отвечает за рациональную обработку информации и критическое сопоставление фактов. В этом направлении используются технологии перегрузки когнитивных ресурсов, хаотизация информационного пространства, намеренное смещение акцентов внимания, создание множества конкурирующих интерпретаций, фабрикация недостоверных фактов и др.[532] Результатом становится снижение когнитивного контроля и ограничение возможностей рационального выбора, что делает субъект более восприимчивым к внушению и манипуляции.

В результате когнитивная война представляет собой многоуровневую стратегию управления психикой, в рамках которой метафоры, мифы и архетипы выполняют функцию эмоционального и культурного кодирования смыслов,

---

[531] Лопатин К. Ю. Влияние жизненных сценариев на эмоциональные установки молодёжи / К. Ю. Лопатин // Наука молодых - наука будущего : сборник статей III Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 02 февраля 2023 года. – Петрозаводск: «Новая Наука», 2023. – С. 313-318.

[532] Shanmugasundaram M., Tamilarasu A. The impact of digital technology, social media, and artificial intelligence on cognitive functions: a review // Frontiers in Cognition. – 2023. – Vol. 2. – P. 1–11.

когнитивные схемы – функцию их закрепления в устойчивые паттерны интерпретации, а системы ориентировок – функцию их трансформации в конкретные модели поведения. В совокупности это обеспечивает возможность воздействия на процессы интерпретации реальности и изменения действий индивидов и целых сообществ без необходимости применения традиционного кинетического насилия.

Таким образом, когнитивная война действительно выступает как «битва за мозг», где главным инструментом становится способность вызывать у целевой аудитории эмоционально окрашенные состояния, закреплять новые нормативные коды и парализовать рациональные механизмы принятия решений. Данное представление отражает качественный сдвиг в концептуализации феномена войны. Если в рамках информационных и психологических войн акцент делался преимущественно на трансляции и навязывании определённых смыслов, правил и установок (в том числе через мифы и архетипы в условиях стресса[533]), то когнитивная война может реализовываться и при отсутствии явных внешних потрясений. В этом случае состояние неустойчивости создаётся искусственно и зачастую остается незаметным для самого индивида. «Шум» и когнитивный хаос возникают уже внутри психики за счёт целенаправленного использования современных цифровых технологий, которые перегружают когнитивные ресурсы и подрывают устойчивость процессов восприятия и интерпретации реальности даже у людей, обладающих развитой когнитивно-прагматической системой ориентировок[534]. В условиях такой перегрузки человек утрачивает способность удерживать рациональную обработку информации и переключается на аффективный уровень реагирования, где внедрение заданных смыслов, норм и установок оказывается значительно более эффективным.

---

[533] Барабаш В. В. Психологические методы и когнитивные схемы в современных информационных войнах / В. В. Барабаш, Е. А. Котеленец // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2015. – № 4. – С. 154-161.

[534] Matthes J., Heiss R., Scharrel H. The distraction effect. Political and entertainment-oriented content on social media, political participation, interest, and knowledge // Computers in Human Behavior. – 2023. – Vol. 142. – 107644.

***

Таким образом, во второй главе была сформирована концептуально-теоретическая рамка когнитивной войны и уточнены её ключевые механизмы и часть атрибутов:

• Обоснованы нейробиологические основания когнитивного воздействия: доказано, что когнитивное воздействие опирается на нейрофизиологические механизмы переработки информации и связано с изменением баланса между эмоциональными и рациональными компонентами психической регуляции поведения. Воля рассмотрена как функциональное состояние, обеспечиваемое деятельностью префронтальной коры и лимбической системы, что позволяет перейти от философского описания к её операционализации в рамках анализа современных форм нематериального противоборства. С использованием модели триединого мозга обосновано, что в условиях стресса, когнитивной перегрузки и дефицита ресурсов возрастает роль лимбической системы и ослабляется когнитивный контроль, что снижает способность индивида к автономному принятию решений. Сравнительный анализ показал, что информационная война преимущественно воздействует на эмоциональную сферу при сохранении когнитивной автономии, тогда как когнитивная война направлена на изменение самих механизмов обработки информации, ослабляя функции префронтальной коры. Возрастная уязвимость регуляторных контуров, состоящая в том, что префронтальная кора как ключевой компонент неокортекса формируется до ~25 лет и отличается высокой пластичностью, фиксирует повышенную чувствительность когнитивного контроля к перегрузке и эмоциональной доминанте у индивидов младших возрастных групп; в условиях стресса, усталости и дефицита когнитивных ресурсов усиливается вероятность перехвата поведенческой регуляции лимбической системой при ослаблении возможностей рационального анализа.

• Выявлены задачи и цели когнитивного противоборства как ключевые атрибуты концепта когнитивной войны. Показано, что когнитивная война направлена на управление поведением индивидов и социальных групп через

вмешательство в механизмы мышления и принятия решений, а не через манипуляцию содержанием информации. Установлено, что тактическая логика когнитивного противоборства связана с ослаблением когнитивной автономии индивида, при котором снижается его способность к самостоятельному рациональному осмыслению информации и критическому принятию решений. Данный процесс реализуется через смещение регуляции поведения от когнитивно-прагматической системы ориентировок к аффективной и нормативной модальностям, что делает реакции индивида зависимыми от внешних когнитивных стимулов, эмоциональных импульсов и навязываемых интерпретационных шаблонов. Показано, что ослабление когнитивной автономии создаёт условия для достижения стратегической цели когнитивной войны – лишения субъектности. Лишение субъектности представляет собой результат последовательного подрыва способности индивида к автономному мышлению, целеполаганию и формированию собственных поведенческих стратегий, в результате чего он утрачивает статус активного субъекта социально-политических процессов и переходит в состояние управляемого объекта внешнего воздействия. Обосновано, что в условиях цифровой и алгоритмизируемой среды данные процессы приобретают системный характер, позволяя реализовывать когнитивное воздействие в долговременном режиме без необходимости постоянного навязывания конкретных убеждений или применения прямого принуждения.

• Систематизирован инструментарий когнитивной войны: предложена унифицированная классификация средств и технологий, включающая две взаимосвязанные группы: информационно-психоэмоциональные и нейро-когнитивные, находящиеся в отношениях функционального дополнения. Показано, что информационно-психоэмоциональные методы включают совокупность средств распространения воздействия (масс-медиа, традиционные СМИ, социальные сети) и технологий (пропаганда, дезинформация, нарративные манипуляции, психологические операции), ориентированных преимущественно на активацию аффективной системы ориентировок индивидов и формирование

эмоциональных состояний, повышающих восприимчивость аудитории и обеспечивающих закрепление интерпретационных рамок. Нейро-когнитивные методы также представлены через разведение средств и технологий когнитивного противоборства: к средствам отнесены цифровые платформы и инфраструктуры (социальные сети, алгоритмические системы рекомендаций и поиска, технологии искусственного интеллекта), обеспечивающие непрерывность, масштабируемость и персонализацию воздействия; к технологиям – операциональные механизмы вмешательства в процессы восприятия и принятия решений (когнитивная перегрузка, хаотизация информационного потока, управляемая диссоциация внимания, сенсорная сверхстимуляция, алгоритмическое управление информацией, таргетированное контент-программирование), направленные на системное ослабление когнитивно-прагматической ориентировки и снижение автономности мышления. Тем самым обосновано, что инструментарий когнитивной войны является структурно более широким, чем инструментарий информационной войны: он включает информационно-психоэмоциональные методы как базовый уровень воздействия, но дополняет их нейро-когнитивными средствами и технологиями, ориентированными на трансформацию механизмов обработки информации, а не только на содержание убеждений и эмоциональные реакции.

• Реконструирован ключевой механизм когнитивной войны на основе процедуры многоуровневой концептуализации Г. Гёрца. Показано, что когнитивное противоборство реализуется как последовательное взаимодействие трёх уровней: когнитивных схем, задающих устойчивые способы интерпретации и обработки информации; символических форматов (мифов, архетипов и метафор), обеспечивающих культурно и эмоционально опосредованную фиксацию смыслов; и систем ориентировочной деятельности, определяющих характер реагирования и принятия решений. Под системами ориентировочной деятельности понимается совокупность аффективной, нормативной и когнитивно-прагматической модальностей реагирования, которые задают приоритеты эмоционального отклика, следования усвоенным шаблонам или рационального

анализа ситуации. Установлено, что именно на уровне ориентировочной деятельности происходит трансляция интерпретированных смыслов в практическое поведение индивида, что позволяет рассматривать данный уровень как ключевой для анализа механизмов когнитивной войны. Использование транзактного анализа (эго-состояния «Ребёнок», «Родитель», «Взрослый») позволило уточнить структуру регуляции поведения и показать, что целевая направленность когнитивной войны заключается в систематическом смещении реагирования в аффективную модальность при ослаблении когнитивно-прагматического контура. Данное смещение выражается в доминировании эмоционально-импульсивных реакций, закреплении нормативных шаблонов интерпретации и снижении роли рационального анализа и саморефлексии. В результате когнитивная война концептуализируется как форма целенаправленного вмешательства в механизмы обработки информации и принятия решений, ориентированная на трансформацию устойчивых когнитивных паттернов и обусловленных ими моделей поведения.

Выводы главы формируют основу для дальнейшего эмпирического изучения когнитивной войны в условиях цифровой эпохи.

ГЛАВА 3. КОГНИТИВНАЯ ВОЙНА И ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ОТ ТЕОРИИ К ЭМПИРИКЕ

Переход от теоретической реконструкции феномена когнитивной войны к его прикладному анализу требует соотнесения целей и механизмов воздействия с трансформациями гражданской идентичности в цифровой среде. В логике многоуровневой концептуализации Г. Гёрца данная глава завершает уточнение дополнительных атрибутов концепта (целеполагание и задачи) и переходит к операционализации через эмпирическую проверку. В рамках главы последовательно решаются три задачи:

- Выявление структурных предпосылок реализуемости когнитивной войны в постинформационном сетевом обществе и их влияние на устойчивость гражданской идентичности (параграф 1);
- Рассмотрение эмпирических кейсов когнитивного противоборства конца XX–начала XXI века с целью выявления практических форм реализации когнитивных механизмов нематериального противоборства и демонстрации их исторической преемственности и трансформации в условиях цифровой среды (параграф 2);
- Осуществление эмпирической проверки выдвинутых положений на молодежной выборке: фиксация когнитивно-аффективных индикаторов состояния когнитивной автономии, соотнесение их с ценностным уровнем гражданской идентичности и представление результатов исследования, состоящего из двух частей (параграф 3).

§ 3.1. Структурные предпосылки когнитивной войны

Чтобы понять, каким образом когнитивная война становится возможной в современном политическом пространстве, необходимо учитывать формы трансформации общества, вызванные изменениями в информационно-коммуникационной сфере, а также стремительным распространением Интернета, что во многом обусловило формирование нового (постинформационного) типа

общества[535]. Если в индустриальную и раннеинформационную эпоху основным ресурсом воздействия выступало содержание сообщения, то в постинформационном обществе центральное значение приобретают механизмы и форматы коммуникации, а эффективность субъекта политической коммуникации определяется не столько качеством транслируемого контента, сколько способностью встроиться в динамику сетевых каналов и адаптировать сообщение к специфике их восприятия.

Такая логика тесно связана с концепцией сетевого общества М. Кастельса[536] – принципиально новой социальной структуры, характерной для современного информационного общества. Её возникновение связано с трансформацией производственной подсистемы экономики, которую М. Кастельс обозначает как информационализм, противопоставляя его индустриализму, определявшему развитие индустриальной стадии техногенной цивилизации. В отличие от прежней модели, где основу составляли материальные ресурсы и индустриальные технологии, информационализм предполагает, что главным экономическим ресурсом становится информация, а конкурентоспособность национальных экономик напрямую зависит от способности генерировать, перерабатывать и транслировать информационные потоки. Ключевой чертой данной модели является ориентация на накопление информации, развитие сложных способов её обработки и извлечение из массивов данных нового знания, обладающего экономической ценностью. Информациональное общество формирует инновационные формы социальной организации, основанные на информационно-коммуникационных технологиях, которые проникают во все сферы человеческой деятельности – от глобальных транснациональных экономических и политических структур до повседневных практик индивида. В этой логике развития современной техногенной цивилизации М. Кастельс подчёркивает, что именно создание, обработка и распространение информации становятся

---

[535] Janin H. The Post-Information Society // The Virginia Quarterly Review. – 1994. – Vol. 70, No. 1. – P. 38–50.

[536] Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – М., 1999. – 494 с.

фундаментальными источниками производительности и власти[537]. Соответственно, по мысли М. Кастельса, у современной информационно-технологической революции есть несколько принципиальных особенностей[538]:

Во-первых, её отличает не только ключевая роль знаний и информации в сфере производства (что в определённой мере свойственно и предыдущим технологическим революциям, включая индустриальную), но и их рекурсивное использование: знания и информация применяются для создания новой информации и технологий, обеспечивающих её обработку.

Во-вторых, информационно-коммуникационные технологии выходят за пределы экономической сферы и охватывают практически все сферы человеческой активности, оказывая влияние как на повседневную жизнь отдельной личности, так и на коллективные формы деятельности.

В-третьих, новые технологии обеспечивают формирование в любой социальной или производственной системе сетевых структур, обладающих высокой степенью связности и способностью к постоянному обмену информацией между элементами, что подтверждается и рядом других исследователей[539].

Следовательно, информация перестала быть лишь ресурсом, а превратилась в структурообразующий элемент социальных сетей, определяющих динамику политического и культурного взаимодействия. В условиях глобальных коммуникационных структур сообщение стало частью непрерывных потоков, где важность приобрело не столько его содержание и инструмент подачи, сколько формат, скорость и форма его распространения и способность встроиться в уже существующие рамки коллективной интерпретации.

Такая трансформация напрямую влияет на когнитивные механизмы индивида. Не только многообразие источников и каналов, характерное для

---

[537] Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. – Екатеринбург : У-Фактория, 2004. – 328 с.

[538] Серкина Н. Е. Понятие сетевого общества М. Кастельса // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2019. – Вып. 2(41). – С. 161–169.

[539] Обухов К. Н. Сеть как социальная структура: модель сетевой коммуникации в теории М. Кастельса // Вестник Удмуртского университета. – 2008. – Вып. 1. – С. 107–110.

цифровой среды, но также и трансформированная форма их подачи приводят к изменению моделей восприятия индивидами: внимание становится фрагментарным, а глубинные когнитивные операции вытесняются быстрыми реакциями на визуальные стимулы, что в гуманитарных науках стало описываться как «клиповое сознание» – форма восприятия, при которой большие объемы связного текста заменяются короткими визуальными и эмоционально насыщенными сообщениями, в связи с чем способность к осмысленному восприятию информации снижается[540]. Некоторые авторы утверждают, что человечество переходит от модели «человека разумного» к модели «человека виртуального»[541], что для политического пространства означает переход от дискуссии идей к конкуренции форматов и алгоритмов, в которых эмоциональная вовлеченность и визуальная экспрессия оказываются важнее логической аргументации. «На этом фоне уместно говорить о феномене когнитивной войны, под которым понимается комплекс практик, ориентированных на подрыв когнитивной автономии через изменение режимов восприятия и обработки информации, а не через классическое убеждение , и который в новых условиях получает благоприятную институциональную и технологическую почву»[542].

Разделяя точку зрения М. Кастельса о том, что производство и циркуляция информации становятся фундаментом современной власти, можно утверждать, что в условиях, когда символы, ценности и смыслы конструируются и распространяются самостоятельно и напрямую в цифровой среде (в том числе усилиями блогеров и лидеров мнений), интернет-сообщества и наиболее авторитетные пользователи превращаются в носителей политической власти и влиятельных акторов политического управления. Такой подход к пониманию трансформации власти в эпоху информационно-коммуникационной революции актуализирует выводы Г. Инниса о неизбежности изменения моделей

---

[540] Старицына О. А. Клиповое мышление как условие успешности информационных войн // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2018. – Т. 7, № 1(22). – С. 335-339.

[541] Володенков С. В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. – М.: Издательство Московского университета, 2015. – 272 с.

[542] Дегтярева Е. Б. Эрозия ценностных оснований гражданской идентичности молодежи в условиях когнитивной войны // Управление и политика. – 2026. – Том 5, №1. – С. 26-39.

общественно-политического устройства современных государств[543], а также подтверждает позицию Р. Дейберта относительно того, что трансформация форм и способов коммуникации ведёт к радикальным изменениям в распределении власти[544]. Эту линию рассуждений дополняет и С. Московичи, который указывал на смену парадигмы от «демократии масс» к «демократии публики»[545]. В контексте цифровой среды данную динамику можно описать как переход от демократии масс к демократии сетевых сообществ.

Очевидно, что такие изменения в политической коммуникации несут в себе существенные риски для государств, исследование которых началось еще в последние десятилетия XX века. Одним из первых к данной проблематике обратился Д. Белл, автор концепции постиндустриального общества: он подчеркивал, что ключевая угроза в политическом измерении связана с тем, что новые коммуникационные технологии предоставляют элитам возможность концентрировать контроль над потоками информации[546]. Это, в свою очередь, означает монополию на интерпретацию событий: от умышленного сокрытия социально значимых данных от общества до целенаправленного распространения выгодных для власти нарративов, используемых для дискредитации оппонентов. Схожий подход демонстрировал К. фон Бейме, указывающий, что обладание информацией само по себе является источником власти; способность различать значимое и второстепенное повышает этот потенциал; а возможность управлять процессами распространения или замалчивания информации фактически формирует удвоенную форму власти.

Тем не менее, представляется, что обозначенная Д. Беллом и К. фон Бейме проблема узурпации элитами контроля над информационными потоками теряет актуальность в условиях когнитивных войн. Если в информационном обществе власть действительно определялась доступом к каналам трансляции и

---

[543] Innis H.A. Empire and Communications. – Oxford, 1950. – 204 p.
[544] Deibert R. J. Parchment, Printing and Hypermedia: Communication in World Order Transformation. – N.Y. : Columbia University Press, 1997. – 334 p.
[545] Московичи С. Век толп – М., 1998. – 480 с.
[546] Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. – М. : Academia, 1999. – 783 с.

возможностью скрывать или подменять социально значимые факты, то в постинформационную эпоху ситуация изменилась: цифровые платформы и алгоритмы обеспечивают формально безграничный доступ к данным, однако именно они задают приоритеты восприятия, формируют новостную повестку, усиливают эмоциональное восприятие окрашенные сообщения и провоцируют аффективное реагирование[547]. В результате контроль осуществляется не над самим фактом информированности, а над когнитивными процессами интерпретации, что подрывает автономию мышления и делает возможной трансформацию идентичности без прямого ограничения доступа к информации.

Такая «открытость» и «безграничность» информационных потоков усиливает вызовы перед современными государствами: например, риски могут быть связаны с воздействием современных коммуникационных технологий на процессы демократизации общественно-политической жизни, которое в оценках отечественных исследователей характеризуется как неоднозначное и противоречивое[548]. Прежде всего подчеркивается, что активно продвигаемая либеральной идеологией идея «прозрачности» гражданского общества в реальности способна обернуться формированием новых инструментов контроля над социальными группами и отдельными индивидами, что вступает в прямое противоречие с классическим пониманием демократических принципов. На практике это реализуется как через национальные системы электронного надзора, так и через вовлечение крупнейших транснациональных корпораций в программы по сбору и обработке данных[549]: так, продукты компании Apple фиксируют координаты перемещений владельцев устройств, а операционная система Android обеспечивает сохранение информации о мобильной активности пользователей,

---

[547] Vosoughi S., Roy D., Aral S. The spread of true and false news online // Science. – 2018. – Vol. 359(6380). – P. 1146–1151.

[548] Парма Р. В. Влияние социальных сетей цифровых коммуникаций на политическое участие // Цифровые социальные сети: угрозы и возможности. – 2023. – М. : Спутник+. – С. 113-123; Грачев М. Н. «Электронная демократия» или «конец демократии»? // Власть и политика: институциональные вызовы XXI века. Политическая наука: Ежегодник 2012 / Рос. ассоц. полит. науки. – М., 2012. – С. 200–208.

[549] Володенков С. В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. – М.: Издательство Московского университета, 2015. – 272 с.

Google на постоянной основе хранит поисковые запросы и данные о посещённых сайтах, что позволяет воссоздавать полную картину сетевого поведения конкретного индивида.

Отдельное значение имеют государственные программы массового мониторинга. В США функционирует программа PRISM[550], администрируемая Агентством национальной безопасности, в рамках которой разведывательные структуры получили доступ к серверам ведущих IT-компаний (Microsoft, Google, Yahoo!, Facebook[551], YouTube, Skype, Apple). Подобные системы действуют и в Европе[552]: Frenchelon во Франции, Onyx в Швейцарии, национальная сеть NATGRID в Индии. В Великобритании развернута программа Tempora, позволяющая в реальном времени отслеживать коммуникации в чатах, электронную почту, активность пользователей социальных сетей и блогосферы. Россия также создала собственные механизмы контроля. Программно-технический комплекс СОРМ[553] обеспечивает мониторинг всех видов связи на территории страны, а дополнительно разрабатываются системы автоматического отслеживания онлайн-СМИ. Принятое в 2014 г. постановление правительства РФ № 758[554] обязало пользователей предоставлять паспортные данные при доступе к Интернету в общественных местах, что расширяет возможности идентификации.

---

[550] Шариков П. А. Конфиденциальность информации и политика национальной безопасности: американский дискурс в XXI веке // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2016. – Т. 8, № 3. – С. 136-165.

[551] Деятельность Facebook признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации, данные используются в исследовательских целях и не направлены на одобрение экстремистской деятельности.

[552] Володенков С. В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. – М.: Издательство Московского университета, 2015. – 272 с.

[553] Прим. автора: СОРМ-3 – это система оперативно-розыскных мероприятий. Подробнее на официальном сайте ST-SORM: https://st-sorm.ru/sorm-3/ (дата обращения: 28.07.2025).

[554] Постановление Правительства Российской Федерации от 31.07.2014 г. № 758 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» (с изм. и доп.; утратило силу) // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2014. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102108205&backlink=1&&nd=102356922.

Российские социальные сети также обязаны предоставлять спецслужбам информацию о пользовательской активности.

Сбор и обработка данных о цифровой активности пользователей формируют основу функционирования современных поисковых систем и платформ с алгоритмами рекомендаций контента[555]. Технологии «web scraping», агрегирования и тематической фильтрации[556] позволяют извлекать из сети колоссальные массивы информации, структурировать их и выделять ключевые параметры: от интересов и предпочтений до эмоциональной окраски сообщений. В совокупности это создаёт возможность для построения сложных моделей поведения пользователей и последующего алгоритмического управления их восприятием. Использование методов сегментации и фокусированного сбора данных демонстрирует, что цифровая среда становится не только пространством коммуникации, но и инструментом когнитивной войны: алгоритмы не просто фиксируют активность, но задают приоритеты внимания, транслируют определённые нарративы и обеспечивают таргетированное программирование контента. И если ранее подобные практики воспринимались преимущественно как инструмент коммерческого маркетинга, то, как было отмечено в предыдущей главе, в настоящее время алгоритмическая обработка больших массивов данных выступает одним из ключевых механизмов когнитивного противоборства. Фактически, алгоритмы становятся не только средством оптимизации цифрового потребления, но и технологией когнитивной войны, поскольку они определяют рамки восприятия информации и программируют внимание пользователей. В результате сбор данных об активности пользователей сделал возможным функционирование таргетированного контент-программирования, при котором сообщения и визуальные образы адресно направляются отдельным социальным группам с учётом их психологических особенностей, эмоциональных реакций и уровня политической вовлеченности, что подтверждается и экспериментальным

[555] Датьев И. О., Федоров А. М., Ревякин А. А. Фокусированный сбор и обработка открытых данных социальных медиа // Онтология проектирования. – 2024. – Т. 14, № 4(54). – С. 569–581.
[556] Кулешов С. В., Зайцева А.А., Левашкин С.П. Технологии и принципы сбора и обработки неструктурированных распределенных данных с учетом современных особенностей предоставления медиа-контента // Информатизация и связь. – 2020. – № 5. – С. 22–28.

путем[557]. Действительно, современные исследования показывают[558], что сочетание микротаргетинга и технологий искусственного интеллекта создает условия для возникновения масштабируемой «машины манипуляции», которая способна автоматически формировать и тестировать персонализированные политические сообщения. Такой механизм усиливает риски когнитивных войн, поскольку воздействие становится адресным и направляется на уязвимости индивидов, что подрывает автономию их политического выбора. Это превращает алгоритмы в стратегический ресурс: они обеспечивают возможность незаметного навязывания установок и ценностных координат без необходимости применения традиционных методов пропаганды благодаря механизмам, которые «приглушают» способность корректного рационального анализа.

В результате алгоритмическое управление вниманием и таргетированное программирование контента приводит к росту уязвимости политических систем перед рисками дестабилизации. Например, если в прежних моделях информационных операций ключевым инструментом выступали массовые нарративы и пропагандистские кампании, то сегодня цифровые алгоритмы создают условия для адресной мобилизации определённых социальных групп, что способно не только формировать электоральные предпочтения, но и провоцировать протестную активность[559].

В политологическом измерении описанные процессы свидетельствуют о трансформации механизмов власти и управления в условиях цифровой среды. Если в классических моделях ключевым ресурсом политического воздействия оставались институты публичной коммуникации и контроля над повесткой, то «в постинформационном обществе на первый план выходят механизмы и форматы

---

[557] Zarouali B., Dobber T., Pauw G., de Vreese C. Using a Personality-Profiling Algorithm to Investigate Political Microtargeting… // Communication Research. – 2022. – Vol. 49. – P. 1066–1091.
[558] Simchon A., Edwards M., Lewandowsky S. The persuasive effects of political microtargeting in the age of generative artificial intelligence // PNAS Nexus. – 2024. – Vol. 3, No. 2. – Article pgae035.
[559] Etter M., Albu O. Activists in the dark: Social media algorithms and collective action in two social movement organizations // Organization. – 2020. – Vol. 68(1). – P. 68–91.

коммуникации»[560], а также условия, в которых формируется интерпретация политической реальности. Платформы и алгоритмы не подменяют собой традиционные институты власти, однако существенно влияют на то, какие темы оказываются в фокусе внимания, какие интерпретации воспринимаются как очевидные, а какие – как второстепенные или маргинальные. В этих условиях объектом политического воздействия становится не столько уровень осведомлённости индивида, сколько его способность самостоятельно осмысливать происходящее и принимать решения. Это отражает сдвиг политической субъектности в сторону акторов, обладающих возможностью управлять цифровой инфраструктурой коммуникации и механизмами распределения внимания. Согласно ряду объяснительных моделей, это создает цифровые риски, угрозы и вызовы в сфере трансформации политических институтов и практик[561]. Политическая социализация и формирование гражданской идентичности всё в большей степени протекают в сетевой среде, где ценностные ориентиры и модели поведения закрепляются через повторяемые нарративы, визуальные образы и эмоционально насыщенные сигналы, усиливаемые алгоритмами цифровых платформ: «в этом смысле интернет-среда, социальные сети и механизмы персонализации (включая ИИ-инструменты) выступают системным каналом политической социализации молодежи и фактором, формирующим новые материальные и символические условия участия»[562].

В результате создаются структурные предпосылки для когнитивной войны как особой формы невооружённого противоборства, направленной на изменение способов восприятия и интерпретации политической реальности. Воздействие

---

[560] Дегтярева Е. Б. Рассмотрение роли политического языка и риторики в контексте обсуждения политической эффективности (на примере работы Т. Дочерти) // Сравнительная политика. – 2023. – Том 14, №3. – С.154-165.

[561] Федорченко С. Н. Цифровизация современного пространства общественно-политических коммуникаций: научные концепции, модели и сценарии / С. В. Володенков, С. Н. Федорченко // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2021. – № 60. – С. 175-193.

[562] Дегтярева Е. Б. Эрозия ценностных оснований гражданской идентичности молодежи в условиях когнитивной войны // Управление и политика. – 2026. – Том 5, №1. – С. 26-39.

осуществляется не через прямое убеждение или ограничение доступа к информации, а через перестройку коммуникативной среды, внутри которой формируются политические предпочтения, идентичности и формы коллективной мобилизации. Это позволяет рассматривать когнитивную войну как закономерное следствие трансформации политической коммуникации в цифровую эпоху, а не как совокупность изолированных манипулятивных практик, что требует перехода к анализу её конкретных исторических проявлений.

§ 3.2. Когнитивные войны в политической практике рубежа XX–XXI веков

Несмотря на активное концептуальное оформление термина «когнитивная война» в научном и стратегическом дискурсе конца XX–начала XXI века, сам феномен не является принципиально новым для политической практики. Воздействие на восприятие реальности, систему ценностей и формы интерпретации мира на протяжении длительного исторического времени выступало неотъемлемым элементом политического противоборства, хотя и описывалось в иных понятийных рамках. В этом смысле современная когнитивная война представляет собой не разрыв с предшествующими формами нематериального противоборства, а их исторически обусловленную трансформацию.

В разные исторические эпохи борьба за когнитивное пространство человека осуществлялась под иными названиями и в иных институциональных формах. В доиндустриальный период центральным объектом воздействия выступало мировоззрение, прежде всего в его религиозном измерении. Миссионерство, обращение «чужих» в «истинную веру», а в ряде случаев и принудительная смена конфессиональной идентичности для побеждённых групп являлись формами целенаправленного изменения картины мира, легитимирующего существующий

политический порядок[563]. В этом контексте религиозные войны могут рассматриваться как ранняя форма борьбы за когнитивное доминирование, где контроль над верой означал контроль над поведением и лояльностью.

По мере секуляризации общественного сознания и ослабления религиозных оснований политической легитимности борьба мировоззрений смещается в идеологическую плоскость. В XIX–XX веках именно идеология становится основным инструментом формирования коллективной идентичности, мобилизации масс и структурирования политического пространства[564]. Индоктринация «своих» и переориентация «чужих» мировоззренческих установок превращаются в устойчивую практику внутри- и межгосударственного противоборства. В этот период когнитивное воздействие получает институционализированную форму в виде государственной пропаганды, контрпропаганды, спецпропаганды и так называемых идеологических диверсий, активно применявшихся как в условиях вооружённых конфликтов, так и в мирное время. Характерным примером ранних форм когнитивного воздействия выступают практики идеологической обработки военнопленных и населения в период Первой мировой войны[565], включая попытки трансформации идентичности русских военнопленных в австро-венгерских лагерях путём навязывания альтернативных национальных и культурных нарративов.

Подобные практики демонстрируют, что уже в начале XX века политическое противоборство выходило за рамки физического насилия и включало целенаправленную работу с сознанием, самоидентификацией и интерпретацией социальной реальности. Даже после провозглашённой в конце XX века смерти идеологий борьба за мировоззрение не исчезает, а принимает новые формы. Идеологическое противостояние не устраняется, а

---

[563] История религиоведения и интеллектуальная история России XIX – первой половины XX века: архивные материалы и исследования / отв. ред. М. М. Шахнович, Е. А. Терюкова. – 2-е изд. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. – 518 с.

[564] Там же.

[565] Сенявская Е. С. Положение русских военнопленных в годы Первой мировой войны: очерк повседневной реальности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2013. – № 1. – С. 64–83.

трансформируется, приобретая более гибкие, фрагментированные и внешне деполитизированные формы. Качественный перелом в развитии данных процессов приходится на рубеж XX–XXI веков и связан с цифровизацией коммуникационной среды[566]. Постепенное распространение интернета, социальных сетей и алгоритмически управляемых платформ приводит к тому, что когнитивное воздействие перестаёт ограничиваться трансляцией идеологических установок и переходит на уровень управления формами восприятия, внимания и интерпретации информации. В результате когнитивная война начинает оформляться как самостоятельный тип нематериального противоборства, в рамках которого объектом воздействия становится не содержание убеждений как таковое, а когнитивные механизмы, обеспечивающие их формирование и воспроизводство. В этот период исторически сложившиеся практики индоктринации, пропаганды и идеологической борьбы интегрируются с цифровыми технологиями, что выводит когнитивное воздействие на принципиально иной уровень интенсивности, масштабируемости и скрытности. Рассмотрение эмпирических кейсов конца XX–начала XXI века позволяет проследить, каким образом данные предпосылки реализуются в конкретных политических процессах и каким образом когнитивная война становится структурным элементом современной политической практики.

Так, период 1989–1991 годов занимает особое место в истории нематериального противоборства, поскольку в этот временной отрезок когнитивное измерение процессов политической дестабилизации в СССР имело повышенную интенсивность, наглядность и системный характер. Воздействие на сознание, мировоззрение и идентичность осуществлялось и ранее в формах идеологической борьбы, пропаганды и индоктринации, а на рубеже 1980–1990-х годов данные практики проявились с новой интенсивностью. Масштабные социальные и политические трансформации конца советского периода сопровождались не только институциональным кризисом и ослаблением

[566] Lischka K., Stöcker C. The Digital Public. – 01.2018. – URL: https://www.bertelsmann-stiftung.de/fileadmin/files/BSt/Publikationen/GauePublikationen/The_digital_Public__2_.pdf (Last accessed: 03,09.2025)

управляемости, но и активной перестройкой интерпретационных рамок, в которых происходящие события осмысливались как внутри страны, так и во внешнем информационно-политическом пространстве. В данном контексте можно говорить о формировании идеологической парадигмы позднего перестроечного периода, в рамках которой Советский Союз всё чаще рассматривался как источник системного насилия, а протестная активность – преимущественно как реакция на действия центра. Важно подчеркнуть, что в указанный период борьба велась не только за контроль над политическими процессами, но и за закрепление устойчивых смысловых интерпретаций, определяющих восприятие легитимности власти, характера конфликтов и распределения ответственности между сторонами. Механизмы протокогнитивных практик, несмотря на отсутствие современных цифровых инструментов масштабирования, уже тогда демонстрировали способность формировать долговременные когнитивные эффекты.

Одним из показательных примеров подобного воздействия являются события в Тбилиси в апреле 1989 года. В публичном и историографическом дискурсе этот эпизод чаще всего интерпретируется в логике «силового подавления мирного протеста». Вместе с тем анализ доступных данных позволяет говорить о более сложной и многофакторной картине произошедшего. Массовые акции, развернувшиеся в центре Тбилиси в начале апреля 1989 года, происходили на фоне нарастающей межнациональной напряжённости, радикализации части протестного движения и формирования организованных структур сопротивления, включая возведение баррикад и подготовку к силовому противостоянию. Согласно материалам расследований и медицинским данным[567], в ходе событий в ночь с 8 на 9 апреля 1989 года погибло 19 человек, при этом подавляющее большинство смертей наступило в результате удушья и травм, полученных в давке при попытках выхода из зоны столкновений. Одновременно за медицинской помощью обратились десятки пострадавших, включая как

[567] Тбилиси-89. Что произошло в грузинской столице тридцать лет назад // Военное обозрение. – 18.04.2019. – URL: https://topwar.ru/156962-tbilisi-89-chto-proizoshlo-v-gruzinskoj-stolice-tridcat-let-nazad.html (дата обращения: 19.08.2025).

участников митинга, так и военнослужащих и сотрудников сил правопорядка. Эти обстоятельства указывают на то, что трагические последствия были обусловлены совокупностью факторов: высокой плотностью толпы, перекрытием путей отхода, эскалацией агрессии и отсутствием эффективной координации, а не сводились к одностороннему применению насилия.

Тем не менее в последующем общественном и медиадискурсе данные аспекты оказались маргинализированы. Доминирующей стала интерпретация, редуцирующая события к бинарной схеме «мирное население–репрессивная власть», в рамках которой ответственность за произошедшее априорно возлагалась на союзный центр и военное командование. Альтернативные объяснительные модели, апеллирующие к предыстории конфликта, динамике митинга, роли баррикад, ограничению путей эвакуации и многостороннему характеру столкновений, были вытеснены за пределы допустимого интерпретационного поля и практически не воспроизводились в массовом сознании[568]. Принципиально важно, что в данном случае объектом воздействия выступали не столько конкретные знания о событиях или отдельные убеждения, сколько сами механизмы интерпретации. Тбилисские события были встроены в устойчивую когнитивную схему, задававшую автоматизированный способ восприятия не только данного эпизода, но и более широкого круга конфликтов между союзным центром и республиками. В результате формировался интерпретационный шаблон, в рамках которого сложные политические процессы редуцировались до морально однозначной оппозиции «жертва–агрессор», что существенно ограничивало пространство рационального анализа и альтернативных оценок.

С точки зрения различия между информационным и когнитивным противоборством данный кейс представляет особый аналитический интерес. Информационные операции, как правило, ориентированы на формирование

---

[568] Соколов А. Никаких «саперных лопаток» не было… // Столетие. Территория истории. – 11.04.2019. – URL: https://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/nikakih_sapernyh_lopatok_ne_bylo_934.htm (дата обращения: 19.09.2025)

требуемых субъекту воздействия убеждений и смыслов при сохранении способности к критической переработке информации и автономному суждению. В случае тбилисских событий 1989 года воздействие носило иной характер: оно было направлено на подавление когнитивной автономии через эмоциональное фреймирование, закрепление автоматизированных оценочных реакций и редукцию сложного политического события к нормативно однозначной интерпретации. Тем самым изменялись условия, в которых интерпретации формировались и воспроизводились. Эмоционально насыщенные образы, апелляция к категориям насилия и жертвы, а также моральная маркировка альтернативных интерпретаций способствовали активации аффективных реакций и вытеснению когнитивно-прагматической обработки информации. В результате формировался устойчивый когнитивный код, который воспроизводился в дальнейшем независимо от конкретных обстоятельств новых событий и служил основанием для консолидации определённых политических идентичностей и установок. Подобный эффект выходит за рамки классического информационного противоборства и соответствует логике когнитивного противоборства, ориентированного на изменение способов обработки информации, а не только её содержания. Для демонстрации данной позиции на основе таблицы 5 параграфа 2.1 данной диссертации автор осуществляет аналитическое соотнесение тбилисских событий 1989 года с параметрами когнитивной войны (табл. 7):

Таблица 7 – Соотнесение тбилисских событий 1989 года с параметрами когнитивной войны

Критерий	**Тбилисский конфликт (1989)**
Основная цель воздействия	Закрепление в общественном сознании интерпретации тбилисских событий как однозначного акта насилия со стороны союзного центра против «мирного населения», что обеспечивало делегитимацию центральной власти и формирование устойчивого представления о Советском Союзе (а впоследствии – России) как репрессивном акторе. Воздействие было направлено не только на оценку конкретного эпизода, но и на перенос данной интерпретационной модели на более широкий контекст отношений центра и союзных республик
Объект воздействия	Сознание участников событий, широкой аудитории внутри Грузинской ССР и за её пределами, а также союзного общественного мнения как система политического восприятия, включающая не только знание фактов, но и автоматические

	способы их интерпретации
Предмет воздействия	Эмоционально-аффективные реакции (страх, возмущение, сочувствие жертвам) и механизмы когнитивного контроля, обеспечивающие рациональное осмысление произошедшего. Фактические обстоятельства (причины давки, перекрытые выходы, наличие пострадавших среди военнослужащих, предшествующая радикализация митинга) не становились предметом устойчивого анализа, поскольку переработка информации происходила преимущественно на аффективном уровне
Тип воздействия на сознание	Воздействие осуществлялось не через последовательное информирование, а через эмоциональное фреймирование события, в рамках которого трагический исход автоматически связывался с намеренным насилием со стороны власти. Это приводило к формированию оценок до включения аналитической переработки, что выходило за рамки классического информационного воздействия
Характер воздействия	Разрушительный по отношению к когнитивной автономии: интерпретация событий фиксировалась в виде морально однозначной схемы, в которой любые альтернативные объяснения (динамика толпы, роль баррикад, характер применённых средств) воспринимались как недопустимые или оправдывающие насилие. В результате пространство рационального анализа существенно сужалось
Роль префронтальной коры	Функционально ослаблялась вследствие высокой эмоциональной насыщенности интерпретации событий и их политической поляризации. Возможность критического сопоставления фактов, оценки действий всех сторон и анализа контекста (Абхазский вопрос, организация митинга, действия местных властей) оказывалась вытесненной эмоциональной реакцией
Роль лимбической системы	Аффективные реакции (прежде всего страх, гнев и сочувствие погибшим) становились основным каналом восприятия событий. Через них закреплялась интерпретация, не требующая дальнейшего осмысления и воспроизводимая автоматически в последующих политических дискуссиях
Форма восприятия информации	Редуцированная и упрощённая: сложный конфликт с многоуровневой предысторией и противоречивой динамикой был воспринят через бинарную схему «мирный протест–карающая власть». Такая форма восприятия исключала целостное рассмотрение событий и способствовала устойчивому воспроизводству заданной интерпретации
Планируемый результат воздействия	Формирование устойчивого когнитивного шаблона, в рамках которого союзный центр воспринимается как источник насилия и принуждения; политическая ответственность перераспределяется вне зависимости от фактической сложности событий; снижается способность к автономной интерпретации аналогичных конфликтов в будущем. В перспективе данный эффект должен был способствовать де-субъективации политического сознания, при которой индивид воспроизводит заданные интерпретации, сохраняя при этом субъективное ощущение самостоятельного вывода

Источник: составлено автором

При этом следует подчеркнуть, что тбилисские события не могут быть отнесены к когнитивным войнам в их современном, технологически развитом виде. В конце 1980-х годов отсутствовали цифровые платформы, алгоритмическое управление вниманием и инструменты нейрокогнитивной перегрузки, характерные для XXI века. Однако концептуально данный кейс демонстрирует когнитивную форму противоборства (которую можно назвать протокогнитивной), в рамках которой борьба велась не за прямой контроль над поведением, а за контроль над интерпретацией и когнитивными рамками восприятия политической реальности.

В результате, тбилисские события 1989 года могут рассматриваться как один из исторических предшественников современных когнитивных войн, иллюстрирующий глубокое вмешательство в механизмы когнитивной обработки информации. Анализ подобных кейсов позволяет проследить эволюцию нематериального противоборства и понять, что когнитивное противоборство как таковое не является продуктом цифровой эпохи, однако именно цифровизация радикально меняет его масштаб, интенсивность и технологическую оформленность. Если в конце XX века когнитивное воздействие реализовывалось преимущественно через устойчивые интерпретационные рамки, эмоциональную поляризацию и редукцию сложных политических процессов к морально однозначным схемам, то на рубеже XX–XXI веков эти механизмы начинают получать новые возможности реализации. Цифровые коммуникационные платформы, алгоритмическая персонализация контента и высокая частотность информационных стимулов обеспечивают не только ускорение распространения интерпретаций, но и систематическое воздействие на режимы восприятия, внимания и принятия решений. В результате когнитивное воздействие утрачивает эпизодический характер и приобретает форму непрерывного, распределённого и трудно фиксируемого процесса, в рамках которого влияние оказывается не только на участников конкретных политических событий, но и на широкую аудиторию, вовлечённую в цифровые коммуникационные контуры. Именно в этой логике представляется целесообразным обратиться к анализу современных эмпирических

кейсов, в которых когнитивная война проявляется уже в институционализированной и технологически опосредованной форме.

Ярким примером масштабного невооруженного противоборства, сочетающего как информационные, так и современные когнитивные механизмы, стали события, последовавшие за президентскими выборами 2020 года в Республике Беларусь. Массовые протесты, охватившие Минск и другие города, были обусловлены как классическими технологиями дестабилизации, так и более усовершенствованными методами воздействия, реализованными через цифровые коммуникационные каналы[569]. В этом контексте особую роль сыграли мессенджеры и, прежде всего, Telegram-каналы (такие как «NEXTA»), которые взяли на себя функции не только информирования, но и координации, мобилизации, интерпретации происходящего, действуя как децентрализованные медиаторы протестной активности. При этом значительное воздействие оказывали механизмы таргетированного контент-программирования: алгоритмы обеспечивали адресную доставку сообщений и визуальных образов различным социальным группам в зависимости от их психологических особенностей, уровня вовлеченности и эмоциональной восприимчивости.

Этот пример стал демонстрацией перехода к когнитивному противоборству, подрывающему устойчивость восприятия и рациональной обработки информации, в современной, усовершенствованной форме. У пользователей формировалось состояние когнитивной перегрузки, при котором снижалась концентрация, критическое осмысление и контроль поведения. Как отмечал эксперт С. Уралов, «образованные умные люди бродили по городу, вчитываясь в Телеграм, и не понимали потом, зачем они вышли на эти улицы»[570]. Тем самым проявлялась дезориентация, вызванная не только и не столько социальным недовольством, сколько фрагментированным и эмоционально насыщенным цифровым воздействием. Данный кейс выходит за рамки информационных

---

[569] Пономарева Е. Г. Протестное движение в Белоруссии: эволюция, технологии, символы // Обозреватель. – 2021. – № 2(373). – С. 5-28.

[570] Технологический суверенитет: проблемы и пути обеспечения // 2050.su. – URL: https://2050.su/technologicheskiy-suverenitet/ (дата обращения: 13.06.2025).

механизмов воздействия и отражает совокупное влияние, при котором сообщения, визуальные стимулы и микроэмоциональные сигналы в высокочастотном режиме воздействовали на когнитивные механизмы восприятия[571], что в совокупности ослабляло возможность рациональной обработки поступающей информации и приводило к трансформации смысловых ориентиров, встраиванию навязанных интерпретаций и постепенной подмене собственных когнитивных кодов индивида внешне заданными. Telegram-каналы функционировали как генератор когнитивной нагрузки, провоцируя спонтанное и эмоционально окрашенное политическое поведение, при этом воздействие затрагивало не только участников протестов, но и широкую онлайн-аудиторию, которая из-за многократного транслирования визуальных и текстовых сигналов, сопровождающихся эмоциональными маркерами и сдвигами фреймов интерпретации, неосознанно усваивала эмоциональные сценарии и реакции, благодаря чему канал «NEXTA» увеличил аудиторию с 300 000 до 2 млн подписчиков в считанные дни[572]. Как подчёркивает Е. Г. Пономарева[573], пользователи, оказавшиеся под воздействием знаково насыщенной среды, демонстрировали высокую эмоциональную возбудимость из-за актуализации базовых эмоциональных реакций, таких как страх, отвращение, ярость и пр. Эти состояния, в свою очередь, способствовали переходу к импульсивным формам поведения и ослаблению внутренних барьеров критического восприятия, поскольку активность префронтальных когнитивных механизмов была снижена, а когнитивная система ориентировок была подавлена.

В аналитической перспективе события в Республике Беларусь 2020 года могут быть интерпретированы как процесс, ориентированный на изменение когнитивных и идентификационных оснований политического поведения, а не на

---

[571] Carr N. G. The Shallows: What the Internet Is Doing to Our Brains. – New York : W. W. Norton & Company, 2010. – viii, 280 p.

[572] «Telegram revolution»: App helps drive Belarus protests // AP News. – 16.08.2020. – URL: https://apnews.com/article/international-news-technology-business-ap-top-news-europe-823180da2b402f6a1dc9fbd76a6f476b (Last accessed: 18.05.2025).

[573] Пономарева Е. Г. Протестное движение в Белоруссии: эволюция, технологии, символы // Обозреватель. – 2021. – № 2(373). – С. 5-28.

достижение немедленных институциональных результатов. Трансформация интерпретационных рамок и ослабление устойчивых форм гражданской самоидентификации создают ситуацию, при которой последующие политические изменения реализуются в менее конфликтной и менее ресурсозатратной форме. При изменённой структуре идентичности и политического восприятия сама логика отношения к власти и политическому порядку претерпевает сдвиг, что в перспективе снижает сопротивляемость массовых аудиторий и облегчает возможность смены политических конфигураций без прямого давления или силовой мобилизации, что соответствует целям когнитивной войны. Для демонстрации данного утверждения на основе таблицы 5 параграфа 2.1 проведено аналитическое соотнесение белорусских событий 2020 года с параметрами когнитивной войны (табл. 8):

Таблица 8 – Соотнесение белорусских протестов 2020 года с параметрами когнитивной войны

Критерий	**Белорусские протесты (2020)**
Основная цель воздействия	Подрыв способности индивидов самостоятельно интерпретировать происходящее и осознавать мотивы собственного политического поведения; перевод политического участия в реактивный, эмоционально управляемый режим
Объект воздействия	Сознание пользователей цифровых платформ (прежде всего Telegram) как пространство политической ориентации и идентификации, а также как инструмент повседневного принятия решений
Предмет воздействия	И аффективная сфера (тревога, чувство несправедливости, страх, возмущение), и механизмы когнитивного контроля, обеспечивающие рефлексию, оценку последствий и соотнесение действий с личными целями
Тип воздействия на сознание	Создание условий когнитивной перегрузки через непрерывный поток сообщений, визуальных доказательств «насилия», инструкций, призывов и интерпретаций, при котором осмысленная переработка информации замещалась автоматическими реакциями
Характер воздействия	Деструктивный по отношению к когнитивной автономии: воздействие направлено на изменение условий формирования политических оценок и решений, что приводило к снижению способности к рациональному анализу и саморегуляции
Роль префронтальной коры	Функциональное ослабление когнитивного контроля вследствие постоянного обновления контента, эффекта срочности сообщений и отсутствия временных интервалов для рефлексивной переработки информации
Роль лимбической	Интенсивная активация за счёт эмоционально насыщенных

системы	визуальных и текстовых стимулов, персонализированных историй и образов насилия, усиливающих импульсивные формы реагирования
Форма восприятия информации	Клиповое и фрагментированное восприятие: короткие посты, видео, инструкции, карты передвижений и комментарии, не формирующие целостной аналитической картины политического процесса
Планируемый результат воздействия	Де-субъективация политического сознания: участие в протестной активности без чёткого осознания собственных целей и последствий действий; зависимость от Telegram-каналов как внешнего источника интерпретации и навигации поведения при сохранении субъективного ощущения «осознанного выбора»

Источник: составлено автором

Проведённый анализ белорусских протестов 2020 года позволяет зафиксировать переход от протокогнитивных форм воздействия к современным практикам когнитивного влияния в цифровой среде. В отличие от позднесоветских кейсов, здесь уже задействованы платформенные алгоритмы, высокочастотные коммуникации и устойчивые механизмы эмоционально-когнитивной перегрузки, что обеспечивает еще более глубокое вмешательство в процессы восприятия индивидами окружающей действительности и принятия решений.

Западная кампания когнитивной войны, развернувшаяся в зимне-весенний период 2022 года в связи с началом специальной военной операции на Украине, представляет собой еще один показательный пример комплексного когнитивного противоборства, направленного на трансформацию механизмов восприятия, эмоциональной оценки и принятия политических решений массовыми аудиториями. В отличие от классических информационных операций, в данном случае ключевой целью выступало не столько убеждение в истинности альтернативной версии событий, сколько формирование устойчивой альтернативной реальности. Посредством когнитивного и информационно-психологического воздействия способность субъекта к автономному

политическому суждению системно снижалась, что создало потенциальные риски для государственного суверенитета[574].

Характерной особенностью кампании стало её развёртывание одновременно в нескольких уровнях информационного и коммуникативного пространства[575]: воздействие осуществлялось через традиционные медиа, социальные сети, платформы видеохостинга, межличностную коммуникацию, а также через персонализированные обращения от лидеров общественного мнения. Одни и те же смысловые конструкции синхронно воспроизводились в различных каналах, что создавало эффект когнитивной избыточности и снижало вероятность критической рефлексии. Повторяемость сигналов в сочетании с высокой эмоциональной насыщенностью формировала у адресата ощущение их очевидности и безальтернативности.

Уже в первые дни после начала СВО, в конце февраля 2022 года, была зафиксирована высокая интенсивность обращений к российской аудитории со стороны украинских и западно-ориентированных блогеров, журналистов, деятелей культуры и политиков[576]. Так, 25 февраля 2022 года на платформе YouTube было опубликовано видеообращение оппозиционного блогера Майкла Наки, в котором он напрямую апеллировал к российской аудитории с призывом «не молчать», подчёркивая, что любое публичное высказывание (пост, лайк или репост) является формой политического действия[577]. Аналогичные тезисы в тот же период транслировались Максимом Кацем, Ильёй Яшиным, Владимиром

---

[574] Бродовская Е. В. Масштаб и риски внешнего деструктивного информационно-психологического воздействия на жителей приграничных с Украиной регионов России в социальных медиа / Е. В. Бродовская, В. А. Лукушин // Власть. – 2024. – Т. 32, № 1. – С. 9-15.

[575] Уралов С. Украинская трагедия. Технологии сведения с ума. – СПб: Лира, 2023. – 382 с.

[576] Соколова М. Е. Когнитивные удары отечественных блогеров по обществу России в период с 24 февраля по 24 августа 2022 г. // Сонар 2050. – 26.09.2022. – URL: https://www.sonar2050.org/storage/files/ПостУкраина/KGW.pdf (дата обращения: 20.09.2025).

[577] Наки М. Мы против войны // YouTube. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=I2jkzoIPQPE (дата обращения: 20.09.2025).

Миловым и рядом других публичных фигур, впоследствии признанных иностранными агентами на территории Российской Федерации[578].

Параллельно с этим 27–28 февраля 2022 года в социальных сетях, прежде всего в Instagram[579], распространилось коллективное видеообращение группы украинских блогеров к российским лидерам общественного мнения[580]. В данном обращении, авторами которого выступили, в частности, Антон Птушкин, Ивангай, Юрий Каплан, Дарья Астафьева и другие медийные фигуры, была использована сложная комбинация эмоционального давления, персонализации ответственности и экзистенциальных угроз. В тексте обращения последовательно конструировались образы тотального насилия, иррационального политического лидера, угрозы ядерной катастрофы и неизбежного разрушения привычного уклада жизни адресата. При этом ключевой акцент делался на тезисе о коллективной ответственности россиян за происходящее и на необходимости немедленного публичного действия. Принципиально важно, что данные обращения не носили характер единичных информационных актов. Они функционировали как элементы цепочки когнитивных ударов, каждый из которых усиливал предыдущий и подготавливал почву для последующих.

Уже в первые недели кампании можно зафиксировать формирование устойчивых смысловых рамок, которые в дальнейшем воспроизводились с высокой степенью стабильности[581]. Так, начиная с конца февраля и на протяжении последующих месяцев систематически транслировался тезис об отсутствии у России легитимных причин для проведения СВО, что сопровождалось закреплением образа России как фашистского, агрессивного и

---

[578] Реестр иностранных агентов Российской Федерации // Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. – URL: https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-inostryannykh-agentov/.

[579] Деятельность Instagram признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации, данные используются в исследовательских целях и не направлены на одобрение экстремистской деятельности.

[580] Украинские блогеры обратились к своим коллегам из России: Сколько можно молчать? // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=SxZ3xONopYg (дата обращения: 22.09.2025).

[581] Соколова М. Е. Когнитивные удары отечественных блогеров по обществу России в период с 24 февраля по 24 августа 2022 г. // Сонар 2050. – 26.09.2022. – URL: https://www.sonar2050.org/storage/files/ПостУкраина/KGW.pdf (дата обращения: 20.09.2025).

иррационального государства. Данный нарратив активно поддерживался через использование терминов «рашизм», «орки», «фашисты», что позволяло осуществлять символическое расчеловечивание как государства, так и его граждан и вооружённых сил. Одновременно происходила персонализация зла через формирование демонизированного образа Президента Российской Федерации. В публичных выступлениях и медиаматериалах регулярно использовались эпитеты, ставящие под сомнение его психическое состояние и умственные способности («бункерный дед», «сошёл с ума», «кровавый режим»). Таким образом, сложные структурные причины конфликта редуцировались до фигуры одного человека, что позволяло упростить картину мира адресата и сконцентрировать эмоциональное напряжение на конкретном объекте.

Существенным элементом когнитивного противоборства стало системное формирование чувства вины и стыда. В публичном дискурсе закреплялась мысль о том, что каждый гражданин Российской Федерации несёт ответственность за происходящее в силу уплаты налогов, участия в выборах либо пассивности. Данный тезис активно воспроизводился как в блогосфере, так и в культурном пространстве. Показательным примером является публичное выступление рэпера Face в Польше, в ходе которого он встал на колено и извинился перед украинцами за действия России[582]. Подобные жесты имели ярко выраженный символический характер и были направлены на нормализацию практики публичного покаяния как формы морально приемлемого поведения.

В конце марта–начале апреля 2022 года центральное место в медиаповестке заняли сообщения о якобы массовых убийствах мирных жителей в городе Буча Киевской области[583]. После выхода российских войск из данного населённого пункта 30–31 марта 2022 года, уже 2–3 апреля в западных и украинских СМИ, а также в социальных сетях, были массово распространены фото- и

[582] Российский рэпер Face встал на колено с извинениями на концерте в Варшаве в поддержку Украины. // YouTube. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=VxZ_17SiHIw (дата обращения: 22.09.2025).

[583] Массовые убийства мирных жителей в Буче: что известно на данный момент // Русская служба BBC News. – 04.04.2022. – URL: https://www.bbc.com/russian/news-60986588 (дата обращения: 09.09.2025).

видеоматериалы с телами погибших, сопровождавшиеся однозначной интерпретацией произошедшего как «резни мирного населения», осуществлённой российскими военнослужащими. Кейс Бучи мгновенно приобрёл глобальный масштаб: заявления о «геноциде» и «военных преступлениях» прозвучали на уровне руководства США, стран ЕС и международных организаций, а соответствующие формулировки были закреплены в официальных политических заявлениях. С точки зрения когнитивного противоборства принципиально важно, что медиарепрезентация событий в Буче носила характер завершённого морального нарратива, не предполагающего сомнения или альтернативной интерпретации. Любые попытки поставить под сомнение временные рамки, источники видеоматериалов или обстоятельства гибели людей автоматически рассматривались как «отрицание очевидного зла» и приравнивались к моральному соучастию.

Аналогичный механизм прослеживался в кейсе разрушения родильного дома в Мариуполе, который получил широкое распространение в медиапространстве в марте 2022 года[584]. 9 марта украинскими и западными источниками была распространена информация об авиаударе по родильному дому №3 в Мариуполе, сопровождавшаяся фотографиями раненых женщин, беременных пациенток и разрушенного здания. Эти изображения быстро приобрели вирусный характер и были воспроизведены ведущими мировыми СМИ, включая CNN, BBC, The New York Times и другие. В публичном дискурсе данный эпизод закрепился как безусловное доказательство целенаправленных ударов по гражданской инфраструктуре и использовался для усиления эмоционального давления на международную и российскую аудитории. В когнитивном измерении данный кейс обладает высокой силой воздействия, поскольку апеллирует к универсальным моральным запретам – защите женщин, детей и медицинских учреждений. Независимо от последующих уточнений и споров о статусе объекта, условиях его использования и характере повреждений,

[584] Украина: разрушенный роддом в Мариуполе, дефицит кислорода и инсулина, медики работают под обстрелами. // Новости ООН. – 09.03.2022. – URL: https://news.un.org/ru/story/2022/03/1419552 (дата обращения: 10.09.2025).

первоначальный эмоциональный образ оказался устойчивым и продолжал воспроизводиться в медиапространстве как символ «абсолютного зла». В результате формировался эффект закрепления негативной когнитивной рамки, при котором любые последующие объяснения оказывались вторичными и не способны были вытеснить первичное эмоциональное впечатление.

Другим серьезным по своему когнитивному эффекту стал эпизод с драматическим театром в Мариуполе[585]. 16 марта 2022 года в медиапространстве появились сообщения о нанесении авиаудара по зданию Мариупольского драматического театра, в котором, по утверждениям украинской стороны, укрывались мирные жители, включая женщин и детей. Особое значение в данном кейсе приобрёл визуальный элемент – надпись «ДЕТИ», якобы нанесённая перед зданием и ставшая одним из центральных символов медианарратива. Фотографии и спутниковые снимки с этим элементом активно использовались в международных СМИ и социальных сетях, формируя устойчивую ассоциацию между действиями российской стороны и сознательным уничтожением гражданского населения. Образ разрушенного театра с надписью «ДЕТИ» был встроен в более широкую систему когнитивного воздействия, направленного на расчеловечивание противника, делегитимацию его действий и формирование у аудитории чувства моральной безысходности. Как и в случае с Бучей и родильным домом, попытки рационального анализа обстоятельств инцидента или переноса обсуждения в правовое поле встречали резкое сопротивление в публичном дискурсе и интерпретировались как проявление цинизма и оправдание насилия.

Параллельно с этим разворачивалась линия когнитивного давления, связанная с экономическими и экзистенциальными угрозами. В медиапространстве активно распространялись прогнозы неизбежного экономического коллапса, дефолта, банковского кризиса и полной

---

[585] Amnesty: удар по драматическому театру Мариуполя - военное преступление России. // Русская служба BBC News. – 30.06.2022. – URL: https://www.bbc.com/russian/news-61993190 (дата обращения: 12.09.2025).

международной изоляции России[586]. При этом упоминания о санкциях сопровождались в основном не аналитическими оценками, а апелляциями к повседневному опыту – невозможности путешествовать, утрате доступа к привычным товарам, ухудшению системы здравоохранения. Данный нарратив усиливал ощущение безысходности и утраты будущего, что, в терминах когнитивной войны, способствует снижению способности к рациональному планированию.

Особое место в кампании занимала дискредитация вооружённых сил Российской Федерации. Через медиаматериалы и социальные сети формировался образ российской армии как непрофессиональной, жестокой и криминализированной структуры. Распространение кейсов, связанных с Бучей, Кременчугом и Краматорском, сопровождалось эмоционально насыщенной визуализацией и минимальной проверкой источников, что усиливало их когнитивный эффект. Использование лексем «орки», «насильники», «мародёры» позволяло не только делегитимировать действия армии, но и подорвать эмоциональную связь граждан с институтом вооружённых сил.

В совокупности данные когнитивные удары формировали особое состояние субъекта воздействия, характеризующееся высокой степенью эмоционального напряжения, фрагментацией идентичности и утратой ощущения контроля над происходящим. Индивид одновременно воспринимал себя как виновного, беспомощного и обязанного к действию, при этом не обладая реальными механизмами политического влияния. Подобное состояние может быть охарактеризовано как лишение субъектности, при котором способность к автономному принятию решений системно подрывается. Для обоснования данного положения автор, опираясь на таблицу 5 параграфа 2.1 диссертационного исследования, соотносит украинские события 2022 года с параметрами когнитивной войны (табл. 9):

---

[586] Григоренко Ю. Цена агрессии: Россию ждет жесточайший экономический кризис // GMK Center. – 14.03.2022. – URL: https://gmk.center/posts/cena-agressii-rossiju-zhdet-zhestochajshij-ekonomicheskij-krizis/ (дата обращения: 12.09.2025).

Таблица 9 – Соотнесение украинских событий 2022 года с параметрами когнитивной войны

Критерий	**Украинский конфликт (2022)**
Основная цель воздействия	Формирование у российской, украинской и международной аудиторий устойчивой интерпретации конфликта как морально однозначного («абсолютное зло»), сопровождающейся подрывом способности к самостоятельной оценке причин, хода и последствий СВО и смещением фокуса с анализа на эмоциональное реагирование.
Объект воздействия	Сознание граждан РФ, Украины и западного мира (включая аполитичных)
Предмет воздействия	Механизмы интерпретации визуальной информации, морального суждения, эмоциональной оценки насилия
Тип воздействия на сознание	Воздействие через эмоционально-нагруженные визуальные и символические образы, сопровождающееся снижением способности к аналитическому осмыслению событий
Характер воздействия	Кумулятивная последовательность когнитивных ударов, выстроенных вокруг резонансных медиасобытий (родильный дом в Мариуполе – 9 марта 2022 г.; драматический театр в Мариуполе – 16 марта 2022 г.; Буча – начало апреля 2022 г.;), транслируемых синхронно в СМИ, соцсетях и через публичных лиц
Роль префронтальной коры	Перегрузка рационально-аналитических функций за счёт доминирования эмоциональных визуальных стимулов, отсутствия временной дистанции между событием и интерпретацией, а также нормативного давления, при котором попытка анализа маркировалась как аморальная
Роль лимбической системы	Интенсивная активация за счёт демонстрации образов погибших мирных жителей (Буча), раненых беременных женщин (роддом в Мариуполе), символов детской уязвимости («ДЕТИ» у драмтеатра), что вызывало страх, стыд, вину и моральный шок
Форма восприятия информации	Клиповое и фрагментированное: фотографии, видео, спутниковые снимки, короткие эмоциональные тексты, минимальное присутствие контекстуального анализа, приоритет первичного эмоционального впечатления
Планируемый результат воздействия	Де-субъективация политического сознания: утрата чувства когнитивного контроля, разрыв идентичности с государством и армией, рост чувства коллективной вины, готовность к поддержке поражения собственной стороны как морально оправданного исхода

Источник: составлено автором

Таким образом, кампания зимы–весны 2022 года демонстрирует ключевые признаки когнитивной войны: многоканальность воздействия, кумулятивный эффект когнитивных ударов и ориентацию на эмоционально-психологические механизмы. При этом наблюдается целенаправленное ослабление способности субъекта к рациональной интерпретации политической реальности. Анализ рассматриваемого кейса показывает, что в современных конфликтах когнитивное

воздействие уже не ограничивается вспомогательной фугкцией, а приобретает признаки самостоятельного домена противоборства. В связи с этим возникает необходимость его отдельной теоретической проработки и эмпирической операционализации.

Сопоставление рассмотренных кейсов отражает общую тенденцию развития нематериального противоборства. Речь идет о переходе от преобладания интерпретационных практик и морально-нормативного фреймирования, характерных для позднесоветского периода, к более сложным, технологически опосредованным режимам воздействия, сформировавшимся в цифровой коммуникационной среде (в чсатности, Беларусь 2020 и кампания зимы–весны 2022 года). Во всех кейсах воздействие приобретает форму распределённого многоканального процесса, при котором устойчивые когнитивные рамки воспроизводятся синхронно в различных средах потребления информации (с разницей в том, что в XXI веке таких сред стало больше), а визуальные и символические стимулы закрепляются как первичные основания политического суждения. Это приводит к устойчивому смещению баланса между эмоциональной и аналитической обработкой информации и формирует условия, при которых политические оценки определяются не последовательной аргументацией, а интенсивностью аффективной реакции и нормативной маркировкой допустимых интерпретаций. Контекст цифровизации имеет прямые последствия для процессов политической социализации: при высокой частотности сетевых коммуникаций и алгоритмической персонализации информационных потоков изменяется сам механизм формирования гражданской идентичности: идентификационные основания и ценностные ориентиры всё чаще возникают в логике сетевых нарративов и практик онлайн-вовлечённости. В этих условиях уязвимость к когнитивному воздействию распределяется неравномерно и зависит от степени включённости индивида в цифровую среду, характера медиапотребления и доминирующих каналов коммуникации.

В рамках настоящего исследования это делает принципиально значимым обращение к той социальной группе, для которой цифровые каналы выступают

базовой инфраструктурой повседневного взаимодействия, а сетевые стимулы – постоянным фоном принятия решений и формирования установок. Действительно, одной из наиболее уязвимых групп в этом процессе оказывается молодёжь: именно она наиболее вовлечена в сетевые коммуникации и наиболее подвержена воздействию эмоционально насыщенного контента. Согласно данным Pew Research Center[587], 96% подростков ежедневно находятся в сети, и почти половина из них – онлайн практически постоянно; при этом для 60–90% именно социальные медиа выступают основной площадкой коммуникации, что делает их ключевым каналом формирования ценностных ориентиров и моделей идентичности. Подобная динамика формирует значительные риски для политической стабильности и институциональной устойчивости государства. В результате трансформации коммуникационной среды меняется не только характер политической вовлечённости молодёжи, но и сама структура гражданской идентичности, формирование которой всё в большей степени определяется алгоритмами цифровых платформ, сетевыми нарративами и практиками онлайн-сообществ[588]. Цифровое пространство становится ареной артикуляции альтернативных ценностей и смысловых конструктов, способных конкурировать с традиционными моделями идентичности и интегрироваться в публичный дискурс. В условиях сетевой коммуникации речь идет уже не просто о мобилизации протестных настроений, а о формировании новых когнитивных и нормативных оснований гражданской идентичности, что придает молодежной активности качественно иной характер и превращает её в фактор долгосрочного воздействия на политическую систему[589]. В результате интернет-среда,

---

[587] Social Media and News Fact Sheet // Pew Research Center. – 12.12.2024. – URL: https://www.pewresearch.org/journalism/fact-sheet/social-media-and-news-fact-sheet/ (Last accessed: 08.085.2025); Faverio M., Sidoti O. Teens, Social Media and Technology 2024 // Pew Research Center. – 12.12.2024. – URL: https://www.pewresearch.org/internet/2024/12/12/teens-social-media-and-technology-2024/ (Last accessed: 08.05.2025).

[588] Youth rely on digital platforms, need media literacy and access to political information // The CIRCLE, Tufts University. – 15.05.2025. – URL: https://circle.tufts.edu/latest-research/youth-rely-digital-platforms-need-media-literacy-access-political-information (Last accessed: 13.07.2025).

[589] Бродовская Е. В. Цифровая активность российской молодежи в условиях новой политической реальности: ключевые риски и возможности их преодоления / Е. В. Бродовская,

социальные сети и алгоритмические механизмы персонализации, включая технологии искусственного интеллекта, выступают в качестве важнейшего канала политической социализации молодежи[590], вливаясь в долгосрочные процессы формирования гражданской идентичности и создавая новые материальные и символические основания для политического участия. Это требует не только теоретического осмысления, но и эмпирической проверки, которая будет представлена в следующем параграфе.

§ 3.3. Ценностный уровень гражданской идентичности и когнитивно-аффективные индикаторы состояния когнитивной автономии (на основании эмпирического исследования)

Поскольку в условиях цифровой среды социальные сети и алгоритмические механизмы становятся не только каналами коммуникации, но и мощными факторами политической социализации молодежи, то именно они во многом сегодня определяют траекторию формирования её гражданской идентичности[591]. Однако масштабы и специфику этих трансформаций невозможно изучить исключительно на теоретическом уровне: для выявления того, каким образом когнитивное воздействие изменяет восприятие и закрепляет новые формы идентичности, требуется эмпирическое исследование, доказывающее наличие в современной среде факторов, воздействующих на устойчивость или, напротив, уязвимость молодежной аудитории. В этой связи предлагается провести исследование, состоящее из двух взаимодополняющих частей.

Первая часть направлена на фиксацию степени включенности молодежи в цифровую среду и её когнитивных параметров (уровень тревожности, усталость, способность к концентрации, ощущение зависимости от цифровых платформ), то

Н. Ю. Склярова, В. А. Лукушин // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2023. – Т. 1, № 6. – С. 100-123.

[590] About half of TikTok users under 30 say they use it to keep up with politics, news // Pew Research Center. – 20.08.2024. – URL: https://www.pewresearch.org/short-reads/2024/08/20/about-half-of-tiktok-users-under-30-say-they-use-it-to-keep-up-with-politics-news/ (Last accessed: 28.08.2025).

[591] Huang Y. Young people, media and politics in the digital age. // Information, Communication & Society. – 2024. – Vol. 28(1). – P. 187–189.

есть тех характеристик, которые отражают текущее состояние когнитивной сферы молодёжи в условиях цифровой перегрузки и одновременно позволяют диагностировать тактическую задачу когнитивной войны, зафиксированную ранее – снижение когнитивной автономии индивида. Вторая часть исследования имеет целью сопоставление полученных когнитивных данных с ценностно-структурным уровнем. Для этого используется модель «Пентабазиса»[592], которая позволяет операционализировать ключевые ценностные доминанты национального кода (созидание, традиции, согласие, доверие к институтам, патриотизм) и выявить, в какой мере молодёжная аудитория сохраняет их в качестве устойчивых установок. Такая постановка задачи соотносится с более широкой, стратегической целью когнитивной войны, которая направлена на постепенное лишение индивида субъектности – как индивидуальной, так и коллективной.

Чтобы понять, как именно происходит процесс воздействия на устойчивость или, напротив, уязвимость молодежной аудитории, необходимо обратиться к разработанной в параграфе 2.2 модели когнитивного воздействия. Согласно этой модели, восприятие информации человеком осуществляется через устойчивые когнитивные схемы, которые выступают фильтрами интерпретации. Внешняя среда задаёт определённые смыслы с помощью мифов, архетипов и метафор, которые либо актуализируют уже существующие когнитивные коды, либо способствуют внедрению новых. Тем самым создаются смысловые рамки интерпретации, задающие направление когнитивной обработки информации. В дальнейшем полученный материал включается в системы ориентировочной деятельности индивида, каждая из которых формирует специфическую модальность реагирования. Если доминирует аффективная система, преобладает импульсивная эмоциональная реакция; если ведущей становится нормативная система, то поведение будет соотнесено с культурными и социальными правилами; при акценте на когнитивно-прагматической системе формируется

[592] Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) / А. Д. Харичев, А. Ю. Шутов, А. В. Полосин, Е. Н. Соколова // Журнал политических исследований. – 2022. – Т. 6, № 3. – С. 9-19.

рационально выстроенная линия поведения. Итоговый характер политической и гражданской активности индивида определяется тем, допускает ли его когнитивная схема внедрение новых когнитивных кодов извне или сохраняет устойчивость к подобным воздействиям.

Когнитивное противоборство, в свою очередь, направлено на снижение этой устойчивости: оно стремится перевести индивида из режима когнитивно-прагматической модальности реагирования в аффективный, где преобладает эмоциональная импульсивность. Цифровая среда с её фрагментированной и ускоренной подачей информации как раз создаёт такие условия, усиливая депрессивную компоненту, повышая уровень тревожности, ослабляя рационально-обрабатывающие механизмы восприятия и тем самым повышая восприимчивость к навязыванию новых смысловых конструкций. В условиях повышенного уровня включенности в цифровую среду пользователи оказываются более подверженными эмоциональным импульсам и демонстрируют повышенную возбудимость, обусловленную актуализацией базовых эмоциональных состояний: тревоги и страха[593]. Эти состояния, в свою очередь, создают предпосылки для перехода к снижению эффективности личности: импульсивным формам поведения, снижения критической дистанции и самоконтроля, ослабления барьеров рационального восприятия.

В контексте когнитивных войн этот фактор представляется одним из ключевых, поскольку воздействие направлено не столько на изменение внешнего информационного поля, сколько на внутренние когнитивные процессы, которые определяют способность индивида к автономному осмыслению поступающей информации[594]. В цифровой среде когнитивная система индивида оказывается под постоянным давлением фрагментированных сигналов, метафорических образов и эмоционально маркированных нарративов, что делает более вероятным отказ от когнитивно-прагматической модальности реагирования и перевод активности в

[593] Li K., Jiang S., Yan X., Li J. Mechanism study of social media overload on health self-efficacy and anxiety // Heliyon. – 2023. – Vol. 10(1). – e23326.
[594] Smiljanic, D. Cognitive Warfare - the Human Mind as the New Battlefield // Proceedings of the Defence and Security Conference. – 2025. – Vol. 1, No 1. – P. 84–114.

аффективную плоскость. Тем самым с помощью повышенной включенности пользователей в цифровую среду создаются условия для подрыва когнитивной автономии личности и повышения восприимчивости к навязываемым извне интерпретациям. Соответственно, предполагается, что у молодёжи интенсивное цифровое взаимодействие связано с ослаблением когнитивной автономии и с последующей эрозией ценностных доминант гражданской идентичности (прежде всего доверия к институтам власти); если это так, то вероятна корреляция между повышенной цифровой нагрузкой и проницаемостью установок для внешнего когнитивного воздействия (чем больше молодежь проводит времени в цифровой среде, тем выше вероятность доверия к институтам власти).

Для проверки данной гипотезы необходимо опираться не только на теоретический анализ, но и на эмпирическое исследование, позволяющее выявить, в какой степени молодежная аудитория подвержена указанным процессам. Так, первая часть эмпирического исследования была проведена диссертантом в период с сентября по октябрь 2025 года среди студентов московских вузов (МПСУ и Финансовый университет). В исследовании приняли участие 78 человек в возрасте от 18 до 22 лет, что дает возможность зафиксировать когнитивные состояния аудитории, потенциально более чувствительной к цифровым воздействиям. Представители данной возрастной группы активно вовлечены в сетевые коммуникации, проводят значительную часть времени в социальных медиа и используют сервисы искусственного интеллекта. При этом для них все еще характерны процессы формирования механизмов самоконтроля и принятия решений, что в ряде случаев повышает восприимчивость к эмоционально насыщенному контенту.

Первая часть исследования была направлена на выявление параметров цифровой нагрузки студенческой аудитории и анализ их взаимосвязи с когнитивно-аффективными состояниями. В качестве методологическоц основы использовалось анкетирование. Для минимизации субъективных искажений анкета была выстроена на бинарных ответах («да» или «нет»), что позволяет однозначно фиксировать наличие или отсутствие соответствующего признака и

упрощает последующую обработку полученнных данных. Вопросы формулировались таким образом, чтобы зафиксировать не только факты субъективных переживаний, но и степень их устойчивости в повседневных практиках. После анкетирования проводилось полуструктурированное включённое наблюдение в естественных условиях с элементами полевого поведенческого эксперимента, дополненное проективной визуальной техникой (метафорические карты) для верификации самоотчётов и выявления латентных аффективных реакций.

Анонимное анкетирование проводилось в трёх учебных группах МПСУ и двух группах Финансового университета в период с сентября по октябрь 2025 года. В опросе приняли участие 78 студентов (N = 78) в возрасте 18–22 лет; гендерный состав выборки: 27 юношей и 51 девушка. Профиль обучения участников: «Психология», «Политология» и «Педагогическое образование» (профиль «Начальное образование»).

Респондентам были предложены следующие вопросы:

А. Цифровое взаимодействие (да/нет)

1. Обычно провожу в социальных сетях и мессенджерах более 3 часов в день.

2. Проверяю ленты/чаты чаще, чем раз в 30 минут.

3. Уведомления на телефоне у меня почти всегда включены.

4. Часто просматриваю ленты перед сном.

5. Бывает, что «залипаю» и прокручиваю ленту без конкретной цели 20 минут и более.

6. Ежедневно пользуюсь сервисами искусственного интеллекта (чат-боты, генераторы и т. п.).

В. Когнитивно-аффективные индикаторы (да/нет)

7. После чтения новостных лент ощущаю повышенную тревожность.

8. Длительное пребывание онлайн вызывает чувство усталости или опустошения.

9. Раздражаюсь, если не могу проверить соцсети/мессенджеры.

10. Сны/мысли о контенте из соцсетей мешают уснуть.

11. Поток информации заметно повышает мою тревожность.

12. Эмоционально окрашенный контент (тревожные новости) влияет на моё настроение дольше, чем хотелось бы.

13. Иногда не справляюсь с количеством поступающей информации из соцсетей.

14. Замечаю, что рекомендации платформ влияют на мой выбор сильнее, чем собственное суждение.

15. Мне трудно отказаться от соцсетей или ИИ-сервисов хотя бы на один день.

16. Обычно могу сосредоточенно работать/учиться 30 минут и более без отвлечений.

17. Легко откладываю телефон на 3–4 часа в дневное время.

В результате проведения первой части исследования удалось зафиксировать ряд закономерностей, подтверждающих первую часть гипотезы. Так, в опросе фиксируется устойчиво высокий уровень повседневной вовлечённости в цифровые среды при одновременно неоднородных когнитивно-аффективных эффектах. 89,7% респондентов проводят в социальных сетях и мессенджерах более трёх часов в день (70 из 78); у 74,4% опрошенных уведомления «почти всегда включены» (58 из 78), а проверка лент чаще, чем раз в 30 минут, характерна больше, чем для половины выборки (40 из 78). Вечерне-ночное потребление контента стало нормой для 71,8% участников (56 из 78), как и «бездумный скроллинг» по 20 минут и более для 69,2% респондентов (54 из 78). К сервисам искусственного интеллекта на ежедневной основе обращается пока лишь 20,5% опрошенных (16 из 78), что указывает на то, что основная медианагрузка формируется именно за счёт социальных платформ и мессенджеров.

Когнитивно-аффективные индикаторы демонстрируют смешанную картину: 23,1% респондентов отмечает рост тревожности после новостных лент (18 из 78), а 17,9% – рост тревожности под влиянием общего информационного потока (14

из 78), 20,5% опрошенных указывают на чувство усталости и опустошения после длительного пребывания онлайн (16 из 78). Почти у 40% участников (30 из 78) эмоционально окрашенный контент удерживает влияние на настроение дольше желаемого. У 30,8% респондентов (24 из 78) возникает раздражение при невозможности проверить социальные сети или мессенджеры. Нарушения сна вследствие увиденного в сетях фиксируются значительно реже – лишь у 7,7% выборки (6 из 78), как и ощущение «информационной несостоятельности» (6 из 78). Лишь 2,6% опрошенных признали доминирующее влияние рекомендаций платформ над собственным суждением (2 из 78).

Показатели саморегуляции амбивалентны. 64,1% участников сообщает о способности работать и учиться сосредоточенно 30 минут и более (50 из 78), однако лишь 20,5% легко откладывают телефон на 3–4 часа днём (16 из 78). В сочетании с высокой частотой проверок и включёнными уведомлениями это описывает режим коротких интервалов концентрации на фоне общей зависимости повседневного ритма жизни участников от внешних цифровых сигналов. Раздражительность при ограничении доступа у 30,8% опрошенных (24 из 78) и трудность отказаться от социальных сетей или сервисов искусственного интеллекта хотя бы на день у 30,8% участников (24 из 78) указывают на то, что по ряду параметров доля уязвимых к отвлекающим стимулам достигает трети.

В целом полученные данные позволяют выделить несколько ключевых наблюдений:

1. Для молодежи характерен высокоинтенсивный и фрагментированный формат цифрового взаимодействия, который фактически становится фоновым элементом их повседневной жизни;

2. У части респондентов (примерно 20–40% в зависимости от индикатора) проявляются когнитивно-аффективные последствия: повышенная тревожность, быстрая утомляемость внимания, а также раздражительность при ограничении доступа к цифровой среде;

3. Фиксируется своеобразное противоречие: заявленная способность сохранять концентрацию в течение получаса сочетается с трудностями длительного отказа от цифровых практик.

Второй и третий пункты представляются особенно интересными, поскольку в рамках исследования зафиксирован существенный разрыв между декларативными самоотчётами и наблюдаемым поведением респондентов, Вероятно, это обусловлено эффектом социальной желательности и стратегиями управляемой самопрезентации личности. В анкетах часть студентов заявляла о способности длительно обходиться без смартфона, реже проверять ленты и сохранять высокий уровень цифрового самоконтроля, однако сразу по завершении опроса абсолютное большинство участников автоматически возвращалось к смартфонам и проверке уведомлений. Данное несоответствие интерпретируется как действие «внутренней цензуры» – интериоризированных нормативных ожиданий, побуждающих демонстрировать исследователю «благообразную» картину практик, соответствующую социально одобряемому идеалу умеренного и осознанного медиа-потребления. Другими словами, речь идет о факторе социальной желательности[595], в рамках которого часть ответов респондентов может отражать не реальные практики, а стремление продемонстрировать корректные установки. Ситуацию усугубляет низкий уровень базового доверия к внешнему исследователю при первом контакте, что повышает вероятность ответов, ориентированных на норму, а не на фактическое поведение.

Последующее изучение поведения опрашиваемых с использованием проективной техники (метафорические карты) подтвердило скрытую аффективную нагрузку: выбираемые теми же студентами метафорические образы (агрессивные, угрожающие фигуры: например, «пауки», «драконы» и т. п.) указывали на повышенный фон тревожности и ощущение когнитивного давления среды. Тем самым поведенческие наблюдения и проективные индикаторы

[595] Salecha A., Ireland M. E., Subrahmanya S., Sedoc J., Ungar L. H., Eichstaedt J. C. Large language models display human-like social desirability biases in Big Five personality surveys // PNAS Nexus. – 2024. – Vol. 3(12). – pgae533.

согласованно свидетельствуют о стремлении части респондентов маскировать реальные цифровые практики, воспринимаемые ими как нормативно неодобряемые. Методологически это означает, что полученные по самоотчётам оценки интенсивности цифрового взаимодействия и выраженности утомляемости и тревожности следует трактовать как нижнюю границу, а при интерпретации исследования опираться на комбинированные данные (опрос в совокупности с поведенческими наблюдениями и проективными заданиями), минимизирующие искажения, обусловленные социальной желательностью.

По итогу первая часть опроса и последующее наблюдение за поведением опрашиваемых демонстрирует наличие контуров зависимости молодежи от цифровой среды, а также ослабления когнитивной автономии у заметной части аудитории при сохраняющейся способности к кратковременной фокусировке. Зафиксированные состояния (тревожность, усталость, снижение уверенности и рост внушаемости) подтверждают гипотезу о систематическом ослаблении когнитивной автономии, что соответствует логике когнитивных войн и демонстрирует их долгосрочные риски для политической стабильности.

Однако, как было обозначено в параграфе 3.1. ослабление когнитивной автономии индивида – это тактическая задача когнитивной войны, в то время как стратегическая её цель подразумевает ослабление субъектности индивида (как индивидуальной, так и коллективной) и подрыв коллективных оснований его идентичности, на которых держится долгосрочная политическая устойчивость. Для аналитического описания таких оснований в настоящем исследовании предлагается опираться на модель «Пентабазиса»[596], предложенную в отечественной научной традиции несколько лет назад. В данном случае «Пентабазис» понимается в том виде, в каком он был сформулирован исследовательской группой А. Д. Харичева, А. Ю. Шутова, А. В. Полосина и Е. Н. Соколовой по итогам серии фокус-групп и «мозговых штурмов» проекта «Гуманитарный реактор» (март–май 2022 г.) с участием 70 респондентов из МГУ

[596] Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) / А. Д. Харичев, А. Ю. Шутов, А. В. Полосин, Е. Н. Соколова // Журнал политических исследований. – 2022. – Т. 6, № 3. – С. 9-19.

и ВШЭ. Модель была предложена как рабочая операциональная схема для выявления интегральной системы базовых ценностей и реконструкции «общенационального цивилизационного кода» России, где пять уровней социально-исторической организации (Человек, Семья, Общество, Государство, Страна) соотносятся с пятью соответствующими ценностными доминантами (созидание, традиции, согласие, доверие к институтам, патриотизм). Эти доминанты, в свою очередь, раскрываются через нормативные установки и практики: на уровне «Человек» – ориентация на труд, личностный рост и гражданскую ответственность; на уровне «Семья» – межпоколенческая солидарность, безопасность и забота; на уровне «Общество» – взаимопомощь, уважение к инакомыслию, неприятие дискриминации; на уровне «Государство» – признание компетентности и легитимности институтов, открытость и совместимость целей власти и граждан; на уровне «Страна» – идентификация с государством, готовность связывать с ним жизненные планы и будущее детей, понимание ценности суверенитета и исторической преемственности. В дальнейшем эта рамка была использована в прикладных разработках (в т. ч. в проекте «ДНК России», который возник на основе опыта реализации Указа Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»[597], Указа Президента РФ от 02.07.2021 №400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»[598] и нашел свое воплощение в Указе Президента РФ от 25 января 2023 г. №35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики»[599]) и положена в основание дискуссий о содержании курса «Основы и

[597] Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» – Номер опубликования: 0001202007210012 // Официальный интернет-портал правовой информации. – 21.07.2020. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001202007210012.

[598] Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» – Номер опубликования: 0001202107030001 // Официальный интернет-портал правовой информации. – 02.07.2021. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001.

[599] Указ Президента Российской Федерации от 25.01.2023 г. № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808» – Номер опубликования: 0001202301250004 //

принципы российской государственности»[600], а также соотнесена с концептуальными установками обновлённой Концепции внешней политики Российской Федерации[601] от 2023 года. Таким образом, «Пентабазис» изначально задумывался как инструмент как теоретической реконструкции ценностного каркаса, так и практической диагностики/укрепления коллективной идентичности в условиях внешних и внутренних вызовов.

Сопоставление полученных эмпирических данных с теоретической моделью «Пентабазиса» позволяет предположить, что уязвимость молодёжной аудитории к когнитивным воздействиям имеет не только психологическое, но и ценностно-структурное измерение. Выявленные в опросе признаки тревожности, усталости внимания, снижения концентрации и зависимости от алгоритмически организованных сред могут рассматриваться как механизмы, переводящие реагирование из когнитивно-прагматической в аффективную модальность. В таком режиме повышается проницаемость когнитивных схем для внешних кодов и репертуаров интерпретации, что создаёт условия для подмены ценностных доминант «Пентабазиса». Зафиксированные когнитивные параметры могут рассматриваться не как изолированные психические состояния, а как посредники, влияющие на устойчивость ценностных ориентаций: если когнитивная сфера оказывается перегруженной и смещённой в сторону аффективного реагирования, то именно ценностный уровень становится наиболее уязвимым для внешнего воздействия. Из-за этого необходима дополнительная проверка, в какой мере молодёжь сегодня сохраняет ключевые ценностные доминанты национального кода или демонстрирует их эрозию.

Официальный интернет-портал правовой информации. – 25.01.2023. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202301250004.

[600] Артюхин О. А. Мировоззренческие компоненты модели "пентабазиса" в современной политике России / О. А. Артюхин, Л. Л. Иванова, А. Т. Батов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2023. – № 2. – С. 190-196.

[601] Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» – Номер опубликования: 0001202303310007 // Официальный интернет-портал правовой информации. – 31.03.2023. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303310007.

Для этого проводится второй этап эмпирического исследования, направленный на выявление того, каким образом молодёжная аудитория соотносит собственные установки с ценностными доминантами «Пентабазиса». В исследовании участвуют те же 78 студентов московских вузов (МПСУ и Финансовый Университет) в возрасте от 18 до 22 лет. Анкетирование строится на бинарных ответах («да/нет»), что позволяет исключить неопределённые варианты и зафиксировать наличие либо отсутствие ценностных установок. После анкетирования также проводилось полуструктурированное включённое наблюдение в естественных условиях с элементами полевого поведенческого эксперимента для верификации самоотчётов.

Анкета структурируется вокруг пяти блоков, соответствующих уровням «Пентабазиса» и фиксирует измерение ценностных доминант. Для доминанты «Человек – созидание» респондентам предлагаются следующие вопросы:

1. Если задача сложная, стараюсь довести её до конца, даже при падении мотивации.

2. Готов(а) сознательно отказываться от развлечений ради важной учебной/проектной цели.

3. Считаю, что успех прежде всего зависит от личных усилий, а не от «везения».

Для доминанты «Семья – традиции» респондентам предлагаются следующие вопросы:

4. В моей семье есть собственные традиции/совместные ритуалы, которые мы поддерживаем.

5. В сложных ситуациях в первую очередь обращаюсь за поддержкой к семье.

6. Согласен(на), что семья – самое надёжное пространство доверия и безопасности.

Для доминанты «Общество – согласие» респондентам предлагаются следующие вопросы:

7. Если незнакомому человеку нужна помощь, обычно откликаюсь.

8. В спорах по «острым темам» стараюсь понять аргументы другой стороны.

9. Воспринимаю резкие общественные конфликты скорее как опасный раскол, чем как «норму».

Для доминанты «Государство – доверие к институтам» респондентам предлагаются следующие вопросы:

10. Считаю, что государственные институты в целом выполняют свои функции честно и эффективно.

11. Воспринимаю выборы как механизм, реально влияющий на общественную жизнь.

12. При расхождении информации официальных источников и соцсетей чаще доверяю соцсетям.

Для доминанты «Страна – патриотизм» респондентам предлагаются следующие вопросы:

13. Испытываю чувство гордости за культурные/спортивные достижения России.

14. В первую очередь связываю своё будущее с Россией.

15. Считаю важным помнить и уважать историю страны, даже если она неоднозначна.

По результатам обработки второй части анкеты (N = 78; блок «ценностные доминанты») фиксируется низкий уровень сохранности базовых ценностных доминант по всем пяти уровням «Пентабазиса»: ни по одному из блоков не достигается устойчивое мажоритарное согласие, преобладают слабые и амбивалентные установки, что указывает на эрозию их регулятивного потенциала и повышенную проницаемость для внешнего воздействия.

На уровне «Человек–созидание» фиксируется относительно низкая выраженность созидательной установки. Только четверть респондентов отметили, что доводят сложные задачи до конца даже при снижении мотивации (20 из 78). При этом готовность сознательно отказываться от развлечений ради значимой учебной или проектной цели отметили 46,2% (36 из 78), а склонность связывать

успех прежде всего с личными усилиями – 41% (32 из 78). В целом можно говорить о том, что «созидательная» доминанта проявляется неравномерно: соответствующие установки присутствуют, однако они не всегда переходят в устойчивые поведенческие практики.

Семейно-традиционный контур также не демонстрирует выраженной устойчивости. Наличие семейных традиций и ритуалов подтвердили 51,3% респондентов (40 из 78), обращение к семье за поддержкой в сложных ситуациях – 48,7% (38 из 78), а восприятие семьи как «наиболее надёжного пространства доверия и безопасности» – 43,6% (34 из 78). Близость этих значений к порогу большинства позволяет говорить скорее о сохранении соответствующих ориентаций, чем об их безусловном доминировании.

По блоку «Общество–согласие» также фиксируются слабые проявления консенсусной установки. Готовность откликаться на просьбы незнакомых людей выразили 48,7% (38 из 78), тогда как стремление учитывать аргументы оппонента в «острых» спорах отметили лишь 17,9% (14 из 78). Показательно и то, что только 5,1% респондентов (4 из 78) воспринимают резкие общественные конфликты прежде всего как «опасный раскол». Это может свидетельствовать о снижении чувствительности к рискам социальной фрагментации.

На уровне «Государство–доверие к институтам» проявляется выраженный скепсис. Доверие к базовым институтам (суды, армия, полиция) зафиксировано у 3,8% респондентов (3 из 78), а восприятие выборов как реально влияющего механизма – у 20,5% (16 из 78). При расхождении информации официальных источников и социальных сетей лишь 5,1% (4 из 78) отдают предпочтение последним. Это указывает не столько на перенос доверия к альтернативным каналам, сколько на общий дефицит институциональной уверенности без формирования устойчивой альтернативы.

Патриотический блок («Страна–патриотизм») демонстрирует умеренно-положительные значения. Чувство гордости за культурные и спортивные достижения России отметили 51,3% (40 из 78), связь личного будущего с Россией – 52,6% (41 из 78), важность памяти и уважения к истории – 46,2% (36 из 78). В

совокупности это позволяет говорить о сохранении идентификационной опоры, однако она не носит полностью устойчивого и однородного характера.

Таким образом, результаты второго этапа анкетирования подтверждают рабочую гипотезу о размывании ценностных доминант в молодёжной среде и указывают на повышенную уязвимость молодежи к когнитивному воздействию. Ни одна из пяти опор «Пентабазиса» не проявилась как устойчивая: «созидание» остаётся декларативным (лишь 25,6% доводят сложные задачи до конца), консенсусные установки слабы (17,9% готовы понимать аргументы оппонента; 5,1% видят в острых конфликтах прежде всего риск раскола), доверие к институтам минимально (3,8% – эффективные институты; 20,5% – выборы как рабочий механизм), а семейно-традиционная и страновая идентификация фиксируются на уровне около половины выборки, не образуя прочного большинства.

Сразу после второй части опроса был проведён краткий поведенческий тест в аудитории. На вопрос «Кто доверяет институтам государственной власти?» ни один участник руку не поднял. Далее студентам предложили описать «идеальную» модель государства, в которой им хотелось бы жить. Практически все ответы строились по схеме отрицательных определений («без насилия», «без несправедливости», «без…»), то есть через исключение нежелательных характеристик, а не через формулирование позитивных, содержательных критериев институционального устройства и процедурной архитектуры. На уточняющий вопрос о конкретных основаниях недоверия (фактах, личном опыте, проверяемых претензиях) аргументированные ответы отсутствовали. Дополнительно было выявлено разрывное отношение к избирательной процедуре: ни один из присутствующих не принимал участие в выборах в рамках экстерриториального голосования в период Единого дня голосования 12 сентября 2025; более того, ни один из участников исследования не знал о самом факте голосования. Это указывает не столько на перенос доверия к альтернативным каналам, сколько на дефицит гражданской информированности: повседневная медийная повестка участников формируется в «цифровых пузырях»

(алгоритмически персонализированных лентах), из которых тема институциональных процедур просто выпадает. Характер поведения при голосовании подниманием руки показателен и с точки зрения нормативного климата группы: при ответах на социально желательные вопросы студенты еще пытались отслеживать реакции друг друга (заметный конформный мониторинг), тогда как декларация недоверия к институтам предъявлялась без оглядки на сверстников. Это позволяет говорить о том, что в наблюдаемых группах недоверие к государственным институтам уже выполняет роль нормативной позиции, не требующей дополнительных оправданий.

Полученные наблюдения в целом соотносятся с анкетными данными по блоку «Государство–доверие к институтам» (доверяют институтам 3,8% респондентов, а 20,5% воспринимают выборы как реально влияющий механизм) и позволяют уточнить их интерпретацию. Речь идет не только о низком уровне институционального доверия, но и о слабо выраженной позитивной артикуляции гражданских ожиданий. В совокупности результаты поведенческого теста и опросного массива указывают на заметную эрозию институциональной составляющей гражданской идентичности и ценностных доминант у молодёжи. Одновременно фиксируется сужение информационного горизонта, которое, вероятно, связано с действием механизмов алгоритмической персонализации. С методологической точки зрения это позволяет говорить о повышенной проницаемости установок для внешнего воздействия в условиях ослабленного когнитивного контроля и недостаточно сформированных нормативных опор.

В сочетании с данными первой части исследования это даёт основания рассматривать происходящие изменения как проявление системной эрозии ценностного каркаса в условиях цифровизации, поскольку «импульсивные аффективные отклики вытесняют длительное целеполагание и кооперативные стратегии, а нормативные опоры уступают место ситуативным эмоциональным кодам»[602]. Следовательно, при высокой степени вовлеченности в цифровую среду

[602] Дегтярева Е. Б. Эрозия ценностных оснований гражданской идентичности молодежи в условиях когнитивной войны // Управление и политика. – 2026. – Том 5, №1. – С. 26-39.

возрастает вероятность ослабления когнитивного контроля и нестабильности нормативных ориентиров, что, в свою очередь, повышает восприимчивость индивидуальных установок к внешнему воздействию. Полученные результаты в совокупности подтверждают факт уязвимости молодежи к когнитивным атакам и позволяют утверждать, что когнитивная война уже ведётся: её риск состоит не в мгновенном «обнулении» ценностей, а в их постепенной эрозии и смещении акцентов, прежде всего через ослабление когнитивного контроля и нормативных опор[603].

С теоретической точки зрения полученные результаты уточняют рабочую гипотезу: сдвиг к аффективной модальности снижает когнитивную автономию и повышает проницаемость когнитивных схем для внешних кодов, что со временем приводит к рассогласованию «установка – практика». Подобные исследования задают исследовательский и прикладной контур: (1) необходимы последующие долговременные наблюдения и экспериментальные проверки для установления причинной цепочки «перегрузка → модальность реагирования → переведение ценностей в практику»; (2) уместны комбинированные измерения (анкетирование в сочетании с поведенческими индикаторами) для разграничения деклараций и реальных практик; (3) программы укрепления коллективной субъектности должны соединять меры когнитивной гигиены (восстановление внимания, снижение навязчивых уведомлений, критическая оценка источников) с институциональными и общественными механизмами, переводящими ценности в действие.

Отсюда следуют и практические выводы. Во-первых, программы противодействия когнитивным атакам не могут ограничиваться информационными кампаниями, ориентированными только на корректировку внешнего контента. Необходимо укрепление когнитивной автономии личности: развитие навыков концентрации, критического мышления, умения работать с информационными перегрузками. Эти навыки должны становиться частью

[603] Drmotová K., Kutěj L. Cognitive Warfare as a New Dimension of Security. A Fictional Concept or a Real Silent Threat? // Vojenské rozhledy. – 2024. – Vol. 33. – P. 63–83.

образовательных и воспитательных практик, начиная с университетской среды. Во-вторых, стратегические усилия должны быть направлены на укрепление ценностных доминант «Пентабазиса» через практики, а не только через декларации. Это означает поддержку семейных традиций, создание форматов живого диалога и солидарности в обществе, институционализацию доверия к государственным структурам (например, через прозрачные и вовлекающие процедуры), а также включение молодёжи в культурные и гражданские проекты, формирующие долгосрочную идентификацию со страной. В-третьих, цифровая среда сама по себе может стать инструментом укрепления ценностных оснований, если её архитектура будет ориентирована не только на удержание внимания и эмоциональную стимуляцию, но и на поддержание когнитивного контроля и созидательных практик. Это предполагает как развитие алгоритмов автоматизированной идентификации информационных потоков внешнего деструктивного информационно-психологического воздействия на пользователей социальных медиа[604], так и разработку этических регулятивов, ограничивающих эскалацию аффективного контента и стимулирующих просоциальные модели взаимодействия.

Итоговый вывод формулируется следующим образом: когнитивная война остаётся переходной по статусу, но уже действует как самостоятельный механизм влияния через усиление аффективной реактивности и ослабление рационально-нормативных регуляторов; зафиксированная у молодёжи комбинация низкого институционального доверия, слабых консенсусных установок и нестабильной «созидательной» ориентации указывает на реальную эрозию ценностного каркаса и требует системных ответов на уровне политики, образования и коммуникационной среды.

***

Таким образом, в третьей главе выполнены поставленные задачи анализа когнитивной войны в проекции на гражданскую идентичность:

[604] Бродовская Е. В. Алгоритм автоматизированной идентификации информационных потоков внешнего деструктивного информационно-психологического воздействия на пользователей социальных медиа / Е. В. Бродовская, А. А. Азаров // Власть. – 2024. – Т. 32, № 2. – С. 89-96.

- Обоснованы структурные предпосылки когнитивной войны, актуализирующиеся в условиях постинформационного общества. При этом подчёркнуто, что их формирование не тождественно оформлению когнитивной войны в терминах современной науки: практики целенаправленного воздействия на способы восприятия и интерпретации реальности исторически предшествовали их концептуализации и получили новое качество в цифровой среде. Тем не менее, переход к сетевой и алгоритмизируемой модели коммуникации трансформирует логику политического воздействия: ключевым ресурсом становится не содержание сообщений, а форматы, механизмы и условия их распространения, определяющие способы восприятия и интерпретации информации. На основе концепции сетевого общества М. Кастельса установлено, что информация приобретает статус структурообразующего элемента социальных и политических взаимодействий, а власть всё в большей степени реализуется через управление информационными потоками, режимами внимания и интерпретационными приоритетами. В условиях формально неограниченного доступа к информации контроль все в большей степени смещается с уровня информированности на уровень когнитивной обработки. Это создаёт среду, в которой подрыв когнитивной автономии возможен без прямого ограничения доступа к данным. Алгоритмизация коммуникации, накопление и анализ больших массивов пользовательских данных, а также механизмы персонализации и микротаргетинга формируют технологическую основу современного этапа когнитивного противоборства. В этих условиях становится возможным адресное воздействие на внимание, эмоциональное восприятие и интерпретации. С точки зрения политологического анализа это позволяет рассматривать когнитивную войну не как набор отдельных манипулятивных практик, а как результат более широких трансформаций политической коммуникации и цифровой инфраструктуры власти.

- Эмпирические данные показывают, что когнитивное воздействие в политической практике возникло раньше его современной научной концептуализации и в целом представляет собой устойчивое измерение

нематериального противоборства. Прослеживается определенная логика преемственности: борьба за мировоззрение и лояльность сначала реализовывалась через религиозное доминирование (контроль веры как способ регулирования поведения), затем через идеологическую конкуренцию и индоктринацию, а на рубеже XX–XXI веков получила новые возможности в условиях цифровизации коммуникационной среды. Тем самым когнитивная война интерпретирована как новое явление, исторически обусловленное трансформацией практик воздействия на картину мира, идентичность и интерпретационные рамки. На примере тбилисских событий апреля 1989 г. зафиксирован протокогнитивный механизм закрепления морально однозначной интерпретации и вытеснения альтернативных объяснений, формирующий устойчивый когнитивный шаблон восприятия политических конфликтов. На примере протестов в Республике Беларусь 2020 г. и западной кампании зимы–весны 2022 г. показан переход к технологически опосредованным режимам воздействия, где ключевую роль играют многоканальность, высокая частотность коммуникаций, платформенная навигация поведения и кумулятивная последовательность «когнитивных ударов», создающих эффекты перегрузки, эмоциональной поляризации и нормативного давления на допустимость интерпретаций. В совокупности проанализированные кейсы показывают, что воздействие на режимы восприятия, внимания и интерпретации политической реальности исторически присутствовало в практике нематериального противоборства, однако в условиях цифровой коммуникационной среды данные механизмы получают принципиально иные возможности масштабирования, интенсификации и институционального закрепления.

- На основе эмпирического исследования студенческой молодёжи (N = 78, 18–22 года) зафиксирована взаимосвязь между высокой интенсивностью цифрового взаимодействия, когнитивно-аффективными состояниями и эрозией ценностных доминант гражданской идентичности. Результаты анкетирования, дополненные включённым наблюдением и проективными методами, показали, что для значительной части выборки цифровая среда выступает фоновым

режимом повседневности, сопровождающимся повышенной тревожностью, утомляемостью внимания, раздражительностью при ограничении доступа и снижением способности к длительному самоконтролю. При сохранении способности к кратковременной концентрации фиксируется зависимость повседневной жизни от внешних цифровых сигналов, что указывает на ослабление когнитивной автономии как тактического эффекта когнитивного противоборства. Сопоставление когнитивно-аффективных индикаторов с моделью «Пентабазиса» выявило отсутствие устойчивых ценностных доминант по всем пяти уровням гражданской идентичности. Ни по одному из блоков («созидание», «традиции», «согласие», «доверие к институтам», «патриотизм») не зафиксировано мажоритарного ядра; преобладают слабые, амбивалентные и декларативные установки. Особенно выраженной является эрозия институционального доверия и консенсусных ориентаций, что подтверждается как опросными данными, так и поведенческими наблюдениями, выявившими дефицит позитивной артикуляции гражданских ожиданий и выпадение институциональных процедур из информационного горизонта молодёжи. В совокупности полученные данные позволяют интерпретировать зафиксированные когнитивно-аффективные состояния не как изолированные психологические эффекты, а как посредники, повышающие проницаемость когнитивных схем и ценностных установок для внешнего воздействия. Ослабление когнитивной автономии сопровождается снижением регулятивного потенциала ценностей и рассогласованием между декларируемыми установками и реальными практиками, что соответствует логике когнитивной войны как процесса постепенной эрозии политической и гражданской субъектности. Тем самым эмпирическое исследование подтверждает, что в условиях цифровой среды когнитивное противоборство реализуется не через прямую подмену ценностей, а через системное ослабление когнитивных и нормативных оснований гражданской идентичности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе проведенного исследования были решены все поставленные задачи, а именно:

1. Выявлена эволюция доктринализации когнитивного домена и его ключевых понятийных элементов в стратегических и аналитических документах США и НАТО;

2. Систематизированы существующие в зарубежной и отечественной школах научные подходы к пониманию когнитивных войн и информационных войн в ракурсе сравнительного анализа;

3. Выявлены сходства, различия и соотношение информационной и когнитивной войны с точки зрения сущностных признаков (объекты воздействия, задачи, инструменты и методы, ожидаемые результаты);

4. Выявлены нейрофизиологические основания когнитивного воздействия, включая анализ нейрофизиологических коррелятов когнитивных и аффективных процессов в психике индивидов для последующего определения механизма когнитивной войны;

5. Идентифицированы тактическая и стратегическая цели когнитивной войны, её инструменты и технологии, а также определен основной механизм когнитивной войны с помощью процедуры многоуровневой концептуализации Г. Гёрца;

6. Выявлены и обоснованы структурные предпосылки когнитивной войны в постинформационном обществе (сетевизация, платформенная логика медиапространства, алгоритмическая персонализация), показан переход от контроля содержания к управлению форматами и вниманием, а также обусловленная этим уязвимость молодежи и риски для политической стабильности.

7. Верифицированы характеристики когнитивных войн на материале анализа практического опыта их применения, зафиксированные в политических и социальных процессах конца XX–начала XXI века, с целью демонстрации

практических форм реализации когнитивных механизмов и возможностей их операционализации в политологическом исследовании.

8. Эмпирически проверены гипотезы о связи цифровой вовлечённости молодёжи с индикаторами когнитивной автономии и ценностного уровня гражданской идентичности на основе данных стандартизированного опроса и полуструктурированного включённого наблюдения и концептуализированы результаты эмпирического исследования в терминах политической науки.

На основе полученных результатов можно сформулировать следующие итоговые положения, подтверждающие выдвинутые гипотезы и фиксирующие полученные научные выводы:

1. Анализ стратегических документов США и НАТО за период 1990–2024 гг. выявил поступательную доктринализацию когнитивного измерения в рамках западной военной мысли и позволил проследить эволюцию представлений о характере невооружённого противоборства. Показано, что на первоначальном этапе информационные операции трактовались преимущественно в технико-инфраструктурной логике – как воздействие на системы управления, связи и передачи данных. Вместе с тем уже в документах 1990-х годов фиксируется интерес к процессам принятия решений и управлению восприятием. По мере цифровизации информационной среды и усложнения медиапространства акцент смещается от контроля информационных потоков к воздействию на интерпретацию, осмысление и принятие решений, а затем – к осмыслению когнитивного пространства как самостоятельного операционного измерения. В результате когнитивное измерение закрепляется в стратегическом дискурсе как значимый фактор военного и политического превосходства; в документах последнего десятилетия объектом воздействия прямо обозначаются восприятие, воля, когнитивная устойчивость и способность к рациональному суждению.

2. Сравнительный анализ американской, китайской и российской научных и доктринальных традиций в области информационных войн позволил содержательно очертить понятийные рамки информационного противоборства как более ранней формы невооружённого конфликта. Установлено, что при общей

ориентации на достижение стратегического превосходства посредством манипулирования информацией данные подходы существенно различаются по объекту, задачам и приоритетам воздействия. Американская традиция эволюционировала от воздействия на информационные системы и управленческие контуры к включению когнитивного измерения в архитектуру информационных операций. Китайский подход сохраняет преимущественно технико-инфраструктурную направленность, концентрируясь на разрушении и защите информационных систем и каналов связи противника при одновременной защите собственного цифрового суверенитета, при этом когнитивные задачи концептуально выводятся в отдельный домен. Российская традиция изначально характеризуется выраженным антропоцентрическим акцентом, в рамках которого объектом информационного воздействия выступает психо-информационное поле личности, её установки и ценностно-смысловые ориентации. Тем самым показано, что информационная война в различных национальных традициях формируется как комплексное, но неоднородное понятие, внутри которого человеческий фактор получает различный теоретический статус, что имеет принципиальное значение для последующего разграничения информационной и когнитивной войн.

3. Анализ трактовок когнитивной войны в зарубежной и отечественной научной традициях позволил выявить содержательные признаки данного концепта и обосновать основания его притязания на автономность. Установлено, что, несмотря на терминологическую неустойчивость, в большинстве подходов когнитивная война описывает воздействие не на содержание сообщений как таковое, а на когнитивную архитектуру субъекта: внимание, память, эмоциональную регуляцию, механизмы осмысления и принятия решений. При этом западный дискурс (в логике НАТО) концентрируется на когнитивном домене как операционном пространстве и связывает его с цифровой средой, когнитивными уязвимостями и технологическими средствами усиления либо подавления когнитивных функций. Российский дискурс демонстрирует пересечение с категориями ментальной и консциентальной войны, а также войны

смыслов, где акцент делается на ценностно-смысловой проекции сознания и институциональных механизмах (образование, историческая память). В результате обосновано, что когнитивная война представляет собой междисциплинарный феномен, включающий информационные и психологические инструменты, но не сводящийся к ним: её специфика заключается в ориентации на трансформацию когнитивных моделей с помощью управления вниманием.

4. Применение методологии «лестницы абстракций» Дж. Сартори обеспечило корректное понятийное разведение когнитивной и информационной войн и позволило обосновать их несводимость как аналитических категорий. Показано, что оба концепта находятся на одном уровне абстракции в рамках поля невооружённого противоборства и не образуют иерархии подчинения. Их различия проявляются по ряду ключевых параметров, включая объект воздействия, задачи, инструментарий и ожидаемые результаты. Информационная война ориентирована на воздействие на информационные системы, коммуникационные потоки и процессы принятия решений. Она предполагает контроль над потоками данных и дестабилизацию механизмов выработки решений противника при сохранении его нейрокогнитивных способностей. В качестве целевого результата выступают достижение информационного превосходства, дезорганизация коммуникационных систем и снижение эффективности управленческих процессов. Когнитивная война, напротив, направлена на воздействие на когнитивные функции индивида – память, мышление и способность к осмыслению информации. Её логика связана с изменением способов мышления и восприятия реальности, вплоть до снижения способности субъектов к сопротивлению и автономному принятию решений. Таким образом, применение методологии Дж. Сартори позволило избежать концептуального размывания и сформировать теоретическую основу для дальнейшего сравнительного и эмпирического анализа когнитивной войны.

5. Обоснование нейрофизиологических оснований когнитивного воздействия показало, что оно опирается на механизмы переработки информации,

связанные с балансом между эмоциональными и рациональными компонентами психической регуляции поведения. Воля в данном контексте рассматривается через призму нейрофизиологии как функциональное состояние, обеспечиваемое взаимодействием префронтальной коры и лимбической системы. Это позволило перейти от преимущественно философского описания к её операционализации в рамках анализа современных форм нематериального противоборства. Использование модели триединого мозга демонстрирует, что в условиях стресса, когнитивной перегрузки и дефицита ресурсов усиливается роль лимбической системы, тогда как когнитивный контроль ослабевает. В результате снижается способность индивида к автономному принятию решений. Сравнительный анализ позволяет говорить о различии направленности воздействия: информационная война в большей степени затрагивает эмоциональную сферу при относительном сохранении когнитивной автономии, тогда как когнитивная война ориентирована на изменение самих механизмов обработки информации за счёт ослабления функций префронтальной коры. Дополнительно важно учитывать возрастную специфику регуляторных контуров: продолжающееся формирование префронтальной коры примерно до 25 лет и её высокая пластичность обусловливают повышенную чувствительность когнитивного контроля к перегрузке и доминированию эмоциональных реакций у молодых индивидов.

6. Анализ задач и целей когнитивного противоборства позволяет рассматривать их как ключевые атрибуты концепта когнитивной войны. В отличие от информационного воздействия, ориентированного на содержание сообщений, когнитивная война направлена на управление поведением индивидов и социальных групп через вмешательство в механизмы мышления и принятия решений. Тактическая логика когнитивного противоборства связана с ослаблением когнитивной автономии индивида (авторский термин), при котором его способность к самостоятельному рациональному осмыслению информации и обдуманному принятию решений снижается. Данный процесс сопровождается смещением регуляции поведения от когнитивно-прагматической системы ориентировок к аффективной и нормативной модальностям. В более широком

плане ослабление когнитивной автономии создаёт условия для достижения стратегической цели когнитивной войны – лишения субъектности (авторский термин). Под этим понимается утрата способности к автономному мышлению, целеполаганию и формированию собственных поведенческих стратегий, вследствие чего индивид утрачивает статус активного субъекта политики и/или общества и начинает функционировать как объект, в большей степени определяемый внешними стимулами. Обосновано, что в условиях цифровой и алгоритмизируемой среды данные процессы приобретают системный характер, позволяя реализовывать когнитивное воздействие в долговременном режиме без необходимости постоянного навязывания конкретных убеждений или применения прямого принуждения.

7. Систематизирован инструментарий когнитивной войны: предложена унифицированная классификация средств и технологий, включающая две взаимосвязанные группы: информационно-психоэмоциональные и нейро-когнитивные, находящиеся в отношениях функционального дополнения. Показано, что информационно-психоэмоциональные методы включают совокупность средств распространения воздействия (масс-медиа, традиционные СМИ, социальные сети) и технологий (пропаганда, дезинформация, нарративные манипуляции, психологические операции), ориентированных преимущественно на активацию аффективной системы ориентировок индивидов и формирование эмоциональных состояний, повышающих восприимчивость аудитории и обеспечивающих закрепление интерпретационных рамок. Нейро-когнитивные методы также представлены через разведение средств и технологий когнитивного воздействия: к средствам отнесены цифровые платформы и инфраструктуры (социальные сети, алгоритмические системы рекомендаций и поиска, технологии искусственного интеллекта), обеспечивающие непрерывность, масштабируемость и персонализацию воздействия; к технологиям – операциональные механизмы вмешательства в процессы восприятия и принятия решений (когнитивная перегрузка, хаотизация информационного потока, управляемая диссоциация внимания, сенсорная сверхстимуляция, алгоритмическое управление

информацией, таргетированное контент-программирование), направленные на системное ослабление когнитивно-прагматической ориентировки и снижение автономности мышления. Тем самым обосновано, что инструментарий когнитивной войны является структурно более широким, чем инструментарий информационной войны: он включает информационно-психоэмоциональные методы как базовый уровень воздействия, но дополняет их нейро-когнитивными средствами и технологиями, ориентированными на трансформацию механизмов обработки информации, а не только на содержание убеждений и эмоциональные реакции.

8. Реконструирован ключевой механизм когнитивной войны на основе процедуры многоуровневой концептуализации Г. Гёрца. Показано, что когнитивное противоборство реализуется как последовательное взаимодействие трёх уровней: когнитивных схем, задающих устойчивые способы интерпретации и обработки информации; символических форматов (мифов, архетипов и метафор), обеспечивающих культурно и эмоционально опосредованную фиксацию смыслов; и систем ориентировочной деятельности, определяющих характер реагирования и принятия решений. Под системами ориентировочной деятельности понимается совокупность аффективной модальности реагирования, определяющей эмоционально-импульсивный отклик на происходящее; нормативной модальности, ориентированной на следование усвоенным социальным, культурным и ценностным шаблонам интерпретации и поведения; и когнитивно-прагматической модальности, обеспечивающей рациональный анализ ситуации, целеполагание и принятие решений на основе оценки последствий и альтернатив. Установлено, что именно на уровне ориентировочной деятельности осуществляется трансляция интерпретированных смыслов в практическое поведение индивида, что позволяет рассматривать данный уровень как ключевой для анализа механизмов когнитивного воздействия. Использование транзактного анализа позволило уточнить структуру регуляции поведения и показать, что целевая направленность когнитивной войны заключается в систематическом

смещении реагирования в аффективную модальность при ослаблении когнитивно-прагматического контура.

9. Обоснованы структурные предпосылки когнитивной войны, актуализирующиеся в условиях постинформационного общества. При этом подчёркнуто, что их формирование не тождественно оформлению когнитивной войны в терминах современной науки: практики целенаправленного воздействия на способы восприятия и интерпретации реальности исторически предшествовали их концептуализации, но получили принципиально новое качество в цифровой среде. Более того, переход к сетевой и алгоритмизируемой модели коммуникации трансформирует логику политического воздействия: ключевым ресурсом становится не содержание сообщений, а форматы, механизмы и условия их распространения, определяющие способы восприятия и интерпретации информации. На основе концепции сетевого общества М. Кастельса установлено, что информация приобретает статус структурообразующего элемента социальных и политических взаимодействий, а власть всё в большей степени реализуется через управление информационными потоками, режимами внимания и интерпретационными приоритетами. В условиях формально неограниченного доступа к информации контроль смещается с уровня информированности на уровень когнитивной обработки, что создаёт благоприятную среду для подрыва когнитивной автономии без прямого ограничения доступа к данным. Алгоритмизация коммуникации, сбор и обработка больших массивов пользовательских данных, механизмы персонализации и микротаргетинга формируют технологическую основу современного этапа когнитивного противоборства, обеспечивая адресное программирование внимания, эмоционального восприятия и интерпретаций. В политологическом измерении это позволяет рассматривать когнитивную войну как закономерное следствие трансформации политической коммуникации и цифровой инфраструктуры власти, а не как совокупность изолированных манипулятивных практик.

10. Эмпирически показано, что когнитивное воздействие в политической практике предшествует его современной научной концептуализации и выступает

исторически устойчивым измерением нематериального противоборства. Зафиксирована логика преемственности: борьба за мировоззрение и лояльность реализовывалась через религиозное доминирование (контроль веры как контроль поведения), затем – через идеологическую конкуренцию и индоктринацию, а на рубеже XX–XXI веков получила качественно иные возможности в условиях цифровизации коммуникационной среды. Тем самым когнитивная война интерпретирована как новое явление, исторически обусловленное трансформацией практик воздействия на картину мира, идентичность и интерпретационные рамки. На примере тбилисских событий апреля 1989 г. зафиксирован протокогнитивный механизм закрепления морально однозначной интерпретации и вытеснения альтернативных объяснений, формирующий устойчивый когнитивный шаблон восприятия политических конфликтов. На примере протестов в Республике Беларусь 2020 г. и западной кампании зимы–весны 2022 г. показан переход к технологически опосредованным режимам воздействия, где ключевую роль играют многоканальность, высокая частотность коммуникаций, платформенная навигация поведения и кумулятивная последовательность «когнитивных ударов», создающих эффекты перегрузки, эмоциональной поляризации и нормативного давления на допустимость интерпретаций. В совокупности проанализированные кейсы показывают, что воздействие на режимы восприятия, внимания и интерпретации политической реальности исторически присутствовало в практике нематериального противоборства, однако в условиях цифровой коммуникационной среды данные механизмы получают принципиально иные возможности масштабирования, интенсификации и институционального закрепления.

11. На основе эмпирического исследования студенческой молодёжи (N = 78, 18–22 года) зафиксирована взаимосвязь между высокой интенсивностью цифрового взаимодействия, когнитивно-аффективными состояниями и эрозией ценностных доминант гражданской идентичности. Результаты анкетирования, дополненные включённым наблюдением и проективными методами, показали, что для значительной части выборки цифровая среда выступает фоновым

режимом повседневности, сопровождающимся повышенной тревожностью, утомляемостью внимания, раздражительностью при ограничении доступа и снижением способности к длительному самоконтролю. При сохранении способности к кратковременной концентрации фиксируется зависимость повседневной жизни от внешних цифровых сигналов, что указывает на ослабление когнитивной автономии как тактического эффекта когнитивного противоборства. Сопоставление когнитивно-аффективных индикаторов с моделью «Пентабазиса» выявило отсутствие устойчивых ценностных доминант по всем пяти уровням гражданской идентичности. Ни по одному из блоков («созидание», «традиции», «согласие», «доверие к институтам», «патриотизм») не зафиксировано мажоритарного ядра; преобладают слабые, амбивалентные и декларативные установки. Особенно выраженной является эрозия институционального доверия и консенсусных ориентаций, что подтверждается как опросными данными, так и поведенческими наблюдениями, выявившими дефицит позитивной артикуляции гражданских ожиданий и выпадение институциональных процедур из информационного горизонта молодёжи. В совокупности полученные данные позволяют интерпретировать зафиксированные когнитивно-аффективные состояния не как изолированные психологические эффекты, а как посредники, повышающие проницаемость когнитивных схем и ценностных установок для внешнего воздействия. Ослабление когнитивной автономии сопровождается снижением регулятивного потенциала ценностей и рассогласованием между декларируемыми установками и реальными практиками, что соответствует логике когнитивной войны как процесса постепенной эрозии политической и гражданской субъектности. Тем самым эмпирическое исследование подтверждает, что в условиях цифровой среды когнитивное противоборство реализуется не через прямую подмену ценностей, а через системное ослабление когнитивных и нормативных оснований гражданской идентичности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Официальные документы

На русском языке

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 31.07.2014 г. № 758 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» (с изм. и доп.; утратило силу) // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2014. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102108205&backlink=1&&nd=102356922.

2. Реестр иностранных агентов Российской Федерации // Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. – URL: https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-inostryannykh-agentov/.

3. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» – Номер опубликования: 0001202107030001 // Официальный интернет-портал правовой информации. – 02.07.2021. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001.

4. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» – Номер опубликования: 0001202007210012 // Официальный интернет-портал правовой информации. – 21.07.2020. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001202007210012.

5. Указ Президента Российской Федерации от 25.01.2023 г. № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. №

808» – Номер опубликования: 0001202301250004 // Официальный интернет-портал правовой информации. – 25.01.2023. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202301250004.

6. Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» – Номер опубликования: 0001202303310007 // Официальный интернет-портал правовой информации. – 31.03.2023. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303310007.

На английском языке

7. AJP-10. Allied Joint Doctrine for Strategic Communications. Edition A, Version 1 // NATO Standardization Office. UK Change 1. – 2023. – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/6525459d244f8e00138e7343/AJP_10_Strat_Comm_Change_1_web.pdf.

8. AJP-3.10. Allied Joint Doctrine for Information Operations. – 2009. – URL: https://info.publicintelligence.net/NATO-IO.pdf.

9. Army Doctrine Publication (ADP) 3-13: Information // Department of the Army. – 2023. – URL: https://irp.fas.org/doddir/army/adp3-13.pdf.

10. DoDD 3600.01. Information Operations. – 2011. – URL: https://www.acqnotes.com/Attachments/DoD%20Directive%203600.01%20Information%20Operations%2023%20May%202011.pdf.

11. DoDD S-3600.1. Information Operations. – 1996. – URL: https://www.esd.whs.mil/Portals/54/Documents/FOID/Reading%20Room/Administration_and_Management/14-F-0492_Directive_S-3600-1.pdf?ver=2017-05-15-135850-893.

12. FM 100-6. Information Operations. – 1996. – URL: https://www.bits.de/NRANEU/others/amd-us-archive/fm100-6(96).pdf.

13. FM 3-13. Information Operations: Doctrine, Tactics, Techniques, and Procedures. – 2003. – URL: https://irp.fas.org/doddir/army/fm3-13-2003.pdf.

14. FM 3-13. Information Operations: Doctrine, Tactics, Techniques, and Procedures. – 2003. – URL: https://irp.fas.org/doddir/army/fm3-13-2003.pdf.

15. Joint Chiefs of Staff. Joint Concept for Operating in the Information Environment (JCOIE) // Washington, D.C.: Joint Chiefs of Staff. – 2018. – URL: https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Doctrine/concepts/joint_concepts_jcoie.pdf.

16. Joint Publication 3-13. – 1998. – URL: https://dn790000.ca.archive.org/0/items/5626284-Joint-Chiefs-of-Staff-Joint-Publication-3-13/5626284-Joint-Chiefs-of-Staff-Joint-Publication-3-13.pdf.

17. Joint Publication 3-13. – 2012. – URL: https://defenseinnovationmarketplace.dtic.mil/wp-content/uploads/2018/02/12102012_io1.pdf.

18. Joint Publication 3-13. Doctrine for Information Operations. – 2006. – URL: https://www.globalsecurity.org/intell/library/policy/dod/joint/jp3_13_2006.pdf.

19. Joint Vision 2010. – 1996. – URL: https://apps.dtic.mil/sti/tr/pdf/ADA311168.pdf.

20. Joint Vision 2020. – 2000. – URL: https://apps.dtic.mil/sti/pdfs/ADA526044.pdf.

21. MC 422/4. NATO Military Policy on Information Operations. – 2012. – URL: https://info.publicintelligence.net/NATO-IO-Policy.pdf.

22. NATO Military Committee. MC Draft: NATO Military Policy on Information Operations. – 2018. – URL: https://shape.nato.int/resources/3/images/2018/upcoming%20events/MC%20Draft_Info%20Ops.pdf.

Научная литература

На русском языке

23. Алексеев А. П., Алексеева И. Ю. Цифровизация и когнитивные войны // Философия и общество. – 2021. – № 4. – С. 39–51.

24. Амирханова Р. М., Тагирова К. М., Нажмутдинова С. А. Нейромаркетинг как новая наука о поведении потребителя // Вестник Академии знаний. – 2019. – № 35 (6). – С. 44–47.

25. Арсалиду М. Конструктивные операторы в работе познания: ментальное внимание в онтогенезе / М. Арсалиду, Х. Паскуаль-Леоне, Д. М. Джонсон, Т. Котова // Российский журнал когнитивной науки. – 2019. – Т. 6, № 2. – С. 44-70.

26. Артюхин О. А. Мировоззренческие компоненты модели "пентабазиса" в современной политике России / О. А. Артюхин, Л. Л. Иванова, А. Т. Батов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2023. – № 2. – С. 190-196.

27. Байда С. Е. Задачи гражданской обороны в случае возможного применения геофизического оружия // Планирование гражданской обороны и защиты населения в современных условиях: опыт, проблемы, перспективы совершенствования : Материалы IX Научно-практической конференции, Москва, 23 октября 2012 года. – Москва, 2012. – С. 136-137.

28. Байда С. Е. Мега-катастрофы как стратегическое и тактическое оружие войн нового поколения, возможность их прогнозирования и предупреждения // Технологии гражданской безопасности. – 2010. – Т. 7, № 1-2(23-24). – С. 191-198.

29. Балуев Д. Г. Новые информационные технологии и современные международные отношения / М-во общ. и проф. образования РФ, Нижегор. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, ист. фак., каф. политологии. – Н. Новгород, 1998. – 44 с.

30. Барабаш В. В. Психологические методы и когнитивные схемы в современных информационных войнах / В. В. Барабаш, Е. А. Котеленец // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2015. – № 4. – С. 154-161.

31. Баранов А. Н. Когнитивная теория метафоры: Почти двадцать пять лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М., 2004. – С. 7-21.

32. Бейлин М. В. Консциентальные войны в эпоху информационных технологий // Наука. Искусство. Культура. – 2018. С. 169–177.

33. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. – М. : Academia, 1999. – 783 с.

34. Белоус А. И. Технологии, методы и инструменты войн XXI века. – М. : Техносфера, 2023. – 528 с.

35. Берн Э. Люди, которые играют в игры . Психология человеческой судьбы – СПб.: Лениздат, 1992. – 247 с.

36. Берн Э. Трансактный анализ в психотерапии. – СПб.: Братство, 1992. – 229 с.

37. Бернейс Э. Пропаганда. – М. : Hippo Publishing, 2010. – 176 с.

38. Богомолова Е. М. Лимбическая система // Большая медицинская энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. Б. В. Петровский. – 3-е изд. – М. : Советская энциклопедия, 1980. – Т. 13 : Ленин и здравоохранение – Мединал. – 552 с.

39. Болдырев Н. Н. Коммуникативно-когнитивный потенциал слова и его текстовая реализация // Вестник НГУ. Серия: История, философия. – 2012. – С. 51–55.

40. Большаков С. Н., Коваленко Н. П. Психология массовых коммуникаций : учеб. пособие. – СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т, филол. ф-т, 2012. – 158 с.

41. Бондаренко Д. М., Гаврилов В. В., Дремлюга Р. И., Ключарев В. А., Кончук Д. В., Кузнецов А. М., Лукин А. Л., Розов Н. С., Чугров С. В., Юрченко Е. С. Современные нейро/когнитивные науки и гуманитаристика: что они могут дать друг другу? // Известия Восточного института. – 2022. – № 2. – С. 140–167.

42. Бродовская Е. В. Алгоритм автоматизированной идентификации информационных потоков внешнего деструктивного информационно-

психологического воздействия на пользователей социальных медиа / Е. В. Бродовская, А. А. Азаров // Власть. – 2024. – Т. 32, № 2. – С. 89-96.

43. Бродовская Е. В. Информационный поток протестной мобилизации в российском сегменте социальных медиа / Е. В. Бродовская, М. А. Давыдова, В. А. Лукушин // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2023. – Т. 19, № 2. – С. 195-214.

44. Бродовская Е. В. Масштаб и риски внешнего деструктивного информационно-психологического воздействия на жителей приграничных с Украиной регионов России в социальных медиа / Е. В. Бродовская, В. А. Лукушин // Власть. – 2024. – Т. 32, № 1. – С. 9-15.

45. Бродовская Е. В. Цифровая активность российской молодежи в условиях новой политической реальности: ключевые риски и возможности их преодоления / Е. В. Бродовская, Н. Ю. Склярова, В. А. Лукушин // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2023. – Т. 1, № 6. – С. 100-123.

46. Буренок В. М. Будущие войны // Вооружение и экономика. – 2013. – № 2(23). – С. 37-43.

47. Буренок В. М. Новые технологии, новые системы вооружения, новый характер войн // Вооружение и экономика. – 2011. – № 1(13). – С. 6-12.

48. Бухарин С. Н., Цыганов В. В. Информационные войны в бизнесе и политике. – М.: Алгоритм, 2007. – 336 с.

49. Вирильо П. Машина зрения. – СПб., 2004. – 194 с.

50. Войскунский А. Е. Интернет как пространство познания: психологические аспекты применения гипертекстовых структур // Современная зарубежная психология. – 2017. – Т. 6, № 4. – С. 720.

51. Войтасик Л. Психология политической пропаганды. – М. : Прогресс, 1981. – 278 с.

52. Вокин Г. Г. Дистанционно-кибернетическое оружие - щит и меч для создаваемого нового рода войск Вооруженных Сил Российской Федерации - войск беспилотных систем // Военная мысль. – 2025. – № 6. – С. 9-15.

53. Вокин Г. Г. Концептуальные основы создания оружия нового класса - дистанционно-кибернетического оружия / Г. Г. Вокин, М. И. Макаров // Военная мысль. – 2020. – № 8. – С. 117-125.

54. Вокин Г. Г. Элементы искусственного интеллекта, информационные средства и роботы как ключевые составные части дистанционно-кибернетического оружия // Информационно-технологический вестник. – 2017. – № 3(13). – С. 14-29.

55. Волковский Н. Л. Журналистика в информационных войнах (историографический обзор) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История, языкознание, литературоведение. – 2003. – № 3. – С. 118–135.

56. Волкогонов Д. А. Психологическая война. – М. : Политиздат, 1984. – 320 с.

57. Володенков С. В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. – М.: Издательство Московского университета, 2015. – 272 с.

58. Воробьев В. С. К анализу творчества английского психолога Фредерика Бартлетта / В. С. Воробьев, Т. Б. Малых // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2021. – Т. 14, № 1. – С. 53-61.

59. Воронцова Л. В., Фролов Д. Б. История и современность информационного противоборства. – М., 2006. – С. 64–65.

60. Выготский Л. С. История развития высших психических функций / Л. С. Выготский. – М. : Юрайт, 2025. – 336 с.

61. Гальперин П. Я. Введение в психологию. – М.: Книжный дом «Университет», 1999. – 332 с.

62. Гаман-Голутвина О. В. Реальность и мифы современной отечественной политической культуры // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 3. – С. 153-159.

63. Гареев М. А. Война: современное толкование теории и реалии практики / М. А. Гареев, Н. И. Турко // Вестник Академии военных наук. – 2017. – № 1(58). – С. 4-10

64. Голубинская А. В. Нейрокогнитивный подход к исследованию поколения Z // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 1. – С. 161–167.

65. Гончаров В. Ю. Концепция информационной войны // Проблемы и перспективы внедрения инновационных телекоммуникационных технологий : Сборник материалов VIII Международной научно-практической очно-заочной конференции, Оренбург, 25 марта 2022 года. – Оренбург: Оренбургский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики", 2022. – С. 365-370.

66. Горин А. А. Религиозные войны. Исторический обзор. – Казань : КФУ, 2018. – 280 с. – С. 237–265.

67. Грачев М. Н. «Электронная демократия» или «конец демократии»? // Власть и политика: институциональные вызовы XXI века. Политическая наука: Ежегодник 2012 / Рос. ассоц. полит. науки. – М., 2012. – С. 200–208.

68. Грачев М. Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. – М.: Прометей, 2004. – 328 с.

69. Гринфилд С. Изменение разума. Как цифровые технологии оставляют след в нашем мозге. – М. : АТК, 2018. – 201 с.

70. Громыко Ю. В. Оружие, поражающее сознание – что это такое? // Кому будет принадлежать консциентальное оружие в XXI веке. – М. : Россия 2010, 1997.

71. Губарев А. Б. Информационные войны как объект политологического исследования : дис. … канд. полит. наук : 23.00.02. – Уссурийск, 2005. – 165 с.

72. Датьев И. О., Федоров А. М., Ревякин А. А. Фокусированный сбор и обработка открытых данных социальных медиа // Онтология проектирования. – 2024. – Т. 14, № 4(54). – С. 569–581.

73. Деан С. Сознание и мозг. Как мозг кодирует мысли / пер. с англ. И. Ющенко. – М. : Карьера-Пресс, 2018. – 300 с.

74. Дегтярева Е. Б. Интеграция когнитивных наук в политическую сферу: от исследований к прогнозированию и управлению политическим поведением в цифровую эпоху / Гаман-Голутвина О. В., Дегтярева Е. Б. // Философские науки. – 2025. – Том 68 – №1. – С. 55-78.

75. Дегтярева Е. Б. Информационная безопасность в эпоху когнитивных войн: совершенствование правового регулирования // Актуальные вопросы обеспечения национальной безопасности: материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 13 дек. 2024 г. – СПб.: СПб. академия СК РФ, 2025. – С. 105–109.

76. Дегтярева Е. Б. Когнитивные и информационные войны в концептуальных координатах политической науки // Сравнительная политика. – 2026. – Том 16, №3.

77. Дегтярева Е. Б. Рассмотрение роли политического языка и риторики в контексте обсуждения политической эффективности (на примере работы Т. Дочерти) // Сравнительная политика. – 2023. – Том 14, №3. – С.154-165.

78. Дегтярева Е. Б. Эрозия ценностных оснований гражданской идентичности молодежи в условиях когнитивной войны // Управление и политика. – 2026. – Том 5, №1. – С. 26-39.

79. Дежина И. Г., Нафикова Т. Н. Мировой ландшафт нейронауки и место России // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – Т. 64, № 9. – С. 37–47.

80. Деструктивное информационно-психологическое воздействие на молодежь России в социальных медиа (по материалам круглого стола) / Е. В. Бродовская, Р. В. Парма, В. А. Лукушин, Н. Ю. Склярова // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2023. – Т. 13, № 2. – С. 12-18.

81. Дзялошинский И. М. Информационное пространство России: структура, особенности функционирования, перспективы эволюции. – М., 2001.

82. Дзялошинский И. М. Политическое пространство России: политическая метафора или научное понятие // Право знать. Бюллетень

Правозащитного фонда Комиссии по свободе доступа к информации. – 2001. – № 7–8.

83. Донецко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М. : ЧеРо; Издательство МГУ, 1997. – 344 с.

84. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Заключение // Социологическое обозрение. – 2018. – Т. 17, № 2. – С. 122-154.

85. Евдокимов Е. В. Политика Китая в глобальном информационном пространстве // Международные процессы. – 2011. – Т. 9, № 1 (25). – С. 74–83.

86. Евстафьев, Д. Г. Информационное воздействие в гибридных войнах: новые возможности и кризис пропаганды / Д. Г. Евстафьев, А. В. Манойло // Дипломатическая служба. – 2021. – № 4. – С. 318-331.

87. Ермикова М. С. Американская школа исследований информационных войн // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2018. – Т. 14, № 1. – С. 117–138.

88. Живейнов Н. И. Операция «PW»: «психологическая война» американских империалистов. – М. : Изд-во МГУ, 1996. – 282 с.

89. Жовтун Д. Т. Политическая воля в государственном управлении // Социология власти. – 2012. – № 2. – С. 20–29.

90. Завадский И. И. Информационная война – что это такое? // Конфидент. Защита информации. – 1996. – № 4. – С. 15.

91. Зазворка Г. Психологическая война НАТО: (Организация, способы и методы ведения психологической войны) / сокр. пер. с нем. Ю. Жданова; предисл. ген.-майора А.М. Шевченко. – М. : Воениздат, 1963. – 311 с.

92. Зверев А. Л., Палутена И. С., Смулькина Н. В., Рогозар А. И. Особенности политического восприятия в современных российских условиях // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 3. – С. 40–54.

93. Звонова Е. Е. Философско-антропологические воззрения А.Л. Чижевского: монография. – М. : Макс Пресс, 2014. – 163 с.

94. Зиновьев А. А. Запад. Феномен западнизма. – М., 1995. – 177 с.

95. Зудин А. Ю. Массовое сознание и политические инновации: опыт последнего десятилетия // Традиции и инновации в современной России :

Социологический анализ взаимодействия и динамики. – М : Издательство "Политическая энциклопедия", 2008. – С. 306-343.

96. Ильницкий А. М. Ментальная война России // Военная мысль. – 2021. – № 8. – С. 19-33.

97. Ильницкий А. М. Стратегия ментальной безопасности России // Военная мысль. – 2022. – № 4. – С. 24–35.

98. Информационно-психологическая и когнитивная безопасность: коллективная монография / под ред. И. Ф. Кефели, Р. М. Юсупова. – СПб.: ИД «Петрополис», 2017. – 300 с.

99. Ионин Л. Г. Масса и власть сегодня (актуальность Э. Канетти) // Вопросы философии. – 2007. – № 3. – С. 3–14.

100. История религиоведения и интеллектуальная история России XIX – первой половины XX века: архивные материалы и исследования / отв. ред. М. М. Шахнович, Е. А. Терюкова. – 2-е изд. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. – 518 с.

101. Кандель Е. П. Маркс и Энгельс – организаторы союза коммунистов. – М. : Политиздат, 1953. – 304 с.

102. Каптерев А. И. Мультимедиа как социокультурный феномен. – М., 2002. – 224 с.

103. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. – М. : Эксмо, 2005. – 832 с.

104. Карепова С. Г., Некрасов С. В., Пинчук А. Н. Пропаганда как метод воздействия на общественное сознание: общий теоретический аспект // Вестник НГУЭУ. – 2020. – № 4. – С. 212–229.

105. Карр Н. Пустышка: что интернет делает с нашими мозгами. – СПб. : Best Business Books, 2012. – 256 с.

106. Кассирер Э. Техника современных политических мифов // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. – 1990. – № 2. – С. 58–59.

107. Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. – Екатеринбург : У-Фактория, 2004. – 328 с.

108. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура : пер. с англ. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – С. 42.

109. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – М., 1999. – 494 с.

110. Каткова Е. Ю., Юнюшкина А.С. Китайские концепции и возможности в информационной войне: соперничество КНР и США в киберпространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. – 2022. – Т. 14, № 2. – С. 197–210.

111. Киреева О. С. Подходы к определению информационной войны / О. С. Киреева // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика. – 2019. – № 12. – С. 57-60.

112. Киселев В. В. Психологическая подготовка сотрудников государственной организации в целях обеспечения антикоррупционного поведения: монография. – М. : ИМЦ, 2015. – 283 с.

113. Кихтан В. В. Информационная война: понятие, содержание и основные формы проявления / В. В. Кихтан, З. Н. Качмазова // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2018. – Т. 2, № 2. – С. 228-235.

114. Клаузевиц К. О войне. – М.: Госвоениздат, 1934. – 608 с.

115. Клименко С. Теория и практика ведения «гибридных войн» (по взглядам НАТО) // Зарубежное военное обозрение. – 2015. – № 5. С. 109-112.

116. Клингберг Т. Перегруженный мозг. Информационный поток и пределы рабочей памяти. – М. : Ломоносовъ, 2010. – 208 с.

117. Кобозева И. М. Лексико-семантические заметки о метафоре в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. - Екатеринбург, 2010. – №2 (32). – С. 41-46.

118. Козлова Н. С. Влияние интернет-среды на личность и ее жизнедеятельность // Знание. Понимание. Умение. – 2015. – № 3. – С. 274–277.

119. Кокошин А. А. Вопросы прикладной теории войны. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – С. 227.

120. Коктыш К. Е. Становление когнитивного кода современности // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 6. – С. 94-113.

121. Коктыш К. Е. Теория метафоры и политические институты. – М. : МГИМО, 2019. – 225 с.

122. Коктыш К., Ренард-Коктыш А. Когнитивное измерение безопасности // Международные процессы. – 2021. – Т. 19, № 4. – С. 26–46.

123. Комлева Н. А. Консциентальная война: глобальные тренды глобального противоборства // Пространство и время. – 2015. – № 3. – С. 15–23.

124. Королев Ю. А. Информационное противоборство в региональной политике как угроза безопасности // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. – 2009. – Т. 9, вып. 3. – С. 125.

125. Костромина С. Н., Бордовская Н. В., Искра Н. Н. Нейронаука, психология и образование: проблемы и перспективы междисциплинарных исследований // Психологический журнал. – 2015. – № 4. – С. 62–63.

126. Кочетков В. В. Война и мир ценностей во внешней политике России // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2012. – № 3. – С. 97–101.

127. Красовская Н. Р., Гуляев А. А. Информационные войны на территории бывшего СССР // Гуманитарные проблемы военного дела. – 2019. – № 2(19). – С. 51–58.

128. Крысько В. Г. Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт) / под общ. ред. А.Е. Тараса. – Минск : Харвест, 1999. – 488 с.

129. Ксенофонтов В. А. Управление волей человека как цель и важнейший принцип ведения войны // Труды БГТУ. Сер. 6: История, философия. – 2020. – № 2(239). – С. 104–110.

130. Кулешов С. В., Зайцева А.А., Левашкин С.П. Технологии и принципы сбора и обработки неструктурированных распределенных данных с учетом современных особенностей предоставления медиа-контента // Информатизация и связь. – 2020. – № 5. – С. 22–28.

131. Курило А. П., Черешгаш Д. С. Проблемы информационной безопасности России и пути их разрешения // Информационные технологии. – 1996. – № 3. – С. 8–9.

132. Лайнбарджер П. Психологическая война. Теория и практика обработки массового сознания. – М. : Центрполиграф, 2025. – 445 с.

133. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: УРСС Эдиториал, 2004. – 256 с.

134. Ларина Е. С., Овчинский В.С. Мировойна. Все против всех. – М. : Книжный мир, 2015. – 416 с.

135. Лебедева М. М., Зиновьева Е. С. Методы нейронауки при изучении мировой политики // Полис. Политические исследования. – 2023. – № 5. – С. 141–152.

136. Лебедева М. М., Зиновьева Е. С. Специфика международных переговоров в эпоху цифровизации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2023. – Т. 23, № 1. – С. 144–156.

137. Лега В. П. История западной философии. Ч. 1. Античность. Средневековье. Возрождение: учеб. пособие. – 2-е изд., доп. и перераб. – М. : Издательство ПСТГУ, 2009. – 452 с.

138. Лекторский В. А. Исследование интеллектуальных процессов в современной когнитивной науке: философские проблемы // Естественный и искусственный интеллект: методологические и социальные проблемы. М., 2011. С. 3–16.

139. Лекторский В. А. Когнитивная наука как вызов эпистемологии // Эпистемология: новые горизонты : материалы конференции (Москва, 24–25 июня 2010 г.). – М., 2011. – С. 5–34.

140. Ленин В. И. Две тактики социалдемократии в демократической революции. – Б.М. : ЦК РСДРП, 1905. – 129 с.

141. Лисанюк Е. Н. Логико-когнитивная теория аргументации : автореф. дис. … д-ра филос. наук. – 09.00.07. – 2016.

142. Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Третья мировая (информационно - психологическая) война. – Москва : Эксмо : Алгоритм, 2003. – 445 с.

143. Лихи Р. Техники когнитивной психотерапии. - СПб.: Питер, 2020. – 467 с.

144. Лопатин К. Ю. Влияние жизненных сценариев на эмоциональные установки молодёжи // Наука молодых - наука будущего : сборник статей III Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 02 февраля 2023 года. – Петрозаводск: «Новая Наука», 2023. – С. 313-318.

145. Люк Т., О'Туатейл Дж. Осмысляя геополитическое пространство: пространственность войны, скорости и зрения в работах П. Вирильо // Социологическое обозрение. – 2003. – Т. 2, № 3. – С. 31–39.

146. Мальсагова М. Х. Предпосылки нейродидактического парадигмального сдвига в теории обучения // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 2 (81). – С. 264–266.

147. Мальцева Я. В. Цивилизационные перемены в России: информационный аспект (последняя четверть XX – нач. XXI вв.) : автореф. дис. … канд. полит. наук. – Владивосток, 2004.

148. Манойло А. В. Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. – М. : Горячая линия – Телеком, 2018. – 495 с.

149. Манойло А. В., Пономарева Е.Г. Современные информационно-психологические операции: технологии и методы противодействия // Обозреватель. – 2019. – № 2(349). – С. 5–17.

150. Манойло А. В., Фролов Д.Б. Информационно-психологическая война в системе политических отношений информационного общества // Государственная информационная политика: проблемы и технологии : сб. статей. – М., 2003.

151. Манойло А. В. Гибридные войны: опыт России, США и Китая // Информационная аналитика и информационно-аналитические технологии в контексте социального управления. – Москва : Экон-информ, 2025. – С. 33-45.

152. Манойло А. В. Информационная война и новая политическая реальность // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. – 2021. – № 2. – С. 15-39.

153. Манойло А. В. эволюция информационных операций // Вестник Московского государственного областного университета. – 2021. – № 4. – С. 80-103.

154. Марко М. Психологическая война и «чехословацкий эксперимент». – М. : Наука, 1972. – 168 с.

155. Медушевский А. Н. Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования. Ч. 1 // Вопросы теоретической экономики. – 2023. – № 2. – С. 85–98.

156. Миллер Г. А. Магическое число семь плюс-минус два: некоторые ограничения в нашей способности обрабатывать информацию // В кн.: Зинченко В.П., Панов Д.Ю. (ред.) Инженерная психология. Сб. статей. – М. : Прогресс, 1964. – С. 192–255.

157. Михальченко И. А. Информационные войны и конфликты идеологий в условиях геополитических изменений конца XX века : автореф. дис. … канд. полит. наук. – СПб., 1998.

158. Михальченко И. А. Информационные войны на рубеже XXI века // Безопасность информационных технологий. – 1998. – № 3. – С. 14–15.

159. Московичи С. Век толп – М., 1998. – 480 с.

160. Московичи С. Часть 1. Век толп. Глава I. Индивид и масса // Социология власти. – 2009. – № 6. – С. 205–217.

161. Мусиец П. В. Консциентальная война с позиций социально-философского анализа // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2023. – С. 533–536.

162. Мусихин Г. И. Дискурсивный анализ идеологий: возможности и ограничения // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 5. – С. 128–144.

163. Неменский О.Б. Вторая холодная война как ценностный конфликт // Вопросы национализма. – 2018. – № 1. – С. 26–40.

164. Нерсесиан В. Э. Основные угрозы в сфере информационной безопасности Российской Федерации. – М., 1996; Rodgers J. Information Warfare: Nothing New Under the Sun // Marine Corps Gazette. – 1997. – April. – P. 23–33.

165. Носова Д. Х., Давлетов В. И. Пропаганда как основной инструмент в информационной войне // Государство и право в эпоху глобальных перемен: материалы междунар. науч.-практ. конф., Барнаул, 28–29 июня 2022 г. / под ред. Д. Л. Проказина. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД РФ, 2022. – С. 460–461.

166. Ньюберг Э., Уолдман М. Как Бог влияет на ваш мозг: революционные открытия в нейробиологии / пер. с англ. – М. : Эксмо, 2013. – 576 с.

167. О счастливой жизни: Марк Аврелий, Луций Анней Сенека, Эпиктет / пер. с лат. и др.-греч.; сост. В. Алексеев, Н. Х. Керасиди, М. М. Позднев. – М. : Азбука, 2024. – 864 с.

168. Обухов К. Н. Сеть как социальная структура: модель сетевой коммуникации в теории М. Кастельса // Вестник Удмуртского университета. – 2008. – Вып. 1. – С. 107–110.

169. Огнев А. С. Использование инструментальной психодиагностики для оценки информационного контента / А. С. Огнев, О. Г. Венерина, В. А. Яковлев // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Педагогика и психология. – 2012. – № 4. – С. 103-112.

170. Огнев А. С. Новые психодиагностические возможности трекинга глаз / А. С. Огнев, О. Г. Венерина, И. А. Виноградова // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Педагогика и психология. – 2012. – № 3. – С. 107-112.

171. Огнев А. С. Инструменты современной когнитивистики как средства эффективного изучения политического менталитета // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2025. – № 2. – С. 64–74.

172. Огнев А. С. Условия эффективного использования видеоконтента в "Жизненной навигации" / А. С. Огнев, Э. В. Лихачева, М. Г. Сидоренко, К. А.

Казаков // Вестник Воронежского государственного технического университета. – 2013. – Т. 9, № 3-2. – С. 181-184.

173. Окатов А. В. Теория толпы Г. Лебона в контексте изучения современного гражданского общества / А. В. Окатов // Наука. Общество. Государство. – 2015. – Т. 3, № 1(9). – С. 165-179.

174. Павлютенкова М. Ю. Информационная война: реальная угроза или современный миф? // Власть. – 2001. – № 12. – С. 19–23.

175. Панарин И. Н. Информационная война и Третий Рим. – М. : Баярд, 2003. – 239 с.

176. Панарин И. Н. Информационно-психологическое обеспечение национальной безопасности России: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 1997.

177. Панарин И. Н. Информационная война и геополитика. – М. : Поколение, 2006. – 560 с.

178. Пантин В. И. Массовое сознание в современной России: размежевания, противоречия, сопряжения // Вестник Института социологии. – 2015. – № 12. – С. 100 – 117.

179. Парма Р. В. Влияние социальных сетей цифровых коммуникаций на политическое участие // Цифровые социальные сети: угрозы и возможности. – 2023. – М. : Спутник+. – С. 113-123.

180. Парма Р. В. Модель «воронки вовлечения» процесса политической мобилизации в социальных медиа // Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития : Материалы X Всероссийского конгресса политологов РАПН с международным участием, Москва, 05–07 декабря 2024 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью Издательство "Аспект Пресс", 2024. – С. 485-486.

181. Парма Р. В. Протестная мобилизация граждан на цифровой платформе TikTok в ходе выборов в Государственную думу России 2021 г / Р. В. Парма, М. А. Давыдова, Т. Л. Кащенко // Власть. – 2022. – Т. 30, № 1. – С. 25-31.

182. Перспективные разработки оружия на новых физических принципах ВС РФ / М. С. Спирин, И. А. Зайцев, С. Н. Горбачева [и др.] // Известия Тульского государственного университета. Технические науки. – 2022. – № 10. – С. 287-291.

183. Першин Ю. Ю. Записки о "гибридной войне" / Ю. Ю. Першин // Вопросы безопасности. – 2016. – № 4. – С. 63-85.

184. Петренко А. И., Манойло А. В. Информационное противоборство и государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны // Право и политика. – 2003. – № 9. – С. 110–125.

185. Пинкер С. Как работает мозг. – М. : Кучково поле, 2017. – 672 с.

186. Пирумов В. С., Родионов М.А. Некоторые аспекты информационной борьбы в военных конфликтах // Военная мысль. – 1997. – № 5. – С. 44–47.

187. Пискун А. В. Проблема смысла в эпоху информационных войн // Известия Московского государственного технического университета МАМИ. – 2010. – № 2. – С. 211–214.

188. Питерс С. Парадокс шимпанзе. Менеджмент мозга. Уникальная программа управления собой. М.: Эксмо, 2015.

189. Подвигина Н. Б. Понятие концепта и концептосферы // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – № 3(3). – С. 97-105.

190. Пономарева Е. Г. Кино – инструмент когнитивной войны / Е. Г. Пономарева, Е. В. Рябинин // Обозреватель. – 2024. – № 1(402). – С. 41-57.

191. Пономарева Е. Г. Кино – инструмент когнитивной войны // DISPARATI / РАЗНОСТИ. Большие процессы и зеркала истории. – М. : Тион, 2025. – С. 129-150.

192. Пономарева Е. Г. Протестное движение в Белоруссии: эволюция, технологии, символы // Обозреватель. – 2021. – № 2(373). – С. 5-28.

193. Пономарева Е. Г. Вторая мировая война и проблема фальсификации ее истории в представлениях российской молодежи // Вестник Российского

университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2020. – Т. 20, № 2. – С. 307-322.

194. Пономарева Е. Г. Фальсификация истории Великой Отечественной войны - технология трансформации сознания // Обозреватель. – 2016. – № 5(316). – С. 5-20.

195. Пономарева Е. Г. Фальсификация истории как когнитивное оружие // История Великой Победы. Том 1. – М : Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2020. – С. 80-95.

196. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Истоки, 2001. – 191 с.

197. Почепцов Г. Г. Информационно-психологическая война. – М. : Синтег, 2000. – 180 с.

198. Почепцов Г. Г. Информационные войны. – М. : Рефл-бук; К.: Ваклер, 2000. – 576 с.

199. Почепцов Г. Г. Когнитивные войны в соцмедиа, массовой культуре и массовых коммуникациях. – 1-е изд. – М. : Фолио, 2019. – 390 с.

200. Почепцов Г. Г. Психологические войны. – М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 2000. – 528 с.

201. Расторгуев С. П. Информационная война. – М.: Логос, 1998. – 222 с.

202. Рок Д. Мозг. Инструкция по применению: как использовать свои возможности по максимуму и без перегрузок / пер. с англ.; 2-е изд. – М. : Альпина Паблишер, 2014. – 374 с.

203. Романов Д. В., Романчук Н. П. Болезнь Альцгеймера и ядерная медицина: циркадный стресс и нейровоспаление, нейрокоммуникации и нейрореабилитация // Бюллетень науки и практики. – 2022. – Т. 8, № 5. – С. 256–312; Романов Д. В., Романчук Н. П. Ранняя диагностика когнитивных нарушений. Самара, 2014. 34 с.

204. Романовский А. Р. Информационная война: понятие, формы, методы (опыт США) / А. Р. Романовский, С. Ф. Свилас // Международные отношения:

история, теория, практика : материалы XII научно-практической конференции молодых ученых факультета международных отношений Белорусского государственного университета, Минск, 03 февраля 2022 года. – Минск: Белорусский государственный университет, 2022. – С. 73-78.

205. Романчук Н. П. Мозг Homo sapiens XXI века: нейрофизиологические, нейроанатомические и нейросоциальные механизмы принятия решений // Бюллетень науки и практики. – 2021. – Т. 7, № 9. – С. 228-270; Романчук Н. П., Романчук П. И. Нейрофизиология и нейрореабилитация когнитивных нарушений и расстройств // Бюллетень науки и практики. – 2019. – Т. 5, № 11. – С. 176–196.

206. Ромашкина А. Б., Киричук Д. А. Трансляция ценностно-смысловых нарративов в публичной цифровой коммуникации: возможности и ограничения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2024. – Т. 26, № 4. – С. 630–643.

207. Рот Г. Конструктивность мозга: результаты научных исследований мозга // В кн.: Кезин А.В., Фоллмер Г. Современная эпистемология: натуралистический поворот. – Севастополь, 2004. – С. 314-328.

208. Рудакова О. А. Роль когнитивных схем в профессиональной подготовке будущих специалистов гуманитарных специальностей / О. А. Рудакова, Ю. В. Шмалько // Гуманитарные науки (г.Ялта). – 2021. – № 4(56). – С. 73-78.

209. Саган К. Драконы Эдема. Рассуждения об эволюции человеческого разума. - Спб.: Амфора., 2005. - 265 с.

210. Сампиев И. М. Роль мифа и архетипов в формировании метаязыка идеологической системы / И. М. Сампиев, Н. И. Букетова // Гуманитарий Юга России. – 2017. – Т. 6, № 6. – С. 200-208.

211. Сампиев И. М. Роль мифа и архетипов в формировании метаязыка идеологической системы / И. М. Сампиев, Н. И. Букетова // Гуманитарий Юга России. – 2017. – Т. 6, № 6. – С. 200-208.

212. Селин И. А. Информация - новое оружие массового поражения / И. А. Селин, Д. А. Фентисов // Социально-политические науки. – 2022. – Т. 12, № 2. – С. 15-20.

213. Семенова К. А. Оружие войн нового поколения - мега-катастрофы / К. А. Семенова, Н. Г. Алиханян // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2017. – Т. 2, № 13. – С. 672-674.

214. Сенявская Е. С. Положение русских военнопленных в годы Первой мировой войны: очерк повседневной реальности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2013. – № 1. – С. 64–83.

215. Серкина Н. Е. Понятие сетевого общества М. Кастельса // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2019. – Вып. 2(41). – С. 161–169.

216. Скибицкий М. М. Информационная эпоха и новая экономика в трудах Мануэля Кастельса // Мир новой экономики. – 2015. – № 4. – С. 62-68.

217. Слипченко В.И. Война будущего. Шестое поколение. – М. : Московский общественный научный фонд, 1999. – С. 27.

218. Смирнов Ю.И. Противопоставление «свой» - «чужой» и множественность форм самосознания // Этническое и языковое самосознание : материалы конф. 13-15 декабря. М. : Ин-т народов России, 1995. 172 с.

219. Смирнова О. Ю. Основные философско-исторические этапы в изучении воли // Философские науки. – 2018. – № 1. – С. 108–120.

220. Современная политическая наука: методология / [А.В. Торкунов и др.]; отв. ред. О. В. Гаман-Голутвина, А. И. Никитин. – М. : Аспект Пресс, 2017. – 680 с.

221. Соколова А. М. Информационные войны в условиях глобализации: социально-философский анализ : автореф. дисс. … канд. филос. наук. – Красноярск, 2007. – 174 с.

222. Старицына О. А. Клиповое мышление как условие успешности информационных войн // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2018. – Т. 7, № 1(22). – С. 335-339.

223. Стернин И. А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 58–65.

224. Стрельцов А. А., Шеремет И. А., Вусс Г. В. Проблемы создания российского фрагмента глобальной информационной инфраструктуры // Вестник Российского общества информатики и вычислительной техники. – 1996. – № 1. – С. 60–67.

225. Стригунов К. С. Особенности современных неклассических войн: формы, методы, технологии: дис. ... канд. полит. наук. – Москва, 2023. – 285 с.

226. Структура и виды когнитивных схем психологического благополучия / А. Ю. Чернов, Д. М. Зиновьева, Н. Е. Водопьянова, О. О. Фомина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. – 2020. – Т. 9, № 1(33). – С. 33-43.

227. Суляк С. Талергоф и Терезин: забытый геноцид* // Русин. – 2008. – № 3–4(13–14). – С. 69–75.

228. Сунь Цзы. Искусство войны. – М.: София, 2010. – С. 56–58.

229. Сэйтл С. Чарующее обаяние бездумной нейронауки. – М. : Изд-во «Э», 2016. – 368 с.

230. Тарасова Е. А. Особенности профессиональной компетенции государственных служащих в разрешении межличностных конфликтов с учетом гендерных различий : автореф. дис. … канд. психол. наук : 19.00.13. – М. : РАНХиГС, 2002. – 25 с.

231. Техника дезинформации и обмана / под ред. Я.Н. Засурского. – М. : Мысль, 1978. – 248 с.

232. Томас Т. Л. Рефлексивное управление в России: теория и военные приложения // Рефлексивные процессы и управление. – 2002. – Т. 2, № 1. – С. 71–89.

233. Тоффлер Э. Третья волна. – М. : АСТ, 1999. – 781 с.; Величковский Б.Б. Рабочая память человека: структура и механизмы. – М. : Когито-Центр, 2015. – 247 с.

234. Уралов С. Украинская трагедия. Технологии сведения с ума. – СПб: Лира, 2023. – 382 с.

235. Федорченко С. Н. Власть алгоритма: технологии легитимации политических режимов в условиях цифровизации. – М. : Проспект, 2023. – 480 с.

236. Федорченко С. Н. Технологии искусственного интеллекта: потенциалы и риски для представителей политической элиты / С. Н. Федорченко // Власть и элита в эпоху цифровой трансформации: Новые вызовы и угрозы, траектории социально-политического развития современного общества : материалы Четвертого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием, Ростов-на-Дону, 25 марта 2022 года. – Ростов-на-Дону: Южно-Российский институт управления - филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ЮРИУФ РАНХиГС), 2022. – С. 244-248.

237. Федорченко С. Н. Влияние цифровой среды на современное мировоззрение: Pro et Contra / С. В. Володенков, С. Н. Федорченко, Н. М. Печенкин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2023. – Т. 25, № 1. – С. 113-133.

238. Федорченко С. Н. Цифровизация современного пространства общественно-политических коммуникаций: научные концепции, модели и сценарии / С. В. Володенков, С. Н. Федорченко // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2021. – № 60. – С. 175-193.

239. Феоктистов Г. Г. Информационная безопасность общества // Социально-политический журнал. – 1996. – № 5. – С. 211–216.

240. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я. – М : Издательство «Э», 2016. – 96 с.

241. Фролов Д. Б. Информационное противоборство в сфере геополитических отношений : автореф. дис. … д-ра полит. наук. – М., 2006. – 426 с.

242. Харичев А. Д. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) / А. Д. Харичев, А. Ю. Шутов, А. В. Полосин, Е. Н. Соколова // Журнал политических исследований. – 2022. – Т. 6, № 3. – С. 9-19.

243. Харькова Д. Ю. Основы теории когнитивного развития Пиаже / Д. Ю. Харькова, Э. И. Сафаргалина // Colloquium-Journal. – 2019. – № 26-2(50). – С. 49-52.

244. Храмова М. В. Современные тренды развития нейронаучных исследований в образовании / М. В. Храмова, А. Е. Храмов, А. А. Федоров // Вопросы образования. – 2023. – № 4. – С. 275-316.

245. Хусаинов Р. А., Ильина Н. Л. Теории эмоций и нервно-физиологические механизмы эмоций // Вестник науки. – 2023. – Т. 4, № 12(69). – С. 1260–1265.

246. Цурикова Л. В. Анализ межкультурной коммуникации: когнитивно-прагматический подход // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2003. – № 2. – С. 162–182.

247. Цыгичко В. Н. Информационно-аналитическая поддержка стратегических решений // Межотраслевая информационная служба. – 1995. – Вып. 3. – С. 28–38.

248. Чернов А. Ю. Когнитивные схемы как регуляторы просоциального поведения // Мир науки. Педагогика и психология. – 2019. – Т. 7, № 4. – С. 59.

249. Черных В. В. Разрушение устоев государства через подмену смыслов и фальсификацию ценностей // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2021. – № 37. – С. 19–26.

250. Черняк Е. Б. Химеры старого мира. – Москва : ЦК ВЛКСМ. Молодая Гвардия, 1970. – 271 с.

251. Чижевский А. Л. Физические факторы исторического процесса. – Калуга: Ассоциация «Калуга-Марс», Музей истории космонавтики им. К.Э. Циолковского, 1990. – 72 с.

252. Шариков П. А. Конфиденциальность информации и политика национальной безопасности: американский дискурс в XXI веке // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2016. – Т. 8, № 3. – С. 136-165.

253. Швец Д. А. Информационное управление как технология обеспечения информационной безопасности // Массовая коммуникация и массовое сознание. – М., 2003. – 34 с.

254. Шеперд Г. Нейробиология : в 2 т. – М. : Мир, 1987. – 455 с.

255. Шестопал Е. Б. Образы лидеров в массовом сознании накануне президентских выборов / Е. Б. Шестопал, А. Ю. Шутов, С. В. Володенков [и др.] // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 4. – С. 160-174.

256. Шкурко Ю. С. Нейробиология и социология: пройти между Сциллой и Харибдой. [Рец. на кн.: Бёртон Р. Разум те мозг: Разговор на разных языках / Пер. с англ. Ю. В. Рябининой]. М.: Изд-во «Э», 2016 // Социологический журнал. – 2017. – Т. 23, № 2. – С. 176–183.

257. Шпитцер М. Антимозг: цифровые технологии и мозг / пер. с нем. А.Г. Гришина. – М. : АСТ, 2014. – 288 с.

258. Шустова Л. П. Особенности процесса гендерной социализации детей в дошкольном возрасте // Научное обозрение. Педагогические науки. – 2017. – № 4. – С. 173-180.

259. Юнг К. Г. Архетип и символ. – М. : Прогресс, 1994. – 298 с.

На английском языке

260. Adams J. Virtual Defense // Foreign Affairs. – 2001. – Vol. 80, № 3. – P. 98–112.

261. Adolphs R. The social brain: neural basis of social knowledge // Annual Review of Psychology. – 2009. – Vol. 60. – P. 693–716.

262. Adorno T. W., Frenkel-Brunswik E., Levinson D. J., Sanford R. N. The authoritarian personality. – Harpers, 1950. – 1007 p.

263. Aguilar F., Galluccio M. Psychological processes in international negotiations: theoretical and practical perspectives. – Springer Science, 2008. – 171 p.

264. Almond G. A., & Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. – Princeton, NJ : Princeton University Press, 1963. – 574 p.

265. Arnsten A. F. Stress signalling pathways that impair prefrontal cortex structure and function // Nature Reviews Neuroscience. – 2009. – Vol. 10, № 6. – P. 410–422.

266. Arnsten A., Mazure C. M., Sinha R. This is your brain in meltdown // Scientific American. – 2012. – Vol. 306, № 4. – P. 48–53.

267. Arquilla J. Insurgents, raiders, and bandits. How masters of irregular warfare have shaped our world. – Chicago : Ivan R. Dee, 2011. – 311 p.

268. Arquilla J., Ronfeldt D. Cyberwar is coming // In: In Athena's camp. Preparing for conflict in the information age. – Santa-Monica : RAND, 1997. – 60 p.

269. Baltes P. B., Lindenberger U. Emergence of a powerful connection between sensory and cognitive functions across the adult life span: A new window to the study of cognitive aging? // Psychology and Aging. – 1997. – Vol. 12. – P. 12–21.

270. Bechara A., Damasio A. R., Damasio H., Anderson S. W. Insensitivity to future consequences following damage to human prefrontal cortex // Cognition. – 1994. – Vol. 50. – P. 7–15.

271. Bernays E. L. Propaganda. – New York : H. Liveright, 1928. – 159 p.

272. Boden M.A. Mind as Machine: A History of Cognitive Science. – Oxford : Clarendon Press, 2006. – 1680 p.

273. Bogen J. E., DeZure R., TenHouten W. D., Marsh J. F. Jr. The other side of the brain IV. The A/P ratio // Bulletin of the Los Angeles Neurological Societies. – 1972. – Vol. 37, No. 2. – P. 49–61.

274. Brass M. et al. Imaging volition: what the brain can tell us about the will // Experimental Brain Research. – 2013. – Vol. 229, No. 3. – P. 301–312.

275. Brass M., Lynn M. T., Demanet J., Rigoni D. Imaging volition: what the brain can tell us about the will // Experimental Brain Research. – 2013. – Vol. 229, No. 3. – P. 301–312.

276. Brooks S. J., Savov V., Allzén E., Benedict C., Fredriksson R., Schiöth H. B. Exposure to subliminal arousing stimuli induces robust activation in the amygdala, hippocampus, anterior cingulate, insular cortex and primary visual cortex: a systematic meta-analysis of fMRI studies // NeuroImage. – 2012. – Vol. 59, No. 3. – P. 2962–2973.

277. Bruder J. Cognitive code: post-anthropocentric intelligence and the infrastructural brain. – London : McGill-Queen’s University Press, 2019. – 202 p.

278. Burton R.A. A Skeptic’s Guide to the Mind: What Neuroscience Can and Cannot Tell Us About Ourselves. – New York : Macmillan Publishers, 2013. – 272 p.

279. Carr N. G. The Shallows: What the Internet Is Doing to Our Brains. – New York : W. W. Norton & Company, 2010. – viii, 280 p.

280. Casey B. J., Tottenham N., Liston C., Durston S. Imaging the developing brain: what have we learned about cognitive development? // Trends in Cognitive Sciences. – 2005. – Vol. 9. – P. 104–110.

281. Castel A. D., Pratt J., Drummond E. The effects of action video game experience on the time course of inhibition of return and the efficiency of visual search // Acta Psychologica. – 2005. – Vol. 119. – P. 217–230.

282. Chao M., Lei J., He R., Jiang Y., Yang H. TikTok use and psychosocial factors among adolescents: Comparisons of non-users, moderate users, and addictive users // Psychiatry Research. – 2023. – Vol. 325. – Article 115247.

283. Chatterjee I., Kunwar J., den Hond F. Anthony Giddens and structuration theory // Management, Organizations and Contemporary Social Theory / Eds. S. Clegg, M. Pina e Cunha. – Routledge, 2019. – P. 60–79.

284. Christakis D. A., Ramirez J. S. B., Ferguson S. M., Ravinder S., Ramirez J. M. How early media exposure may affect cognitive function: A review of results from observations in humans and experiments in mice // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2018. – Vol. 115, No. 40. – P. 9851–9858.

285. Clausewitz C. von. On War. – Princeton, NJ : Princeton University Press, 1989. – 752 p.

286. Cordesman A., Wagner A. The Lessons of Modern War: The Gulf War. – Boulder (USA), 1996.

287. Craik K. J. W. The Nature of Explanation. – Cambridge: Cambridge University Press, 1967. – 136 p.

288. Davison W. The third-person effect in communication // Public Opinion Quarterly. – 1983. – Vol. 47, № 1. – P. 1–15.

289. Deibert R. J. Parchment, Printing and Hypermedia: Communication in World Order Transformation. – N.Y. : Columbia University Press, 1997. – 334 p.

290. Del-Valle-Soto C. et al. A Comprehensive Review of Behavior Change Techniques in Wearables and IoT: Implications for Health and Well-Being // Sensors (Basel). – 2024. – Vol. 24, № 8. – P. 24-29.

291. DeStefano D., LeFevre J. A. Cognitive load in hypertext reading: A review // Computers in Human Behavior. – 2007. – Vol. 23, No. 3. – P. 1616–1641.

292. Draganski B., Gaser C., Busch V., Schuierer G., Bogdahn U., May A. Neuroplasticity: changes in grey matter induced by training // Nature. – 2004. – Vol. 427, No. 6972. – P. 311–312.

293. Drmotová K., Kutěj L. Cognitive Warfare as a New Dimension of Security. A Fictional Concept or a Real Silent Threat? // Vojenské rozhledy. – 2024. – Vol. 33. – P. 63–83.

294. Duhigg Ch. Smarter Faster Better: The Secrets of Being Productive in Life and Business. – Random House, 2016. – 400 p.

295. Eberstadt N. The Tyranny of Numbers: Mismeasurement and Misrule. – Washington, D.C. : AEI Press, 1995. – 344 p.

296. Ellul J. Propaganda – The Formation of Men’s Attitudes. – New York, 1965. – 437 p.

297. Epstein R., Robertson R. E. The search engine manipulation effect (SEME) and its possible impact on the outcomes of elections // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2015. – Vol. 112, № 33. – P. E4512–E4521.

298. Etter M., Albu O. Activists in the dark: Social media algorithms and collective action in two social movement organizations // Organization. – 2020. – Vol. 68(1). – P. 68–91.

299. Franks D.D. Neurosociology: The Nexus Between Neuroscience and Social Psychology. – New York : Springer Science+Business Media LLC, 2010. – 216 p.

300. Gao Y. et al. Neuroanatomical and functional substrates of the short video addiction and its association with brain transcriptomic and cellular architecture // Neuroimage. – 2025. – Vol. 307. – P. 121029.

301. Gilbert N.W. The Concept of Will in Early Latium Philosophy // Journal of the History of Philosophy. – 1963. – Vol. 1, No. 1. – P. 17–35.

302. Gill R., Goolsby R. (eds.) COVID-19 Disinformation: A Multi-National, Whole of Society Perspective. – Cham: Springer, 2022. – 213 p.

303. Goertz G. Social Science Concepts: A User's Guide. – Princeton: Princeton University Press, 2006. – 296 p.

304. Green C. S., Bavelier D. Action video game modifies visual selective attention // Nature. – 2003. – Vol. 423. – P. 534–537.

305. Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. 1: Reason and the Rationalization of Society. – Beacon Press, 1985. – 512 p.

306. Haggard P. Human volition: Towards a neuroscience of will // Nature Reviews Neuroscience. – 2008. – Vol. 9, No. 12. – P. 934–946.

307. Haggard P., Lau H. What is volition? // Experimental Brain Research. – 2013. – Vol. 229, No. 3. – P. 285–287.

308. Hartley D.S. III, Jobson K.O. Cognitive Superiority: Information to Power. – New York (NY, USA) : Springer, 2021. – 327 p.

309. Hoffman F.G. Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars. – Arlington : Potomac Institute for Policy Studies, 2007. – 72 p.;

310. Hovland C. I., Janis I. L., Kelley H. H. Communication and Persuasion: Psychological Studies of Opinion Change. – New Haven : Yale University Press, 1953. – 336 p.

311. Huang Y. Young people, media and politics in the digital age. // Information, Communication & Society. – 2024. – Vol. 28(1). – P. 187–189.

312. Hutcherson N.B. Command & Control Warfare: Putting Another Tool in the War-Fighter's Database. – Maxwell Air Force Base, Alabama : Air University Press, 1994. – 72 p.

313. Innis H.A. Empire and Communications. – Oxford, 1950. – 204 p.

314. Janin H. The Post-Information Society // The Virginia Quarterly Review. – 1994. – Vol. 70, No. 1. – P. 38–50.

315. Kahneman D. Thinking, Fast and Slow. – New York : Farrar, Straus and Giroux, 2011. – 533 p.

316. Kaplan J.T., Freedman J., Iacoboni M. Us versus them: Political attitudes and party affiliation influence neural response to faces of presidential candidates // Neuropsychologia. – 2007. – Vol. 45, № 1. – P. 55–64.

317. Karremans J. C., Stroebe W., Claus J. Beyond Vicary's fantasies: The impact of subliminal priming and brand choice // Journal of Experimental Social Psychology. – 2006. – Vol. 42, No. 6. – P. 792–798.

318. Khan M. Understanding Information Warfare and Its Relevance to Pakistan // Chinese Definitions of Information Warfare / ed. by T. Thomas. – Fort Leavenworth, KS : Foreign Military Studies Office, 2007. – P. 139–145.

319. Knutson K. M., Wood J. N., Spampinato M. V., Grafman J. Politics on the brain: an FMRI investigation // Social Neuroscience. – 2006. – Vol. 1, № 1. – P. 25–40.

320. Kramer A. D., Guillory J. E., Hancock J. T. Experimental evidence of massive-scale emotional contagion through social networks // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2014. – Vol. 111, No. 24. – P. 8788–8790.

321. Lange-Ionatamishvili E. Analysis of Russia's Information Campaign against Ukraine. – Riga: NATO Strategic Communications Centre of Excellence, 2015. – 40 p.

322. Lasswell H. D. The structure and function of communication in society // Bryson L. (Ed.). The communication of ideas. – New York : Harper and Row, 1948. – P. 37–51.

323. Lavelock J. (with Appleyard B.) Novacene: The Coming Age of Hyperintelligence. – Allen Line, 2019. – 160 p.

324. Lawson L., Spivak S., Webber H. et al. Alterations in brain activity induced by transcranial magnetic stimulation and their relation to decision making // Biology (Basel). – 2023. – Vol. 12(11). – Art. 1366.

325. LeDoux J. E. The Emotional Brain: The Mysterious Underpinnings of Emotional Life. – New York : Simon & Schuster, 1996.

326. Lee T. H., Telzer E. H. Negative Functional Coupling Between the Right Fronto-Parietal and Limbic Resting State Networks Predicts Increased Self-Control and Later Substance Use Onset in Adolescence // Developmental Cognitive Neuroscience. – 2016. – Vol. 20. – P. 35–42.

327. Li K., Jiang S., Yan X., Li J. Mechanism study of social media overload on health self-efficacy and anxiety // Heliyon. – 2023. – Vol. 10, No. 1. – e23326.

328. Libicki M. C. The mesh and the net: Speculation on armed conflict in a time of free silicon. Washington: National Defense University, 1994. – 127 p.

329. Libicki M.C. What is Information Warfare? – Washington, D.C. : Institute for National Strategic Studies, National Defense University, 1995.

330. Loh K. K., Kanai R. Higher media multitasking activity is associated with smaller gray-matter density in the anterior cingulate cortex // PLoS One. – 2014. – Vol. 9, № 9. – e106698.

331. Mao B., Jia X., Huang Q. How do information overload and message fatigue reduce information processing in the era of COVID-19? An ability–motivation approach // Journal of Information Science. – 2022. – Article 01655515221118047.

332. Matthes J., Heiss R., Scharrel H. The distraction effect. Political and entertainment-oriented content on social media, political participation, interest, and knowledge // Computers in Human Behavior. – 2023. – Vol. 142. – 107644.

333. Mattis J.N., Hoffman F.G. Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars // US Naval Institute Proceedings Magazine. – 2005. – November. – Vol. 132/11/1,233. – P. 18–19.

334. McClure S. M., Li J., Tomlin D., Cypert K. S., Montague L. M., Montague P. R. Neural correlates of behavioral preference for culturally familiar drinks // Neuron. – 2004. – Vol. 44, № 2. – P. 379–387.

335. McDermott R. New directions for experimental work in international relations // International Studies Quarterly. – 2011. – Vol. 55, No. 2. – P. 503–520.

336. Mesulam M. M. The human frontal lobes: Transcending the default mode through contingent encoding // In: Stuss D. T., Knight R. T. (eds.) Principles of Frontal Lobe Function. – Oxford: Oxford University Press. – 2002. – P. 8–30.

337. Miller E. K., Cohen J. D. An Integrative Theory of Prefrontal Cortex Function // Annual Review of Neuroscience. – 2001. – Vol. 24. – P. 167–202.

338. Miller S. Cognitive warfare: an ethical analysis // Ethics and Information Technology. – 2023. – Vol. 25. – P. 46.

339. Molander R., Riddile A., Wilson P. Strategic Information Warfare: A New Face of War. Santa Monica (USA), 1994.

340. Ophir E., Nass C., Wagner A. D. Cognitive control in media multitaskers // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2009. – Vol. 106, No. 37. – P. 15583–15587.

341. Ortega y Gasset J. Der Aufstan der Massen. – Berlin : Folk Verlag, 1959. – 140 p.

342. Paparella S. How did I miss that? The safety challenges of inattentional blindness // Journal of Emergency Nursing. – 2013. – Vol. 39, No. 4. – P. 358–359.

343. Parsons T. The Social System – Routledge, 2005. – 448 p.

344. Pessoa L. Emotion and Cognition and the Amygdala: From “What is it?” to “What’s to be done?” // Neuropsychologia. – 2010. – Vol. 48, No. 12. – P. 3416–3429.

345. Podshibyakina T. A. Cognitive narratology: possibilities of use in political science // Political Science (RU). – 2023. – No. 3. – P. 81–97.

346. Posner M. I., Rothbart M. K. Influencing brain networks: Implications for education // Trends in Cognitive Sciences. – 2005. – Vol. 9. – P. 99–103.

347. Price R., Sikkink K. International norms, moral psychology, and neuroscience (Elements in International Relations). – Cambridge : Cambridge University Press, 2021. – 80 p.

348. Raz N. Aging of the brain and its impact on cognitive performance: Integration of structural and functional findings // In: Craik F.I.M., Salthouse T.A. (eds.) The Handbook of Aging and Cognition. – Mahwah (NJ) : Erlbaum, 2000. – P. 1–90.

349. Reczkowski R., Lis A. Cognitive Warfare: what is our actual knowledge and how to build state resilience? // Security Theory and Practice. – 2022. – No. 3. – P. 51–61.

350. Rejali D. Torture and Democracy. – Princeton : Princeton University Press, 2007. – 864 p.

351. Rioja K., Cekic S., Bavelier D. Baumgartner S. E. Unraveling the link between media multitasking and attention across three samples // Technology, Mind, and Behavior. – 2023. – Vol. 4, No. 2.

352. Rosch E.H. Human categorization // Studies in Cross-Linguistic Psychology / Ed. by N. Warren. – L.: Academic Press, 1977. – P. 1-49.

353. Roskies A. L. How Does Neuroscience Affect Our Conception of Volition? // Annual Review of Neuroscience. – 2010. – Vol. 33. – P. 109–130.

354. Rózsa T. NATO Information Operations in Theory and in Practice: Battling for Hearts and Minds in Afghanistan // Academic and Applied Research in Military and Public Management Science. – 2013. – Vol. 12. – P. 155–164.

355. Salecha A., Ireland M. E., Subrahmanya S., Sedoc J., Ungar L. H., Eichstaedt J. C. Large language models display human-like social desirability biases in Big Five personality surveys // PNAS Nexus. – 2024. – Vol. 3(12). – pgae533.

356. Sanfey A. G., Rilling J. K., Aronson J. A., Nystrom L. E., Cohen J. D. The neural basis of economic decision-making in the Ultimatum Game // Science. – 2003. – Vol. 300, No. 5626. – P. 1755–1758.

357. Sartori G. Concept Misformation in Comparative Politics // The American Political Science Review. – 1970. – Vol. 64, No. 4. – P. 1033–1053.

358. Sartori G., Riggs F.W., Teune H. Tower of Babel: On the Definition and Analysis of Concepts in the Social Sciences. Pittsburgh: International Studies Association, 1975. – 91 p.

359. Shaffer J. Neuroplasticity and Clinical Practice: Building Brain Power for Health // Frontiers in Psychology. – 2016. – Vol. 7. – Article 1118.

360. Shanmugasundaram M., Tamilarasu A. The impact of digital technology, social media, and artificial intelligence on cognitive functions: a review // Frontiers in Cognition. – 2023.

361. Shen Weiguang. Focus of Contemporary World Military Revolution– Introduction to Information Warfare // Jiefangjun Bao. – 1995. – November 7. – P. 6.

362. Simchon A., Edwards M., Lewandowsky S. The persuasive effects of political microtargeting in the age of generative artificial intelligence // PNAS Nexus. – 2024. – Vol. 3, No. 2. – Article pgae035.

363. Sina E., Buck C., Ahrens W., Coumans J. M. J., Eiben G., Formisano A., Lissner L., Mazur A., Michels N., Molnar D., Moreno L. A., Pala V., Pohlabeln H., Reisch L., Tornaritis M., Veidebaum T., Hebestreit A.; I. Family consortium. Digital media exposure and cognitive functioning in European children and adolescents of the I.Family study // Scientific Reports. – 2023. – Vol. 13, No. 1. – 18855.

364. Slater M. D. Entertainment Education and the Persuasive Impact of Narratives // Green M. C., Strange J. J., Brock T. C. (Eds.). Narrative Impact: Social and Cognitive Foundations. – Mahwah, NJ : Lawrence Erlbaum, 2002. – P. 157–181.

365. Small G., Vorgan G. iBrain: Surviving the Technological Alteration of the Modern Mind. – New York : HarperCollins, 2009. – 255 p.

366. Smiljanic, D. Cognitive Warfare - the Human Mind as the New Battlefield // Proceedings of the Defence and Security Conference. – 2025. – Vol. 1, No 1. – P. 84–114.

367. Sparrow B., Liu J., Wegner D. M. Google effects on memory: Cognitive consequences of having information at our fingertips // Science. – 2011. – Vol. 333, No. 6043. – P. 776–778.

368. Stiles J., Moses P., Passarotti A. Exploring developmental change in the neural bases of higher cognitive functions: The promise of functional magnetic resonance imaging // Developmental Neuropsychology. – 2003. – Vol. 24. – P. 641–668.

369. Su C., Zhou H., Gong L., Teng B., Geng F., Hu Y. Viewing personalized video clips recommended by TikTok activates default mode network and ventral tegmental area // NeuroImage. – 2021. – Vol. 237. – Article 118136.

370. Thagard P. Brain–mind. From neurons to consciousness and creativity. – New York, N.Y.: Oxford University Press, 2019. – 336 p.

371. The Marine Corps and Information Operations // Marine Corps Gazette. – 1997. – April. – P. 17.

372. van der Linden D., Frese M., Sonnentag S. The impact of mental fatigue on exploration in a complex computer task: rigidity and loss of systematic strategies // Human Factors Review. – 2003. – Vol. 45. – P. 483–494.

373. Van Riper P. Information Superiority // Marine Corps Gazette. – 1997. – June. – P. 54–62.

374. Vosoughi S., Roy D., Aral S. The spread of true and false news online // Science. – 2018. – Vol. 359(6380). – P. 1146–1151.

375. Wang Baocun, Li Fei. Information Warfare // Chinese Views of Future Warfare / ed. by Michael Pillsbury. – Washington, DC : National Defense University Press, 1997. – 328 p.

376. Watts S. Messing with the Enemy: Surviving in a Social Media World of Hackers, Terrorists, Russians and Fake News. – New York : Harper, 2018. – 304 p.

377. Weber M. Understanding and the Charge of Subjectivism // Forum for Inter-American Research. – 2020. – Vol. 13, Issue 3. – P. 35–45.

378. Wendt A. Anarchy is what states make of it: the social construction of power politics // International Organization. – 1992. – Vol. 46, No. 2. – P. 391–425.

379. White S. P. The Organizational Determinants of Military Doctrine: A History of Army Information Operations // Texas National Security Review – 2023. – Vol. 6, № 1. – P. 51-78.

380. Wright N.D. The biology of cooperative decision-making: neurobiology to international relations // In: Galluccio M. (ed.) Handbook of International Negotiation. – Cham : Springer, 2015. – P. 47–58.

381. Yesilada M., Lewandowsky S. Systematic review: YouTube recommendations and problematic content // Internet Policy Review. – 2022. – Vol. 11, No. 1. – Article 1652.

382. Yun R. J., Krystal J. H., Mathalon D. H. Working memory overload: fronto-limbic interactions and effects on subsequent working memory function // Brain Imaging and Behavior. – 2010. – Vol. 4, No. 1. – P. 96–108.

383. Zarouali B., Dobber T., Pauw G., de Vreese C. Using a Personality-Profiling Algorithm to Investigate Political Microtargeting… // Communication Research. – 2022. – Vol. 49. – P. 1066–1091.

384. Zhu J. Locating volition // Consciousness and Cognition. – 2004. – Vol. 13, No. 2. – P. 302–322.

385. Zimmerman C. Damasio's proposition [Review of the book Descartes' Error: Emotion, Reason and the Human Brain, by A. Damasio] // Canadian Journal of Experimental Psychology / Revue canadienne de psychologie expérimentale. – 1996. – Vol. 50, No. 3. – P. 330–332.

Интернет-источники

На русском языке

386. Барановский В., Подъяконов В., Грекова И. Противоборство в когнитивной войне: борьба за человеческий разум // Системы безопасности: Security and Safety. – 18.10.2022. – URL: https://www.secuteck.ru/articles/protivoborstvo-v-kognitivnoj-vojne-borba-za-chelovecheskij-razum.

387. Борисова А. Р. Cambridge Analytica scandal – why is it important for us? // ИМЭМО РАН: официальный сайт. – 30.03.2018. – URL: https://www.imemo.ru/news/events/text/cambridge-analytica-scandal-why-is-it-important-for-us.

388. Ганчев О. Кривая Эббингауза или как взломать свою память // Geekbrains. – 17.06.2020. – URL: https://geekbrains.ru/posts/krivaya-ehbbingauza-ili-kak-vzlomat-svoyu-pamyat.

389. Григоренко Ю. Цена агрессии: Россию ждет жесточайший экономический кризис // GMK Center. – 14.03.2022. – URL: https://gmk.center/posts/cena-agressii-rossiju-zhdet-zhestochajshij-ekonomicheskij-krizis/.

390. Караяни А. Г. Теория и практика психологической войны. Организация и проведение информационных операций // Официальный сайт библиотеки “Psyfactor”. – URL: http://psyfactor.org/lib/psywar30.htm.

391. Кришталь О. Сознание и нейронаука // Зеркало недели. – 30.05.2008. – Вып. 20. URL: https://zn.ua/SCIENCE/soznanie_i_neyronauka.html.

392. Кунакова Л. Н. Информационная война как объект научного анализа (понятие и основные характеристики информационной войны) // Сайт Издательства Грамота. – 2012. – URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1993-5552_2012_6_30.pdf.

393. Лукьянов Ф. А. Перерыв подходит к концу // Россия в глобальной политике. – 22.11.2018. – URL: https://globalaffairs.ru/articles/pereryv-podhodit-k-konczu/.

394. «Лучше всего запоминается негативная информация». Можно ли защитить мозг от пропаганды // press club Belarus. – 07.06.2020. – URL: https://press-club.pro/dosved/luchshe-vsego-zapominaetsya-negativnaya-informaciya-mozhno-li-zashchitit-mozg-ot-propagandy.

395. Макаров В. А. Ментальная и когнитивная войны: вопросы определения, цели и средства // Геополитика. 2022. – 12.11.2022. – URL: https://www.geopolitika.ru/article/mentalnaya-i-kognitivnaya-voyny-voprosy-opredeleniya-celi-i-sredstva.

396. Массовые убийства мирных жителей в Буче: что известно на данный момент // Русская служба BBC News. – 04.04.2022. – URL: https://www.bbc.com/russian/news-60986588.

397. Мозг и его секреты: как работает поведенческая экономика и почему нельзя ходить в магазин голодным // HSEdaily. – 30.05.2023. – URL: https://daily.hse.ru/post/mozg-i-ego-sekrety-kak-rabotaet-povedencheskaya-ekonomika-i-pochemu-nelzya-hodit-v-magazin-golodnym.

398. Наки М. Мы против войны // YouTube. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=I2jkzoIPQPE.

399. Пономарева Е. Г. Когнитивная война: цели и технологии // Dzen.ru. – 02.03.2024. – URL: https://dzen.ru/a/ZeMnMRGQgSPtz5Xs.

400. Постман Н. Информируемся до смерти / пер. с англ. А. Т. – 2003. – URL: https://img1.liveinternet.ru/images/attach/b/4//4109/4109428_postmanneil.pdf.

401. Психологические аспекты социальной рекламы // tsutmb.ru. – URL: https://www.tsutmb.ru/nayk/nauchnyie_meropriyatiya/int_konf/vseross/20_05_2015_obshchestvo_obshchnosti_chelovek_v_poiskakh_vechnogo_mira/psikhologicheskie-aspekty-sotsialnoy-reklamy/.

402. Российский рэпер Face встал на колено с извинениями на концерте в Варшаве в поддержку Украины. // YouTube. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=VxZ_17SiHIw.

403. Сила нарратива: как истории управляют людьми // Эконс. – 02.06.2023. – URL: https://econs.online/articles/coffee-break/sila-narrativa-kak-istorii-upravlyayut-lyudmi/.

404. Собрались с мыслями. Современная политология. Вып. от 06.02.2025 // 1tv.ru. – 06.02.2025. – URL: https://www.1tv.ru/podcasts/sobralis-s-myslyami/vypuski/sobralis-myslyami-sovremennaya-politologiya-vypusk-ot-06-02-2025.

405. Соколов А. Никаких «саперных лопаток» не было… // Столетие. Территория истории. – 11.04.2019. – URL: https://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/nikakih_sapernyh_lopatok_ne_bylo_934.htm

406. Соколова М. Е. Когнитивные удары отечественных блогеров по обществу России в период с 24 февраля по 24 августа 2022 г. // Сонар 2050. – 26.09.2022. – URL: https://www.sonar2050.org/storage/files/ПостУкраина/KGW.pdf.

407. Тбилиси-89. Что произошло в грузинской столице тридцать лет назад // Военное обозрение. – 18.04.2019. – URL: https://topwar.ru/156962-tbilisi-89-chto-proizoshlo-v-gruzinskoj-stolice-tridcat-let-nazad.html.

408. Технологический суверенитет: проблемы и пути обеспечения // 2050.su. – URL: https://2050.su/technologicheskiy-suverenitet/.

409. Украина: разрушенный роддом в Мариуполе, дефицит кислорода и инсулина, медики работают под обстрелами. // Новости ООН. – 09.03.2022. – URL: https://news.un.org/ru/story/2022/03/1419552.

410. Украинские блогеры обратились к своим коллегам из России: Сколько можно молчать? // YouTube. URL: https://www.youtube.com/watch?v=SxZ3xONopYg.

411. Amnesty: удар по драматическому театру Мариуполя - военное преступление России. // Русская служба BBC News. – 30.06.2022. – URL: https://www.bbc.com/russian/news-61993190.

На английском языке

412. About half of TikTok users under 30 say they use it to keep up with politics, news // Pew Research Center. – 20.08.2024. – URL: https://www.pewresearch.org/short-reads/2024/08/20/about-half-of-tiktok-users-under-30-say-they-use-it-to-keep-up-with-politics-news/.

413. Amygdala Hijack: When Emotion Takes Over // Healthline. – 18.04.2025. – URL: https://www.healthline.com/health/stress/amygdala-hijack.

414. Army Doctrine Publication (ADP) 3-13: Information. – Washington, DC: Headquarters, Department of the Army. – 11.2023. – URL: https://irp.fas.org/doddir/army/adp3-13.pdf.

415. Bernal A., Carter C., Madreperla O., Cao K., Singh I. Fall 2020 Cognitive Warfare – An Attack on Truth and Thought // InnovationHub. – 2021. – URL: https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2021-03/Cognitive%20Warfare.pdf.

416. Bingle M. What is Information Warfare? The Henry M. Jackson School of International Studies // University of Washington. – 25.09.2023. – URL: https://jsis.washington.edu/news/what-is-information-warfare/.

417. Cadwalladr C. Fresh Cambridge Analytica leak ‘shows global manipulation is out of control’ // The Guardian. – 04.01.2020. – URL: https://www.theguardian.com/uk-news/2020/jan/04/cambridge-analytica-data-leak-global-election-manipulation.

418. China’s social-media attacks are part of a larger ‘cognitive warfare’ campaign // Defense One. – 17.10.2023. – URL: https://www.defenseone.com/ideas/2023/10/chinas-social-media-attacks-are-part-larger-cognitive-warfare-campaign/391255/.

419. Claverie B. Cognitive warfare: the new battlefield exploiting our brains // Polytechnique Insights. – 05.02.2025. – URL: https://www.polytechnique-insights.com/en/columns/geopolitics/cognitive-warfare-the-new-battlefield-exploiting-our-brains/.

420. Claverie B., Cluzel F. Du. Cognitive Warfare: The Advent of the Concept of “Cognitics” in the Field of Warfare / Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance // NATO Collaboration Support Office – 01.03.2022. – URL: https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-03635889.

421. Claverie B., du Cluzel F. The Cognitive Warfare Concept // NATO Innovation Hub. – 2022. – URL: https://innovationhub-act.org/wp-content/uploads/2023/12/CW-article-Claverie-du-Cluzel-final_0.pdf.

422. Claverie B., Prebot B., Buchler N., Du Cluzel F. (eds.). Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance // NATO Collaboration Support Office. – 08.04.2022. – URL: https://hal.science/hal-03635887v1/file/NATO-CSO-CW%202022-03-01%20%28US%29%20Autellet.pdf

423. Cluzel F. Du. Cognitive Warfare // NATO Innovation Hub. – 11.2020. – URL: https://innovationhub-act.org/wp-content/uploads/2023/12/20210113_CW-Final-v2-.pdf.

424. Cognition Workshop Report // NATO Innovation Hub. – 03.06.2021. – URL: https://innovationhub-act.org/wp-content/uploads/2023/12/210601-Cognition-Workshop-Report-v3.pdf.

425. Countering cognitive warfare: awareness and resilience // NATO Review. – 20.05.2021. – URL: https://ru.scribd.com/document/838634646/NATO-Review-Countering-cognitive-warfare-awareness-and-resilience-2021.

426. Deceptive use of AI and technology is turning the mind into the main battlefield of the 21st century, according to IE University // IE University. – 19.04.2024. – URL: https://www.ie.edu/university/news-events/news/deceptive-use-ai-technology-is-turning-mind-main-battlefield-21st-century-according-ie-university/.

427. DEEP Resilience Reference Curriculum // NATO Defence Education Enhancement Programme. – 21.02.2025. – URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2025/2/pdf/DEEP-resilience-reference-curriculum.pdf.

428. Faverio M., Sidoti O. Teens, Social Media and Technology 2024 // Pew Research Center. – 12.12.2024. – URL: https://www.pewresearch.org/internet/2024/12/12/teens-social-media-and-technology-2024/.

429. Fisher M. In D.N.C. Hack, Echoes of Russia’s New Approach to Power // The New York Times. – 25.07.2016. – Архивная копия от 15.09.2017. – URL: https://web.archive.org/web/20170915000000/https://www.nytimes.com.

430. Free Will Is Real and We Can Lose It // Psychology Today. – 13.04.2022. – URL: https://www.psychologytoday.com/us/blog/mind-in-the-machine/202204/free-will-is-real-and-we-can-lose-it.

431. Green S.A. Cognitive Warfare // Innovation Hub, NATO ACT. – 07.2008. – URL: https://theaugeanstables.com/wp-content/uploads/2014/04/Stuart-Green-LTC-USN-Cognitive-Warfare.pdf.

432. Gutierrez E. Connect to Divide: Social Media in 21st Century Warfare // Over the Horizon Journal. – 13.04.2020. – URL:

https://othjournal.com/2020/04/13/connect-to-divide-social-media-in-21st-century-warfare/.

433. Hofstetter P., Janssen F. There is no need for a cognitive domain // The Defence Horizon Journal. – 02.11.2023. – URL: https://tdhj.org/blog/post/no-need-cognitive-domain/.

434. Implications of Modern Decision Science for Military Decision-Support Systems // RAND.org. – 2009. – URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2009/RAND_MG815.sum.pdf.

435. Impulsive? Indecisive? You May Have "Decision Fatigue" // MIT Sloan Management Review. – 31.08.2011. – URL: https://sloanreview.mit.edu/article/impulsive-indecisive-you-may-have-decision-fatigue/.

436. Kania E. The PLA's Latest Strategic Thinking on the Three Warfares // Jamestown Foundation. – 22.08.2016. – URL: https://jamestown.org/program/the-plas-latest-strategic-thinking-on-the-three-warfares/.

437. Lifespan Development // OpenStax. – URL: https://openstax.org/books/lifespan-development/pages/9-4-decision-making-and-risky-behaviors-in-adolescence.

438. Lischka K., Stöcker C. The Digital Public. – 01.2018. – URL: https://www.bertelsmann-stiftung.de/fileadmin/files/BSt/Publikationen/GrauePublikationen/The_digital_Public__2_.pdf.

439. McKew M.K. The Gerasimov Doctrine // Politico Magazine. – 2017. – Архивная копия от 11.11.2021. – URL: https://web.archive.org/web/20211111000000/https://www.politico.com.

440. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China / Annual Report to Congress // Office of the Secretary of Defense. – 2023. – URL: https://media.defense.gov/2023/Oct/19/2003323409/-1/-1/1/2023-MILITARY-

AND-SECURITY-DEVELOPMENTS-INVOLVING-THE-PEOPLES-REPUBLIC-OF-CHINA.PDF.

441. Millennial Cognitive Tunnel Syndrome // Psychology Today. – 04.03.2017. – URL: https://www.psychologytoday.com/us/blog/the-gen-y-guide/201703/millennial-cognitive-tunnel-syndrome.

442. Murphy M.N. Understanding Russia's Concept for Total War in Europe // The Heritage Foundation. – 12.09.2016. – Архивная копия от 11.05.2017. – URL: https://web.archive.org/web/20170511075956/https://www.heritage.org.

443. NATO Warfighting Capstone Concept // NATO Allied Command Transformation. – 2021. – URL: https://www.act.nato.int/wp-content/uploads/2023/06/NWCC-Glossy-18-MAY.pdf.

444. NATO. Deputy Secretary General welcomes NATO Science Book on COVID Disinformation // NATO Library. – 05.09.2022. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_207062.htm.

445. NATO. Emerging and Disruptive Technologies // NATO Official Website. – 25.06.2025. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_184303.htm.

446. Neurotechnology for Intelligence Analysts (NIA) // Defense Advanced Research Projects Agency. – 2010. – URL: https://www.darpa.mil/program/neurotechnology-for-intelligence-analysts.

447. Our Actions Determine What We Read and See Online. Algorithms Are Only a Part of That Process // RAND. – 07.02.2020. – URL: https://www.rand.org/pubs/commentary/2020/02/our-actions-determine-what-we-read-and-see-online-algorithms.html.

448. Pentagon Preps Mind Fields for Smarter War Stations // WIRED. – 21.03.2007. – URL: https://www.wired.com/2007/03/pentagon-preps-mind-fields-for-smarter-war-stations-2/?/Users/hiroko/Desktop/200323876-001-1.jpgcurrentPage=1.

449. Resilience Reference Curriculum. – Brussels: North Atlantic Treaty Organization. – 2025. – URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2025/2/pdf/DEEP-resilience-reference-curriculum.pdf.

450. Responding to Cognitive Security Challenges // NATO Strategic Communications Centre of Excellence. – 2019. – URL: https://stratcomcoe.org/cuploads/pfiles/web_Responing-to-Cognitive.pdf.

451. Rona T.P. Weapon Systems and Information War // Boeing Aerospace Co. – 01.07.1976. – URL: https://www.esd.whs.mil/Portals/54/Documents/FOID/Reading%20Room/Science_and_Technology/09-F-0070-Weapon-Systems-and-Information-War.pdf.

452. Rose E. Information Overload // The Decision Lab. – 2021. – URL: https://thedecisionlab.com/reference-guide/psychology/information-overload.

453. Social Media and News Fact Sheet // Pew Research Center. – 12.12.2024. – URL: https://www.pewresearch.org/journalism/fact-sheet/social-media-and-news-fact-sheet.

454. Summary of NATO's Biotechnology and Human Enhancement Technology Strategy // Brussels: North Atlantic Treaty Organization. – 12.04.2024. – URL: https://www.nato.int/cps/ra/natohq/official_texts_224669.htm.

455. Szafranski R. Theory of Information Warfare. Preparing For 2020, USAF // Airpower Journal. – 1995. – URL: https://www.hsdl.org/?view&did=439843.

456. «Telegram revolution»: App helps drive Belarus protests // AP News. – 16.08.2020. – URL: https://apnews.com/article/international-news-technology-business-ap-top-news-europe-823180da2b402f6a1dc9fbd76a6f476b.

457. The Challenge of AI-Enhanced Cognitive Warfare: A Call to Arms for a Cognitive Defense // Small Wars Journal. – 22.01.2025. – URL: https://smallwarsjournal.com/2025/01/22/the-challenge-of-ai-enhanced-cognitive-warfare-a-call-to-arms-for-a-cognitive-defense/.

458. The Danger of Continuous Partial Attention // Entrepreneur. – 26.11.2014. – URL: https://www.entrepreneur.com/starting-a-business/the-danger-of-continuous-partial-attention/240254.

459. The firehose of falsehood effect, and how to extinguish it // IE University. – 01.04.2022. – URL: https://www.ie.edu/blue-talks/the-firehose-of-falsehood-effect-and-how-to-extinguish-it.

460. The Psychology of Color: What effect does color have on brain function? // Taproot Therapy. – 18.07.2024. – URL: https://gettherapybirmingham.com/the-psychology-of-color-what-effect-does-color-have-on-b/.

461. The U.S. Army in Multi-Domain Operations 2028 // United States Army Training and Doctrine Command. – 06.12.2018. – URL: https://info.publicintelligence.net/USArmy-MultidomainOps2028.pdf.

462. Theohary C.A. Information Warfare: Issues for Congress // Congressional Research Service, – 03.05.2018. – URL: https://www.congress.gov/crs-product/R45142.

463. Thomas T. (ed.) Chinese Information Warfare // Foreign Military Studies Office. – 06.2001. – URL: https://www.armyupress.army.mil/Portals/7/Hot%20Spots/Documents/China/Thomas-China-1999.pdf.

464. Troxler M. Chinese Definitions of Information Warfare // Globalaffairs.ch. – URL: https://s55fff780010d8867.jimcontent.com/download/version/1657019207/module/6308991066/name/Chinese_Definitions_of_Information_Warfare.pdf.

465. Using Artificial Intelligence Tools for Obtaining Cognitive Warfare Advantages // The Defense Horizon Journal. – 23.10.2023. – URL: https://tdhj.org/blog/post/artificial-intelligence-cognitive-warfare-twitter.

466. Wang Pufeng. The Challenge of Information Warfare // China Military Science. – 20.06.1995. – URL: https://irp.fas.org/world/china/docs/iw_wang.htm.

467. What doctors wish patients knew about decision fatigue // AMA Ed Hub. – 21.03.2025. – URL: https://www.ama-assn.org/delivering-care/public-health/what-doctors-wish-patients-knew-about-decision-fatigue.

468. Youth rely on digital platforms, need media literacy and access to political information // The CIRCLE, Tufts University. – 15.05.2025. – URL: https://circle.tufts.edu/latest-research/youth-rely-digital-platforms-need-media-literacy-access-political-information.